

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

39
2023
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 39 (486) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Альберт Бандура* (1925–2021), канадский и американский психолог, первым предложивший теорию социального научения и заложивший основы теории самоэффективности.

Альберт Бандура, младший из шестерых детей и единственный сын в семье мелких фермеров, родился в Мандере, в провинции Альберта в Канаде. В его жилах смешалась украинская и польская кровь.

Возможности получения образования в крохотной деревушке были более чем скромными. Свои первые знания Альберт получил в маленькой деревенской школе. Однако мальчик не ограничился одним школьным курсом, а активно занялся самообразованием, чтобы расширить область своих знаний.

Следуя наставлениям отца, Альберт поступил в Университет Британской Колумбии. Именно здесь он внезапно открыл для себя академическую психологию. Как-то, придя на занятия много раньше назначенного времени, юноша решил чем-то заполнить свободное утро. И совершенно случайно ему в руки попался курс по психологии. Это и разожгло в нём подлинный интерес, формируя направление будущей деятельности. Прочувшись около трёх лет, в 1949 году Бандура окончил университет в степени бакалавра и поступил в аспирантуру Айовского университета. В 1951 году Альберт получил научную степень магистра, а через год — и степень доктора философии.

Уже в университете Бандура отклонился от традиционной теории бихевиоризма, господствовавшей в умах в то время. Вместо этого он сосредоточил свои усилия на описании психологического процесса.

Вместо применения психоанализа и изучения личности он нацелил свои усилия на развитие практической теории, описывающей мыслительные процессы посредством наблюдательного обучения и саморегулирования.

Получив научную степень, Бандура прошел медицинскую практику в Консультационном центре в г. Уичито, штат Канзас (США). Уже в 1953 году он занял должность преподавателя в Стэнфордском университете.

В самом начале научной деятельности сильное влияние на взгляды Бандуры оказали работы Роберта Сирса на тему социального поведения и идентификаций. Объединив усилия с Ричардом Уолтерсом, Бандура начал исследование процесса социализации и проявлений агрессии.

Основываясь на теории социализации, он обнаружил, что обучение личности и копирование ею поведения основывается на трёх принципах: на стимуле, формирующем поведенческий ответ, на ответном отклике, влияющем на поведенческую реакцию, и на познавательных функциях социализации, сказывающихся на поведенческом ответе.

После детальных исследований данного вопроса в 1959 году Бандура опубликовал свою первую книгу «Подростковая агрессия». Эта работа полностью отвергла модификаторы пове-

дения Скиннера — награды, наказания и положительные и отрицательные подкрепления — как ключевые методы обращения с детьми, проявляющими агрессию. Вместо этого автор предлагал выяснять причину такой чрезмерной жестокости.

Дальнейшие исследования в этой области привели к публикации в 1973 году его второй книги — «Агрессия: анализ социального научения». Продолжая свою работу, Бандура создал научный труд «Теория социального научения» (1977 год), в корне меняющий направление, в котором развивалась психология в 1980-х годах.

Наибольшую известность Бандуре принес ряд исследований, которые пресса окрестила общим названием «эксперимент с куклой Бобо». В ходе этих опытов Бандура с коллегами показывали детям взрослых людей, избивающих куклу. Когда вслед за этим детям предлагали поиграть с куклой, они копировали поведение взрослых.

Другая же группа детей, которой показывали взрослых, аккуратно обращающихся с куклой, не прибегала к агрессии. Более поздние исследования Бандуры показали, что даже демонстрация фильма с содержанием сцен насилия приводила к похожим результатам. На то, усвоят ли дети это поведение, впрочем, влияло и то, поощрялись или наказывались поступки взрослых моделей.

В 1970-х годах Бандура занялся изучением влияния веры в эффективность собственных действий на активность деятельности человека.

Теория самоэффективности не только продвинула вперёд изучение фобий, но и нашла применение при терапии пострадавших от стихийных бедствий и страдающих посттравматическими стрессовыми расстройствами. Именно чувство контроля над собой помогало людям, пережившим подобные травмы, оправиться после произошедшего.

За свою долгую жизнь Альберт Бандура стал почётным доктором шестнадцати различных университетов мира, включая Университет Британской Колумбии, Университет Альфреда, Римский университет и др.

В 1974 году Бандура стал 82-м президентом Американской ассоциации психологов.

В 1980 году он стал членом Американской академии искусств и науки. Ему присужден целый ряд престижных премий, он был награжден также золотой медалью «За значительные достижения в науке психологии».

Бандура внес существенный вклад в психологию, став родоначальником целого направления в анализе и обучении. Сегодня по его программам ведется преподавание в различных учебных заведениях по всему миру.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Amanmuhammedova D. T., Nurmammedov M. R.

Legal significance of the introduction of the TIR-EPD customs information system in the customs authorities.....69

Аюшиева С. Ж.

Право на защиту и презумпция невиновности в уголовном процессе: содержание, реализация и проблемы71

Балданжамсоева О. Э.

Насильственная преступность среди несовершеннолетних.....73

Букреев И. Е.

Структура частных методик расследования отдельных видов и групп преступлений.....74

Букреев И. Е.

Подходы к пониманию методов расследования преступлений в российской криминалистике ...77

Губарев Е. И.

Проблемы уголовно-правовой охраны оказания медицинской помощи в Российской Федерации и Республике Казахстан79

Данзанова К. Э.

Совершенствование практики осуществления электронного правосудия как организационно-правовое обеспечение деятельности судов81

Дядич А. А.

Ответственность за незаконную туроператорскую деятельность: основные понятия, разграничения ответственности, практика правоприменения ... 83

Егоркина М. С.

Правовое регулирование свободы СМИ в современной России85

Жугина Л. А.

Экспертиза психологического воздействия при проведении представителями определённых организаций (религиозных, сектантских, политических, образовательных и т.д.) семинаров и других массовых мероприятий.....87

Захария О. Г.

Деление частного и публичного права в российской правовой науке88

Захария О. Г.

Значение деления частного и публичного права в правовой науке91

Захария О. Г.

Нормативно-правовой акт как источник права в России: понятие и виды93

Захария О. Г.

Правосознание и его понятие, структура, виды, особенности.....95

Захария О. Г.

Действие частного и публичного права в Российской государственности.....97

Истомина А. С.

Проблемы правового регулирования компенсаций затрат дистанционных работников99

Кожевников В. В.

Реформирование института крупных сделок и сделок с заинтересованностью 101

Колесников А. А.

Понятие и признаки налогового правонарушения 103

Лутфуллина К. Н.

Договоры и соглашения в семейном праве: разграничение понятий 104

Малютина М. Е. Существенные условия строительного подряда 108	Саченко А. Л., Яковлева А. К. История развития и современное правовое регулирование корпоративных ценных бумаг..... 120
Мункуев П. А. Проблемы квалификации преступлений по статье 106 УК РФ и пути их решения 109	Тимошенко И. И. Проблемные аспекты реализации полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела 122
Мухаметзанов Б. Э. Основные направления и некоторые проблемы правовой политики России..... 111	Шайхутдинова А. Д. Проблема процессуальной самостоятельности следователя 126
Пиолия И. И. Проблемы правового регулирования предоставления льгот иностранным инвесторам 113	Шарова А. А. Система источников правового регулирования института разрешения административных споров..... 129
Ромашов Р. Ю. Проблемы в толковании понятия «непосредственная угроза причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан» в условиях реформы контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации 115	Янаев В. В. Реализация конституционного права граждан на достойный уровень жизни в контексте реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду 132
Саломатин М. А. Проблемы приказного судопроизводства 117	Янаев В. В. Реализация конституционного права граждан на достойный уровень жизни в контексте реализации конституционного права на бесплатное дошкольное образование 135

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Legal significance of the introduction of the TIR-EPD customs information system in the customs authorities

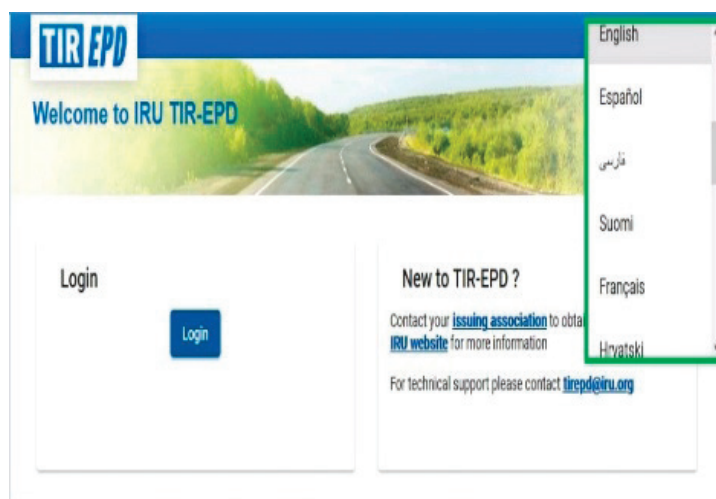
Amanmuhammedova Dunyagozel Taganovna, candidate of legal sciences, teacher
Turkmen State University named after Magtymguly (Ashgabat)

Nurmammedov Mekan Rozmamedovich, student
Naval Institute of the Ministry of Defense of Turkmenistan (Ashgabat)

Keywords: Code, customs authorities, law, customs border, customs officer, economic security, TIR-EPD international customs information system, declaration, transport, Convention, preliminary analysis, TIR Carnet, Administrative Offences, nomenclature, duties and taxes.

As a result of the tireless efforts of our Esteemed President Serdar Berdimuhamedov, a number of legal measures aimed at further strengthening the security of the State are being implemented for military personnel. At the same time, our customs officers also make a great contribution, using international experience related to the protection of the customs border and the economic security of the country, speeding up the movement of goods crossing the customs border. The TIR-EPD (TIR — «Transport International Routier») (EPD — «Electronic Pre-Declaration») customs information system controls the legal declaration of commercial and personal goods crossing the customs border of the country and fa-

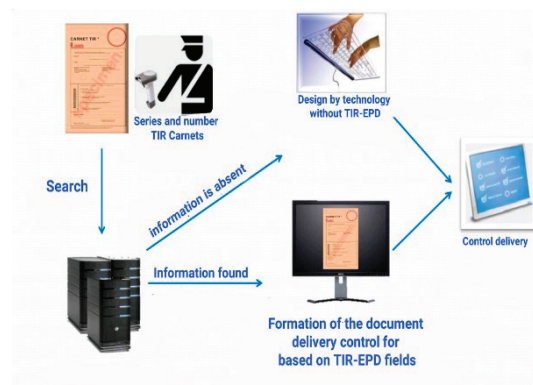
cilitates the exchange of customs declarations. This international customs information system facilitates the correct and risk-free clearance of goods crossing the customs border. In addition, the TIR-EPD customs information system has developed a number of conditions that facilitate and accelerate the payment of customs duties. This customs information system operates on the basis of the laws of the International Transport Convention. This Convention was adopted by the Economic Commission for Europe on November 14, 1975. The main purpose of the International Transport Convention is to ensure the safe transit of goods in accordance with the rules and regulations established in the Convention.

The TIR system ensures the rapid movement of more than 3.2 million customs documents per year. TIR-EPD is a customs transit document serving as a customs declaration and tax payment guarantee. The administrative center of the TIR-EPD customs information system is located in Bern, the capital of Sweden.

The TIR-EPD customs Information System currently operates in 32 countries around the world. These are: Austria, Azerbaijan, Afghanistan, Belarus, Belgium, Bulgaria, Bosnia and Herzegovina, Hungary, Germany, Greece, Georgia, Israel, India, Iran, Italy, Kazakhstan, Qatar, Kyrgyzstan, China, Latvia, Lithuania, Moldova, Mongolia, UAE, Oman, Pakistan, Poland, Russia, Romania, Saudi Arabia, North Macedonia, Serbia, Slovakia, Slovenia, Tajikistan, Turkey, Uzbekistan, Ukraine, Finland, France, Croatia, Czech Republic and Estonia. In the State Customs Service of Turkmenistan,

with the support of the International Road Transport Union (IRU), work began on the introduction of IT tools in July 2020. This year, Turkmenistan has entered the ranks of users of this electronic system. In addition, TIR-EPD has the ability to manage the customs information system in 18 languages. These are: English, Arabic, Bulgarian, Hungarian, Chinese, Lithuanian, German, Polish, Romanian, Russian, Serbian, Slovak, Turkish, Persian, Finnish, French, Croatian and Czech. Thus, there is a possibility of introducing our state language — Turkmen language — into the TIR-EPD international customs information system. This will facilitate the management of the system and make it more accessible to our military and customs officers. At the same time, electronic processing of transport documents or declarations and preliminary analysis of information about goods will provide exchange opportunities in a short time.

It should also be noted that the TIR-EPD customs information system automatically checks the validity of the TIR Carnet preliminary electronic declaration against the database of the International Road Transport Union (IRU) and ensures customs security of doing business. After that, it allows you to inform participants about the transportation on the auto-crossings of all countries at the same time. So Articles 391–394 of the Code of Turkmenistan on Administrative Offences also play an important role in the prevention of offenses [3].

There are several requirements for managing the TIR-EPD customs information system. TIR-EPD allows to connect to the customs information system through the following stable Internet networks:

- Optical Fiber, Cable, xDSL, 4G, 5G...
- → Web Browser:
- Microsoft Edge version 107.0 and higher.

- Mozilla Firefox: version 100.3 and higher.
- Safari: version 15.6.1 and higher.
- Google Chrome: version 108.0 and higher.
- Opera: version 87 and higher.

In order for Customs authorities to have access to the TIR-EPD service, it is necessary to develop a software module (the TIR-EPD data exchange system). No one, not even the IRU, has access to the customs database. This is due to the fact that the TIR-EPD data exchange system sends and receives only encoded messages related to TIR operations. Thus, in accordance with Article 21 of the Customs Code, the exchange of information in this electronic system is carried out on the basis of legislation approved by the authorized state body in the field of customs in the field of commodity nomenclature of foreign economic activity [1].

The TIR-EPD electronic customs information system makes it possible to facilitate the calculation of customs duties and taxes in case of violations with respect to customs duties specified in Articles 270–271 of the Customs Code of Turkmenistan [1]. Also, in accordance with Article 407 of the Code of Turkmenistan on Administrative Offences, violation of the terms of payment of customs

duties is prevented [3]. This electronic customs information system has built-in the ability to pay customs payments in different currencies. It also provides payment via credit cards and bank transfers. At the same time, this TIR-EPD customs information system provides an opportunity to issue an invoice to the person who paid the payment.

References:

1. Customs Code of Turkmenistan.— A.: TDNG, 2010.— No. 137-IV.
2. Handbook of the TIR Convention/ECE/TRANS/TIR/6/Rev.9
3. The Code of Turkmenistan on Administrative Offences.— A.: TDNG, 2013.— No. 137-IV.
4. <https://www.awtoulag.gov.tm/>
5. <https://tirepd.iru.org/>
6. <https://www.customs.gov.tm/>

Право на защиту и презумпция невиновности в уголовном процессе: содержание, реализация и проблемы

Аюшиева Светлана Жадамбаевна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье автор разбирает содержание права на защиту и презумпции невиновности, их взаимосвязь и существующие проблемы реализации на практике.

Ключевые слова: право, защита, обвиняемый, уголовное дело, уголовное преследование, уголовный процесс, подозреваемый, презумпция невиновности, защитник.

Как известно, нормы права регулируют наиболее важные сферы общества, но в них не было бы никакого толка, если порядок применения этих самых норм в том или ином процессе не был бы определён. Именно для этого и были разработаны процессуальные кодексы.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет порядок уголовного судопроизводства, статус лица, в отношении которого производится уголовное расследование, а также закрепляет принципы и нормы, за рамки которых выходить запрещено. Среди таких принципов находятся право на защиту и презумпция невиновности [1].

Право на защиту — это совокупность прав обвиняемого (подозреваемого), его защитника и законного представителя, позволяющие им реализовать свою уголовно-процессуальную функцию. Помимо этого, в право на защиту входит обязанность компетентных органов обеспечить охрану личных и имущественных прав, а также возможность вышеуказанным лицам защищаться всеми незапрещёнными законом способами.

Правом на защиту обладают все субъекты уголовного процесса. Оно действует в совокупности с принципом заведомо не считать лицо виновным, пока его вина не будет доказана, что и называется презумпцией невиновности.

Презумпция невиновности лица, в отношении которого осуществляется уголовное расследование, порождает то самое

право на защиту, когда лицо может защищать себя всеми законными способами.

Стоит сказать, что право на защиту всеми разрешёнными законом способами наиболее применимо в гражданском судопроизводстве, когда лица, участвующие в деле, не ограничиваются в самом важном праве — праве на свободу [2].

Когда человек находится на свободе, ему проще защищать свои права, но каким образом это должен делать человек, который отправлен в изолятор временного содержания до выяснения обстоятельств дела? В таком случае собрать какие-либо доказательства в пользу своей невиновности самостоятельно не представляется возможным, поэтому нужна помощь извне. Таковой помощью является защитник — адвокат, право на наличие которого прямо закреплено в Конституции Российской Федерации: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключённый под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Защитник — это лицо, осуществляющее в установленном настоящим порядком защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Его участие в деле обязательно, если подозреваемый (обвиняемый) не отказался от защитника в порядке, установленном УПК; подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним; подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять своё право на защиту; подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу; лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь; уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей [3].

Защитник участвует в уголовном деле: с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

В его обязанности входит: при наличии к тому оснований заявлять самоотвод; собирать доказательства путём получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии; привлекать специалиста; давать в присутствии следователя во время производства следственного действия своему подзащитному краткие консультации по вопросам, касающимся предмета оказываемой им юридической помощи; задавать допрашиваемым лицам с разрешения следователя вопросы, которые обязательно заносятся в протокол, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе допроса; участвовать в прениях сторон; быть допущенным к сведениям, составляющим государственную тайну, без проведения специальных проверочных мероприятий, если он участвует в деле, связанном с подобными сведениями.

К правам защитника относятся: знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; с разрешения следователя присутствовать при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение.

Как уже ранее указывалось, право на защиту при уголовном преследовании может реализовать как сам участник уголовного процесса, так и его защитник. И, если при адвокате с высшим юридическим образованием нет проблем в реализации этого права (при условии его добросовестного подхода к ведущемуся делу), то, при реализации этого права подозреваемым или обвиняемым самостоятельно, априори можно сказать, что ничего хорошего из этого не выйдет [4].

Самостоятельная защита подозреваемым и обвиняемым своих прав и интересов, как правило, является некачественной, неэффективной и не способной гарантировать реализацию всех

прав, предоставленных законодателем лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Это обусловлено отсутствием у данных лиц юридической квалификации, опыта юридической работы, а также различными ограничениями, вызванными особенностями их процессуального положения. Конечно же защита, которую осуществляет профессиональный адвокат, лишена названных недостатков, и именно поэтому подозреваемому и обвиняемому предоставлено право пользоваться помощью адвокатов.

Однако зачастую те адвокаты, которые назначаются государством, а то есть являются бесплатными, работают неохотно, в лучшем случае со ставкой 1500 рублей в день, в то время как частные адвокаты за то же дело могут брать по несколько десятков, а то и сотен тысяч. При этом, хотя не всегда, результат их работы по идентичным делам будет выше, чем у государственных защитников. Как итог мы можем наблюдать две разные картины по идентичным делам, когда одному подсудимому назначили условное наказание, а другому дали высшую меру. Получается, что исход дела зависит от материального положения подозреваемого, а если это так, то это проявление нарушения принципа справедливости, который также отражён в УПК России.

Другой проблемой, на которую не стоит закрывать глаза, является факт негативного настроения суда по отношению к подозреваемому или подсудимому. Данный аспект наблюдается в статистике оправдательных и обвинительных приговоров, которая на протяжении многих лет в России держится в соотношении 1 к 99, то есть 1% оправдательных приговоров и 99% обвинительных.

В судебной практике полно примеров, когда по, казалось бы, спорным делам, где все сомнения должны трактоваться в пользу подозреваемого, порой направлены против него. Это является нарушением презумпции невиновности, несоблюдение которого ломает и рушит судьбы многих людей, чего естественно не должно происходить в демократическом и социально направленном государстве [5].

Защита как уголовно-процессуальная функция представляет собой направление деятельности по защите прав и законных интересов лица, в отношении которого ставится вопрос о привлечении к уголовной ответственности, по отысканию оправдывающих его обстоятельств и обстоятельств, смягчающих его ответственность. Она противостоит уголовному преследованию и выступает как сознательная, целеустремленная деятельность как самого обвиняемого, так и защитника. Право на защиту осуществляется не только в стадиях расследования, предания суду и судебного разбирательства, но и на последующих этапах движения уголовного дела.

Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту входит в единую систему демократических принципов российского уголовного судопроизводства. Так, тесная взаимосвязь указанного принципа прослеживается с такими принципами, как презумпция невиновности, независимость судей, подчинения их только закону и так далее.

Во всех стадиях уголовного процесса обвиняемому предоставляется и гарантируется широкая совокупность прав на защиту, важным условием осуществления которых является

строгое соблюдение процессуальных норм и положений уголовного судопроизводства, в частности равенства прав участников судебного разбирательства, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Нарушение права обвиняемого на защиту, а также умаление принципа невиновности — это есть отступление государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу от предписаний уголовно-процессуальных норм, содержащихся в Конституции РФ и других законода-

тельных актах, обеспечивающих права и законные интересы обвиняемого.

Нарушение права обвиняемого на защиту следует считать существенным нарушением норм уголовно-процессуального закона, влекущим отмену судебного решения, если оно путём лишения или стеснения гарантированных законом прав обвиняемого и его защитника препятствовало суду всесторонне и беспристрастно рассмотреть дело, а впоследствии вынести законный и, самое главное, справедливый приговор.

Литература:

1. Резник М. Г. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: общая часть. — М.: Юрайт, 2023.
2. Резник М. Г. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: особенная часть. М.: Юрайт, 2023.
3. Стародубова Г. В. Уголовно-процессуальные акты М.: Юрайт, 2023.
4. Неретин Н. Н. К вопросу о праве обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве России. Вестник Оренбургского университета, 2018.
5. Рыжаков А. П. Уголовный процесс. — М.: НОРМА, 2019.

Насильственная преступность среди несовершеннолетних

Балданжамсоева Олеся Этигиловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Филиппова Ольга Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (г. Улан-Удэ)

В статье автор исследует насильственную преступность несовершеннолетних, пути их предупреждения.

Ключевые слова: насильственная преступность несовершеннолетних, несовершеннолетние преступники.

Насильственная преступность несовершеннолетних обуславливается большей степенью общественной опасности, ведь «если преступления против собственности причиняют материальный ущерб, то насильственные преступления посягают на самое ценное благо — жизнь человека, на его здоровье, телесную неприкосновенность, создают атмосферу страха, неуверенности в своей безопасности, беспокойстве о судьбе близких [3].

Антисоциальные свойства личности у несовершеннолетних преступников формируются не в момент совершения преступления, а, как правило, постепенно и задолго до того, когда несовершеннолетний переступает через черту дозволенного. Поэтому сегодня как никогда актуальна проблема изучения феномена насилия в стадии его зарождения и формирования у несовершеннолетних [2].

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации насчитывается более 50 статей, предусматривающих ответственность за насильственные преступления. Основную часть насильственной преступности составляют преступления против личности. Раздел 7 УК РФ содержит 27 статей, предусматривающих ответственность за совершение насильственных преступлений, причем 18 из них могут быть совершены только путем применения насилия или его угрозы. Однако преступления, содержащие «насильственные элементы», содержатся и в других разделах Уголовного кодекса Российской Федерации.

Объединение насильственных преступлений в один раздел или главу является нереальным, так как составы преступлений посягают на различные родовые и видовые объекты.

Наиболее распространенными насильственными преступлениями среди несовершеннолетних, осужденных за совершение насильственных преступлений, являются умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), и разбой (ст. 162 УК РФ). Рассмотрим статистические данные, так количество совершенных несовершеннолетними особо тяжких преступлений в 2022 году выросло на 22,5% и составило максимум за последние пять лет, сообщается в докладе о работе уполномоченной при президенте РФ по правам ребенка Марии Львовой-Беловой за прошлый год [5].

В целом количество совершенных с участием несовершеннолетних особо тяжких преступлений возросло на 22,5% и составило 2 256 фактов (2021 год — 1 841). Это самый большой показатель за последние пять лет.

При этом общее количество совершенных несовершеннолетними преступлений уменьшилось на 4,4% и составило 30,5 тыс. против 31,9 тыс. случаев в 2021 году. С 3,1% до 2,9% в 2022 году снизилась и доля подростковой преступности в общей структуре уголовных преступлений. В совершении уголовных преступлений приняли участие 26,3 тыс. подростков, что на 9,7% меньше, чем годом ранее (29,1 тыс.).

Вместе с тем беспокойство вызывает значительное увеличение в структуре подростковой преступности числа таких преступлений, как изнасилование (+52,5%, с 99 до 151) и мошенничество (+36,5%, с 724 до 988).

При исследовании было выявлено, что 22% из несовершеннолетних преступников — из неполной семьи, только у 8% оба или единственный родитель безработные, у 4% родители или родственники имели судимость, 6% несовершеннолетних находились во время преступления в состоянии алкогольного опьянения, также есть даже те, кто совершил преступление вместе со взрослым членом семьи.

Предотвращение насильственной преступности среди несовершеннолетних предполагает собой «организованный процесс», где имеется отчетливо сформулированная задача о недопущении нарушения закона несовершеннолетним [4].

Борьба с насильственными преступлениями несовершеннолетних планируется и ведется на различных уровнях и направлениях, в отношении разных подростков. Речь здесь идет главным образом о направленной деятельности по устранению недочетов в сфере семейного, школьного, и трудового воспитания несовершеннолетних, их организованного досуга, а кроме того, увеличению производительности работы органов, призванных вести борьбу с преступностью.

Таким образом, в качестве наиважнейших вопросов улучшения профилактических действий, направленных на правонарушающие действия несовершеннолетних, можно выделить следующие:

- усовершенствование нормативно-правовой основы,
- взаимодействия и координации субъектов профилактики, совершенствование распределения функций между ними;
- обеспечение соответствующими кадрами: криминологическая и психологическая и педагогическая подготовка лиц, принимающих участие в предупредительной работе.

Наравне с комплексом мероприятий, формирующих базу для эффективной работы по предотвращению насильственной преступности несовершеннолетних, важная роль отводится:

- оздоровлению окружающей среды подростка и оказание всяческой поддержки несовершеннолетним;
- предотвращение перехода на противозаконный путь и обеспечение исправления лиц, допустивших преступления;
- формирование соответствующих условий для исправления лиц, допускающих регулярные преступления.

Таким образом, концепция борьбы с насильственной преступностью среди несовершеннолетних основывается на мероприятиях социального характера, которые должны гарантировать соответствующий уровень жизни, благополучия, культуры и обучения детей. Все это даст возможность реализовывать надлежащим образом профилактику безнадзорности и бродяжничества детей и подростков и снизить общественное напряжение. Поэтому решение задач по предупреждению насильственной преступности несовершеннолетних в сегодняшних обстоятельствах, уже не может обходиться принятием единичных мер.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
2. Жадан В. Н. О криминологической характеристике личности несовершеннолетних преступников // Юридическая наука. 2019. № 8.
3. Куликов Е. А., Кулаевский А. В. Аспекты криминологической характеристики насильственной преступности несовершеннолетних и некоторые проблемы ее предупреждения // Society and Security Insights. 2020. Т. 2. № 2.
4. Кудрявцев В. Н., Наумов А. В. Насильственная преступность. М., 1997.
5. В РФ в 2022 году отмечен рост особо тяжких преступлений с участием подростков. URL: <https://www.interfax.ru/russia/914033> (дата обращения 10.09.2023 г.).

Структура частных методик расследования отдельных видов и групп преступлений

Букреев Илья Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором рассматриваются предпосылки формирования структуры частной методики расследования преступлений. Установлено, что частную методику расследования отдельных видов и групп преступлений составляют криминалистическая характеристика преступлений, особенности проверки сообщений о преступлениях, планирования расследования, типичных следственных ситуаций начального этапа расследования, специфика взаимодействия следователя с оперативными подразделениями и судебными экспертами, и тактические особенности производства следственных действий.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, организация расследования, следственные ситуации, следственная тактика.

Процесс предварительного расследования преступлений складывается из различных факторов, которые требуют изучения, анализа и последующего общения. Теоретическое основание этой работы заложено в общей методике расследования преступлений. Общая методика расследования включает в себя положения о структуре расследования, подходах к его осуществлению, закономерностях выстраивания методик расследования отдельных групп и видов преступлений.

В.Я. Колдин в число принципов общей методики расследования включил типизацию, оптимальный уровень общности методики, системность, оптимальный уровень алгоритмизации. Опираясь на эти принципы, он переосмыслил всю систему науки криминалистики, разделив четвертый раздел на два раздела: стратегии криминалистической деятельности и специализированные модели, методики, технологии криминалистической деятельности [1, с. 45–49].

Четвертый раздел науки криминалистики посвящен обобщению и познанию общей и частной методик расследования преступлений. Структурно он включил в свое содержание положения трех других разделов: общей теории науки, криминалистической техники, криминалистической тактики. Результат такого обобщения проявился в формировании отдельных криминалистических рекомендаций относительно производства предварительного расследования преступлений.

С нашей точки зрения, современное состояние частных методик расследования отдельных групп и видов преступлений требует анализа составляющих их структурных компонентов. Главной целью этой работы служит выявление внутренних закономерностей по включению в содержание частной методики расследования отдельных ее элементов.

Частная методика расследования понимается нами как совокупность процессуальных, организационно-тактических и материально-технических рекомендаций органу расследования по производству расследования конкретного вида или группы преступлений. Целевое предназначение этой криминалистической категории состоит в общем повышении эффективности и качества проведенного расследования, наряду с научной организацией труда следователя.

Начиная с 80–90-х гг. прошлого века, в криминалистической методике сложилось понимание об основных структурных частях частной методики расследования. В нее вошли следующие элементы:

- 1) криминалистическая характеристика группы или вида преступления;
- 2) особенности проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела;
- 3) особенности выдвижения типичных версий и планирования расследования;
- 4) типичные следственные ситуации начального этапа расследования вида или группы преступлений;
- 5) особенности организации взаимодействия следователя с органом дознания, судебно-экспертными организациями;

б) тактико-криминалистические особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий в процессе расследования.

Научной основой частной методики расследования сегодня служит концепция криминалистической характеристики преступлений, потому что в ней отражаются основные системные закономерности способов преступления и следообразования для каждой группы или вида преступлений.

Группа или вид преступлений выбираются исследователями на основе разных целевых критериев. Классическим подходом в криминалистике является выделение групп и видов преступлений, опираясь на структуру Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Не менее ценны также виды преступлений, изучаемые по способам их подготовки, совершения или сокрытия, а также совершаемые отдельными категориями субъектов или в отношении определенных субъектов.

Криминалистическая характеристика преступлений — это система значимых для предварительного расследования компонентов вида преступления, через знание соотношения которых субъект расследования способен сформулировать версии и организовать их проверку процессуальными средствами. К ней относятся способ и обстановка преступления, закономерности образования следов при использовании конкретного способа, характерные особенности личности преступника и особенности жертвы преступления, предмет, на который направлены преступные действия.

Криминалистическая характеристика имеет важность в силу того, что ее компоненты неразрывно связаны друг с другом, что дает возможность следователю, установив следы, вывести наиболее вероятные версии о других компонентах и проверить их в короткий срок.

А.А. Эксархопуло отмечает необходимость реализации частных методик расследования в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Он указывает на целесообразность разделения дознания (розыска) и предварительного следствия, и распределения отсюда процессуальных функций участников, имея в виду, в первую очередь, процесс рассмотрения сообщения о преступлении [2, с. 360].

Проверка сообщений о преступлении и порядок возбуждения уголовного дела в отношении вида или группы преступлений тоже имеет свою специфику. Она может проявляться в обязанности назначения судебных экспертиз для доказывания отдельных обстоятельств события, ограничения использования некоторых следственных действий в связи с требованиями ст. 144 УПК РФ, невозможности установления лица, в отношении которого необходимо возбуждать уголовное дело, в также через определение фактов, свидетельствующих о признаках состава преступления.

Включение этого элемента в структуру частной методики расследования, на наш взгляд, обуславливается его значимостью на процесс формирования типичных следственных ситуаций начального этапа расследования и особенностей пла-

нирования и организации всего дальнейшего расследования. В этой связи, не должно возникать сомнений в обоснованности включения данных положений в частную методику расследования.

Типичные версии и планирование расследования включаются в частную методику, поскольку они выступают предпосылкой всех организационных мероприятий следователя. От их успешного выполнения зависит соблюдения процессуальных сроков предварительного расследования и нейтрализация ошибок организационного и тактического уровня в том числе на последующем этапе расследования [3, с. 10].

Планирование зависит от версий следователя, и в таком качестве они неотделимы в частной методике расследования. Сама же сущность версии, как одной из разновидностей частной гипотезы, предопределяет глубокий анализ выявленных следователем информационных связей между всеми обстоятельствами, подлежащими выяснению. Таким способом достигается целеопределение и способы его достижения, которые отражаются в плане расследования. Типичные следственные версии способствуют алгоритмизации планирования расследования преступлений и сокращают время на выработку организационных и тактических мероприятий во время проверки сообщения о преступлении и на начальном этапе его расследования.

Следующий основополагающий критерий методики расследования вида или группы преступлений выражается в разработке типичных следственных ситуаций начального этапа расследования. Ситуационный подход служит на сегодняшний день основанием для выработки субъектом доказывания программы расследования.

В. А. Шефер отмечает по этому поводу, что «традиционный алгоритм по формированию версий не учитывает информационного многообразия следственных ситуаций, в которых происходит выдвижение версий по уголовному делу» [4, с. 14].

В нашем понимании, ситуационный подход к расследованию дает основания следователю использовать в своей работе большой объем криминалистических рекомендаций. Ситуационность выражается в том, что первостепенное значение в выборе последовательности действий следователя играет содержание имеющейся у него информации перед принятием процессуального решения.

Литература:

1. Колдин, В. Я. Криминалистическая методика: особенности или стратегия расследования? / В. Я. Колдин. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2014. – № 4. – С. 43–49.
2. Эксархопуло, А. А. Структура частной криминалистической методики как историческая база для реформирования досудебного производства / А. А. Эксархопуло. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 354–362.
3. Паршиков, В. И. Этапы расследования преступлений: некоторые проблемы и пути их разрешения / В. И. Паршиков. – Текст: непосредственный // Российский следователь. – 2022. – № 10. – С. 8–11.
4. Шефер, В. А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода: специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шефер Валентин Александрович; Балтийский федеральный университет им. И. Канта. – Калининград, 2016. – 21 с. – Текст: непосредственный.

Для частной методики расследования типичные следственные ситуации начального этапа расследования позволяют осуществить подбор нескольких направлений расследования. Здесь проявляется процессуальная независимость следователя и его инициатива производства расследования.

Организация взаимодействия органа предварительного расследования с органом дознания, наделенного полномочиями по проведению оперативно-розыскных мероприятий, и с судебными экспертами, входит в структуру частной методики расследования.

Отдельные поручения оперативным подразделениям направляются следователем с целью добывания ориентирующей информации. Методики расследования преступлений, совершаемых организованными группами с применением методов конспирации, раскрываются только после привлечения оперативно-розыскных органов, которые получают сведения о преступной деятельности негласными методами.

Судебные эксперты применяют свои специальные знания для получения новых доказательств по результатам исследований объектов, направленных на экспертизу. Специальные знания позволяют установить причину смерти человека, степень тяжести его здоровью, наличие психического заболевания, стоимость имущества, и множество других обстоятельств. Каждый вид преступлений предполагает определенную частоту назначения судебных экспертиз из разных областей специальных знаний.

Заключительным элементом частной методики расследования считается особенности тактического обеспечения расследования. Тактические приемы следственных действий отличаются друг от друга, потому что разные виды преступлений требуют установления разных обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Поэтому выбор способов допустимого воздействия на поведение участников расследования должен включаться в методику расследования.

Подводя итог всему сказанному, мы считаем, что частная методика расследования — это результат развития криминалистики применительно к вопросам решения практических задач конкретного вида или группы преступлений. Научные рекомендации по расследованию строятся от сведений из криминалистической характеристики вида преступления и включают все наиболее значимые аспекты следственной работы.

Подходы к пониманию методов расследования преступлений в российской криминалистике

Букреев Илья Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором рассматриваются разные определения метода расследования преступлений в российской криминалистике и его составных элементов. Проведен анализ сущности метода расследования преступления и высказаны предложения по усовершенствованию использования научной категории метода расследования в научных исследованиях по организации расследования преступлений.

Ключевые слова: метод расследования, метод познания, расследование, преступление.

Раскрытие и предварительное расследование преступлений невозможно без понимания научных основ этой области человеческой деятельности, что предполагает разработку и апробацию разных подходов к борьбе с преступностью. Формируется криминалистическая деятельность, она включает в себя закономерности следственной работы, в том числе требования к методам расследования преступлений.

Относительно методов расследования в криминалистической науке отсутствует единство взглядов на проблему. Изначально, понимание методов расследования строилось на включение в их состав методов научного криминалистического познания, используя которое орган предварительного расследования достигает поставленные задачи. Следует отметить, что главной задачей следственной работы является получение нового знания об обстоятельствах совершенного преступления.

Методы расследования преступлений понимаются в криминалистике как некие отправные начала, отражающие сущность познавательной работы следователя в рамках установленных законом действий. Они предоставляют возможность получения нового знания об обстоятельствах и объектах, которые их образуют.

Г.А. Густов одним из первых сформулировал определение метода расследования преступлений. Он понимал под ним «обусловленные закономерностями объектов (систем, участников преступления и расследования, отдельных предметов, процессов, явлений), оказавшихся в орбите расследования, правила и основанные на них способы, средства, приемы, технологии деятельности по уголовному делу, надлежащее исполнение которых при соблюдении требований закона в определенной мере гарантирует получение новых знаний и решение задач предварительного следствия» [1, с. 26].

Высказанное определение позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, метод — это единственный гносеологический инструмент получения нового знания в расследовании, во-вторых, метод выстраивается и подбирается следователем с опорой на внутреннюю сущность познаваемых объектов, в-третьих, метод подбирается индивидуально для получения новых знаний.

Вместе с тем, мы критически подходим к некоторым положениям о методах расследования. Полагаем, что указание на гарантии в решении задач расследования не в полной мере отражает сущность получаемой с помощью метода информации:

она может носить положительную либо отрицательную направленность применительно к проверяемой версии. Поэтому содержание информации может с одинаковой вероятностью как привести к решению задачи расследования, так и не достигнуть заявленного условия. Из этого следует, что гарантии решения задачи от метода расследования быть не может, потому что для этого, следователю необходимо заранее знать, какой из методов приведет к разрешению задачи.

Таким образом, может сложиться впечатление, что метод расследования — это метод научного познания действительности, применение которого ведет к получению нового по содержанию знания. Однако законодательство требует от следователя не только получения знания о предмете расследования, но и соблюдения уголовно-процессуальной формы. Данные требования закона должны подкрепляться не просто выбором любого из методов познания преступления, а еще и соответствием познавательного метода закону. Под соответствием познавательного метода законодательству мы понимаем, прежде всего, получение с его помощью достоверных сведений и допустимость последующего их использования в процессе доказывания.

О.В. Чельшева представляет методы расследования преступлений через систему приемов и действий, которые ведут следователя к достижению основной или промежуточной задачи предварительного расследования [2, с. 164]. Существенным признаком метода является то обстоятельство, что следователь осознает характер запланированных действий по достижению задачи расследования. Данный подход означает, что в условиях решения аналогичных задач в будущем, он станет рассматривать ранее проведенные им успешные тактические приемы и следственные действия как основу принятия тактического решения об их производстве.

В нашем понимании, метод расследования предопределяет сущность познавательной деятельности следователя. Метод — это содержательная сторона следственного действия или тактического приема, на основе действия которого «внутри» приема, достигается задача получения нового, ранее неизвестного органу расследования знания. Отсюда мы приходим к выводу, что следственные и процессуальные действия, а также тактические приемы и комбинации тактических приемов следователя, всегда имманентно содержат в себе какой-либо познавательный метод или их группу.

К методам добывания информации следует отнести и оперативно-розыскные мероприятия, потому что они направлены на исследование обстановки и получения сведений, относящихся к расследованию. Но, в отличие от следственных действий, результаты использования оперативных методов не становятся доказательствами сами по себе, вне связи со следственной деятельностью.

Здесь необходимо разобраться между такими категориями, как метод расследования и метод познания, выявить их суть. Метод расследования, с нашей точки зрения, обязан включать в себя метод познания. А метод познания, в свою очередь, должен опираться на научно обоснованные данные относительно достоверности получаемых с его помощью сведений, и ограничений в применении. Таким образом, метод расследования, диалектически выступает в виде результата снятия противоречий между методом научного познания обстоятельств преступления и механизмом преступления, к которому относится способ его совершения.

Наиболее значимым методом познания, который проявляется в работе следователя и оперативного работника, мы находим метод идентификации. Идентификация означает уменьшение первоначального уровня энтропии у субъекта доказывания вплоть до достоверного знания. Ранжирование проводится нами по причине распространенности идентификации по групповым признакам: группе крови человека, серии или партии промышленной продукции с определенными свойствами или признаками, по другим формально определяемым критериям.

И. М. Комаров, исследовав взаимодействие методов расследования и методов познания, отмечает их взаимное влияние друг на друга в процессе осуществления расследования. Отмечая ситуационный характер расследования, он указывает необходимость выработки собственных методов расследования применительно к каждой ситуации [3, с. 58].

Мы разделяем такой подход, потому что расследование само по себе во многом и есть познание, но проводимое по правилам, установленным законодательством. Ситуационность расследования приводит к необходимости формирования методов постольку, поскольку для каждой из ситуаций складывается совокупность подлежащих доказыванию обстоятельств. Раз-

работки криминалистики в области алгоритмизации расследования привели к тому, что сложились типичные программы расследования в типичных следственных ситуациях предварительного расследования.

Д. Н. Лозовский предлагает собственную концепцию изучения научной категории метода расследования: в нем должны отражаться критерии понимания метода в философском смысле теории познания, а также обобщенные критерии расследования преступления [3, с. 258]. Такая позиция, в нашем представлении, дает возможность снять противоречия, в диалектическом смысле, между расследованием как процессуальной деятельностью, и методом, как осознаваемой цели этой деятельности.

Если подходить к рассмотрению метода расследования через совокупность гносеологического и уголовно-процессуального, то конечный результат мыслительной работы будет представлять из себя единство метода расследования как некий универсальный подход к реализации практической деятельности. Он применяется в решении задач предварительного расследования преступления, апробирован многократной практикой использования по другим делам, допустим с точки зрения закона.

Опираясь на такое сформированное определение, мы можем говорить о всеобщем, универсальном характере метода к определенной практической деятельности. Стоит принять во внимание и тот факт, что обратная сторона эффективности метода выражается в ограничениях при его использовании. Так, визуальные методы познания обстановки места преступления с помощью ее непосредственного восприятия, как правило, ограничиваются внешними и внутренними факторами.

Внешние ограничивающие факторы проявляются в условиях окружающей среды, освещенности, наличия помех, количества участников следственно-оперативной группы. Внутренние факторы связаны, прежде всего, с закономерностями протекания психологических реакций организма человека, прежде всего, – следователя. Сюда могут быть отнесены темперамент человека, его когнитивные способности, степень утомления, возможность длительной концентрации внимания на деталях и способность логически связывать детали в единое общее.

Литература:

1. Густов, Г. А. Метод расследования: понятие, структура, виды / Г. А. Густов. – Текст: непосредственный // Проблемы расследования преступлений в условиях формирования правового пространства СНГ и развития международного сотрудничества. – Санкт-Петербург: Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1994. – С. 24–29.
2. Чельшева, О. В. Место приемов и методов деятельности следователя в механизме расследования / О. В. Чельшева. — Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2003. — № 1. — С. 162–169.
3. Комаров, И. М. Метод научного познания и методы практической деятельности по расследованию преступлений (Часть II) / И. М. Комаров. — Текст: непосредственный // Юрист-правовед. — 2022. — № 3. — С. 56–59.
4. Лозовский, Д. Н. К вопросу о понятии метода расследования преступлений / Д. Н. Лозовский. – Текст: непосредственный // Общество и право. – 2009. – № 5. – С. 256–258.

Проблемы уголовно-правовой охраны оказания медицинской помощи в Российской Федерации и Республике Казахстан

Губарев Евгений Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Морозов Виктор Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

Научный руководитель: Балтабаев Куаныш Жетписович, доктор юридических наук, профессор
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

В статье автор исследует проблемы уголовно-правовой охраны оказания медицинской помощи в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Ключевые слова: медицинская помощь, уголовно-правовая охрана, Россия и Казахстан.

Для усовершенствования положений действующих норм в сфере уголовно-правовой охраны оказания медицинской помощи, необходимо проведение анализа уголовно-правовых норм и правоприменительной практики в различных государствах с целью выявления как положительных аспектов, так и негативных, влекущих за собой неоднозначное понимание, двусмысленность, ряд ошибок при квалификации деяний. Сфера оказания медицинской помощи является одной из наиболее важных ввиду того, что напрямую затрагивает естественное право каждого человека на жизнь и здоровье. В связи с этим, любое государство должно предотвратить нарушение данных прав, обезопасить общественные отношения в сфере поддержания жизни и восстановления здоровья человека. Судебная практика в этой сфере в Российской Федерации складывается неоднозначно, ввиду, в том числе, наличия недостатков уголовно-правовой нормы. В связи с этим, а также с целью усовершенствования правовой нормы в указанной сфере, проводится сравнительно-правовой анализ.

В Российской Федерации уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за неоказание медицинской помощи содержится в статье 124 УК РФ [1], а именно неоказание помощи больному. Данная уголовно-правовая норма не лишена ряда недостатков.

В Федеральном Законе № 323-ФЗ [2] не содержится понятия больной, также в статье не конкретизируется, о какой конкретно помощи говорится.

Несомненно, некоторые авторы, например Д. Ю. Мамонтов [3], Т. В. Кирпиченко [4] считают, что данная статья касается конкретно медицинской помощи, а не первой, которая таковой не является, так как в статье содержится термин больной.

Однако, отсюда исходит иная проблема, которая заключается в отсутствии легально толкования понятия больной. Невозможно определить, в какой момент лицо приобретает статус больного.

Важно обращаться к положениям Федерального Закона № 323-ФЗ, в котором закреплены все необходимые понятия. Однако, понятия больной не закреплено, ввиду чего представляется возможным обратиться к понятию заболевание.

Так, заболевание — это нарушение деятельности организма, работоспособности или способности адаптироваться к изменяющимся условиям среды.

Помимо этого, в судебной практике можно встретить проблему понимания нормы права. Так, некоторые суды и правоприменители исходят из того, что сам факт наличия медицинского образования означает, что медицинский сотрудник обязан оказывать любую медицинскую помощь, а в случае ее неоказания, лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности.

Однако, при этом не учитывается факт того, что медицинские сотрудники обладают различными специализациями. Так, например, согласно определению судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции [5] по делу о привлечении к уголовной ответственности Чантурии Зураба Ильича, Ленинский районный суд и Тюменский областной суд допустили ряд ошибок при определении вины. Суть дела заключается в том, что Чантурия Зураб Ильич, являясь врачом-оториноларингологом, не имея специализации анестезиолога-реаниматолога, после операции не смог определить у пациента под наркозом факт ухудшения состояния, в следствие чего пациент умер. Суд первой инстанции и апелляционная инстанция пришли к выводу о том, что наличия медицинского образования как такового достаточно для такой квалификации и оценки действий Чантурии З. И. Однако, судебная коллегия пришла к выводу, что необходимо доказывать прямую причинно-следственную связь между неоказанием помощи больному и наступлением общественно опасных последствий, более того, действия, которые не были совершены Чантурией З. И. должны быть совершены врачом анестезиологом-реаниматологом.

К такому же выводу пришла судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции [6], указав, что ошибка в диагностировании заболевания в том числе сама по себе не является достаточным основанием для привлечения медицинского сотрудника к уголовной ответственности.

В Уголовном Кодексе Республики Казахстан также содержится аналогичная норма, а именно неоказание медицинской помощи больному.

К сожалению, в Уголовном Кодексе Республики Казахстан имеются такие же проблемы, как и в УК РФ. Однако, в УК РК прямо предусмотрена медицинская помощь. Иными словами, законодатель исключил возможное неоднозначное толкование данной нормы, прямо закрепив не обширное понятие помощь,

а именно медицинская помощь. Однако, при этом согласно Закону Республики Казахстан «Об охране здоровья граждан» от 11.01.2007 понятие медицинской помощи не закреплено. Таким образом, если, с учетом законодательства РФ, возможно определить более точно объективную сторону неоказания медицинской помощи путем обращения к легальным понятиям, закрепленным на федеральном уровне, то при квалификации действий по УК РК обратиться к легальному понятию медицинской помощи невозможно, ввиду его отсутствия.

Также, согласно законодательству Республики Казахстан, а именно статье 320 УК РК, в уголовно-правовой норме закреплено понятие больного. Подобное закрепление статуса потерпевшего без его раскрытия, без закрепления понятия, является проблемой.

В отличие от законодательства РФ, в законодательстве Республики Казахстан не закреплено даже понятие пациент, что, несомненно, создает дополнительные проблемы. Если решить подобную проблему в Российской Федерации возможно путем внесения изменений в статью 124 УК РФ, заменив термин «больной» термином «пациент», то в законодательстве Республики Казахстан подобное вряд ли поможет решению указанной проблемы.

Однако, стоит отметить положительные моменты в уголовном законодательстве Республики Казахстан. В отличие от УК РФ, в Казахстане выделена отдельная глава, посвященная ятрогенным преступлениям, что подчеркивает их самостоятельность, значимость и важность, отделяет их особым субъектным составом, характером общественной опасности от смежных видов преступлений.

Таким образом, проведя анализ уголовно-правовых норм в сфере охраны оказания медицинской помощи в законодательстве РФ и Республики Казахстан, проанализировав судебную практику, следует сделать вывод о необходимости внесения изменений в действующую норму УК РФ.

В частности, изложить норму в следующем виде «Неоказание первой и (или) медицинской помощи лицу, имеющему заболевание без уважительных причин...»

Отметив в норме права первую помощь, которая медицинской не является, появляется возможность давать при ее неоказании уголовно-правовую оценку действий, например, сотрудников МЧС и других правоохранительных органов, которые

по специальному правилу обязаны оказывать такую помощь. Психиатрическую помощь не обязательно выделять отдельно, в связи с тем, что она по сути является разновидностью медицинской помощи. Установив статус потерпевшего, как лица, имеющего заболевание, появляется возможность избежать излишней уголовно-правовой охраны, как, например, могло бы быть при установлении статуса пациента, так как пациентом является любое лицо, обратившееся в медицинскую организацию, вне зависимости от его состояния.

Подобного мнения придерживается Швейгер А. О., выделяя в субъектный состав неоказания медицинской помощи в том числе сотрудников органов внутренних дел, аргументируя это тем, что сотрудники законодательно обязаны оказывать помощь.

Швейгер А. О. считает, что мнение о том, что в статье 124 УК РФ предусмотрена ответственность исключительно для медицинских сотрудников связано с тем, что в диспозиции уголовно-правовой нормы употребляется специальная терминология, а именно статус потерпевшего «Больной» [7]. Именно в связи с этим данное общественно-опасное деяние относят к ятрогенным преступлениям.

Помимо вышеуказанных изменений, которые нужно внести в Уголовный Кодекс РФ, важно акцентировать внимание на необходимость установления прямой причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями при квалификации по статье 124 УК РФ. Также, учитывая сложившуюся судебную практику в Российской Федерации, важно отметить, что не каждый дефект при оказании медицинской помощи, не каждая ошибка сами по себе образуют состав преступления.

Так, например, такого же мнения придерживается судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции в определении от 16.11.2021 по делу № 7У-13389/2021, судебная коллегия по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции в определении от 26.10.2021 по делу № 7У-3613/2021 [9], а также другие суды.

Таким образом, внося определенные изменения в уголовное законодательство РФ, с учетом сложившейся судебной практики, а также зарубежного опыта, возможно устранить некоторые проблемы и повысить эффективность уголовно-правовой охраны оказания медицинской помощи.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Федеральный Закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (ред. от 19.12.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.12.2022).
3. Мамонтов Д. Ю. Объективные признаки неоказания помощи больному / Д. Ю. Мамонтов — Бизнес в законе. — 2008. — № 3. — С. 64–65.
4. Кирпиченко Т. В. Уголовная ответственность за оставление в опасности / Т. В. Кирпиченко — Диссертация, 1983, С. 99.
5. Кассационное определение СК по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 октября 2021 г. по делу № 7У-11700/2021 [77–4725/2021].
6. Определение СК по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2021 г. по делу № 7У-13389/2021 [77–5001/2021].

7. Швейгер А. О. Сотрудник органов внутренних дел как субъект неоказания помощи больному и оставления в опасности / Швейгер А. О. — Вестник ДВЮИ МВД России. — 2020. — № 4. — С. 60–65.
8. Определение СК по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 г. по делу № 7У-3613/2021 [77–1475/2021].
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.06.2014 № 226-V: по состоянию на 21.12.2022 // газета «Казахстанская правда», № 132 (27753) 09.07.2014 г., газета «Егемен Қазақстан», 09.07.2014 г., № 132 (28356).

Совершенствование практики осуществления электронного правосудия как организационно-правовое обеспечение деятельности судов

Данзанова Кристина Эдуардовна, студент магистратуры
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Современный период характеризуется стремительным развитием цифровых технологий и процессом цифровизации, который проникает во все общественные и государственные процессы. Неизбежно процесс цифровизации проникает и в сферу осуществления правосудия. В статье рассматриваются проблемы электронного правосудия и предлагаются пути их решения как с точки зрения правового регулирования, так и с точки зрения организационных и технических мероприятий.

Ключевые слова: правосудие, электронное правосудие, цифровизация, Судебный Департамент при Верховном Суде РФ.

Improving the practice of e-justice as organizational and legal support for the activities of courts

The modern period is characterized by the rapid development of digital technologies and the process of digitalization, which penetrates into all public and state processes. Inevitably, the process of digitalization penetrates into the sphere of justice. The article examines the problems of electronic justice and suggests ways to solve them both from the point of view of legal regulation and from the point of view of organizational and technical measures.

Keywords: justice, electronic justice, digitalization, Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation.

Процесс цифровизации правосудия многими исследователями рассматривается как неизбежный процесс, обусловленный объективными причинами, в связи с чем в настоящее время актуальной является разработка концепции электронного правосудия как оптимизации деятельности судебной системы.

Исследователи отмечают, что «перед юридической наукой стоят фундаментальные и прикладные задачи в части доктринального освоения имеющихся закономерностей развития и дальнейшего функционирования права и государственно-правовой сферы жизни российского общества в условиях цифровой реальности и определения путей их решения. Разработка научно обоснованных инструментов и моделей правового регулирования различных сфер общественной жизни позволит государству более эффективно реагировать на вызовы цифровой реальности, управлять происходящими трансформациями, регулировать новые, а также видоизменяющиеся общественные отношения» [1, с. 7; 2, с. 86].

Содержание элементов электронного правосудия в каждом из видов судопроизводства различается. Если, например, в арбитражном и гражданском судопроизводстве в большей степени выражено такое качество (свойство) электронного правосудия как информационное обеспечение, то в уголовном судопро-

изводстве законодателем уделено внимание электронным доказательствам, порядку их изъятия. Такая ситуация представляется неверной, так как информационное обеспечение и электронное правосудие не являются равнозначными определениями, термин электронное правосудие, является более масштабным, и включает не только информационное обеспечение судопроизводства, но и другие элементы — электронный документооборот, дистанционное разбирательство, доказывание при помощи электронных носителей информации и т.д., то есть предполагает качественное изменение судопроизводства.

В связи с этим считаем целесообразным разработку и принятие Концепции электронного правосудия, которая будет иметь координирующий и программный характер, важным условием ее разработки и принятия должен стать универсальный характер, выработка общих принципов, инструментов и институтов электронного правосудия для всех видов судопроизводства, специфика же правового регулирования элементов электронного правосудия должна получить отображения в соответствующем процессуальном кодексе.

Следующим направлением совершенствования положений об электронном правосудии должно стать решение технических вопросов.

Все более широкое распространение получают электронные способы извещения участников процесса: например, в арбитражном процессе после получения первичного извещения в традиционной форме последующее уведомление не производится — соответствующие акты выкладываются на портале, и стороны самостоятельно могут с ними ознакомиться. В гражданском процессе такое правило пока действует только в отношении государственных органов и организаций, но в разрабатываемых ныне законопроектах предлагается распространить такое регулирование и на граждан [3, с. 11].

По мнению А. В. Карасева, А. В. Савоськина и В. А. Мещерягиной, подобная дифференциация правового регулирования, очевидно, оправдана в силу специфики электронной формы, необходимости установления дополнительных технических требований, связанных с прохождением заявителем процедуры идентификации и аутентификации, заверением документа электронной подписью. Вместе с тем серьезные сомнения вызывает установление Судебным департаментом таких требований к заполняемой заявителем на сайте форме, которые связаны не с технической стороной, а с представлением дополнительных сведений как о самом заявителе, так и об иных участниках процесса (то есть об ответчике, третьих лицах, других заинтересованных лицах). Причем эти сведения не требуются вовсе либо являются факультативными при оформлении иска в традиционной бумажной форме [4, с. 73–74].

Другой стороной проблемы обращений граждан и организаций в государственных электронных приемных, форм обратной связи, либо портале ГАС «Правосудие» или иных интернет-порталах, является то, что технические возможности на многих из них не позволяют отслеживать судьбу обращения, кроме того, на многих из них для заявителя в принципе не очевиден факт — принято ли его заявление к рассмотрению. С целью повышения прозрачности электронного судопроизводства и гарантированности прав граждан на судебную защиту своих нарушенных прав, необходимо разработать и ввести единую форму обращения, дифференцированную в зависимости от того, с каким заявлением или обращением обращается гражданин — исковое заявление, жалоба, заявление, апелляционная жалоба и т.д. Это необходимо для определения перечня минимально возможных сведений, которые обращающийся должен заполнить в специальной форме для обращения на интернет-портале.

При этом, перечень документов, предоставляемых вместе с заявлением, а также персональные данные, должны коррелировать с нормативно установленным перечнем в соответствующем процессуальном кодексе. Требование о предоставлении иных персональных сведений при подаче заявления в электронном виде следует признать незаконным и необоснованным.

Кроме того, в решении нуждается такая проблема как отслеживание судьбы обращения гражданина. В настоящее время информационные технологии позволяют использовать такие технические возможности как автоматическая регистрация обращения в системе и направление заявителю сведений о присвоении номера обращения, даты и времени получения заявления системой. В дальнейшем, при наличии регистрации

в единой системе регистрации обращений, информационной основой которых может стать уже действующая система ГАС «Правосудие», заявитель получит возможность отслеживать движение заявления, принятые по нему промежуточные и итоговые решения, получать уведомления. Эти возможности следует использовать и при реализации права на судебную защиту на интернет-порталах. Это повысит прозрачность электронного правосудия, а также будет способствовать защите прав и законных интересов заявителя.

Вопрос применения видео-конференц-связи является следующей проблемой, выявленной в результате изучения практики применения электронного правосудия.

В частности, в настоящее время наблюдается фактическая нехватка оборудования для видеоконференцсвязи. Так, в Арбитражном суде г. Санкт-Петербурга при рассмотрении дела № СИП-727/2017, связанного с нарушением интеллектуальных прав, суд не смог удовлетворить ходатайство стороны об использовании видеоконференцсвязи из-за отсутствия такой технической возможности по причине проведения сеанса видеоконференцсвязи в зале, оснащенный такой системой, заседания «по иным делам в соответствии с графиком арбитражного суда» [5]. Следует отметить, что такие отказы носят практически массовый характер [6, 7, 8].

Таким образом, суды зачастую отказывают в видеоконференции из-за невозможности проведения судебного заседания в оснащенный помещении вследствие его загруженности, а также проблем, связанных с большой территориальной удаленностью и разницей в часовых поясах [9, с. 152]. Еще один момент связан с тем, что использование видеоконференцсвязи не всегда позволяет лицам, участвующим в судебном процессе, оперативно излагать свою позицию, особенно в сложных делах с большим количеством доказательств или в делах, предполагающих активный допрос участников судебного заседания.

Основание проведения следственного действия с применением систем видеоконференцсвязи должно быть непосредственным образом связано с невозможностью участника уголовного судопроизводства прибыть на место совершения следственного действия, причем его отсутствие должно быть обусловлено факторами объективной природы: нахождение в иной местности, в учреждениях исправительного типа, в лечебных учреждениях при невозможности даже кратковременного нарушения предписанного врачом режима (например, подключение к медицинской аппаратуре, тяжелое состояние здоровья, карантинные меры), соблюдение гражданином режима самоизоляции и карантина в условиях пандемии и т.д.

Необходимо решать проблему технической оснащенности судов и органов предварительного расследования техническими средствами связи, как стационарными (специально оборудованными комнатами), так и передвижными, так как показало исследование правоприменительной практики, многие ходатайства об использовании видео-конференц-связи были отклонены судом из-за отсутствия технической возможности.

Совершенствование положений электронного правосудия должно вестись одновременно по нескольким направлениям:

1. Создание федеральным законодателем единой Концепции электронного правосудия в виде федеральной целевой

программы, в соответствии с которой будет построено действующее законодательство, регламентирующее судопроизводство. При этом, Концепция должна иметь руководящий характер, универсальный для всех видов судопроизводств.

2. Со стороны совершенствования практического применения должна стать разработка и внедрение программного обеспечения, обеспечивающего бесперебойную работу сервисов и порталов, предоставляющих гражданам возможность реализовать свое конституционное право на судебную защиту, а также расширение их возможностей за счет включения таких функций как отслеживание судьбы обращения, оповещения участников дела, обмен информацией;

3. Улучшение снабжение судов техническими средствами связи и обеспечение устойчивого сигнала связи за счет повышения уровня материально-технического обеспечения;

4. Должна быть разработана и введена в действие универсальная форма обращения с минимальным объемом данных, набор которых зависит от вида обращения; техническое оснащение судов и органов предварительного следствия стационарными и передвижными техническими средствами для обеспечения видео-конференц-связи.

5. Введение виртуальных переговорных комнат для проведения судебных заседаний (виртуальный зал суда), а также работа суда удаленно в части рассмотрения и разрешения тех дел, в которых не требуется участие других лиц, например, судебные приказы, рассмотрение жалоб и заявлений, внесение соответствующих изменений в УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ.

Предложенные меры рассчитаны как на краткосрочную, так и среднесрочную и долгосрочную перспективу реализации, и в целом способны повысить качество электронного правосудия.

Литература:

1. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
2. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
3. Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 4–22.
4. Карасев А. Т., Савоськин А. В., Мещерягина В. А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2 (30). С. 71–77.
5. Определение Суда по интеллектуальным правам от 15.01.2018 по делу № СИП-727/2017 «Об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования видеоконференцсвязи» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.05.2023).
6. Определение Верховного Суда РФ от 17.01.2022 № 302-ЭС21–16443 «Об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда РФ путем использования системы видеоконференцсвязи» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.05.2023).
7. Определение Верховного Суда РФ от 18.01.2022 № 302-ЭС21–18152 «Об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в заседании судебной коллегии Верховного Суда РФ путем использования систем видеоконференцсвязи и об удовлетворении ходатайства об участии в заседании судебной коллегии Верховного Суда РФ путем использования системы веб-конференции» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.05.2023).
8. Определение Верховного Суда РФ от 27.10.2020 г. № 309-ЭС20–1600 «Об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.05.2023).
9. Малько А. В., Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф., Кроткова Н. В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.

Ответственность за незаконную туроператорскую деятельность: основные понятия, разграничения ответственности, практика правоприменения

Дядич Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Туристический рынок в Российской Федерации в последние годы подвергается все большим изменениям в правовой сфере. Период пандемии, закрытие границ и отмена множества туров — все это оголило проблемы юридического регулирования в этой сфере. В результате активно

началось реформирование нормативно-правовой базы туристического рынка.

Период пандемии потребовал особого регулирования со стороны законодательной власти вопросов, связанных с расторжениями договоров на приобретения туристских продуктов

и возврата денежных средств. Таким образом остро встал вопрос об разграничении ответственности турагентов и туроператоров.

Федеральный закон от 24.11.1996 N132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» дает следующие определения:

Туроператорская деятельность — деятельность по формированию, продвижению и реализации туристского продукта, осуществляемая юридическим лицом (далее — туроператор);

Турагентская деятельность — деятельность по продвижению и реализации туристского продукта, осуществляемая юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, сведения о которых внесены в единый федеральный реестр турагентов, субагентов в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом. {1}

Туристы и заказчики туристического продукта, часто путают эти понятия, называя турагентов туроператорами, и наоборот. Однако разграничение этих понятий принципиально важный момент с юридической точки зрения — за туроператорскую деятельность предусмотрен внушительный штраф — от пяти миллионов до десяти миллионов рублей.

В чем же разница между турагентской и туроператорской деятельностью? Определения очень похожи, но нужно обратить внимание на первый пункт определения туроператорской деятельности — формирование туристического продукта. Это ключевой момент, именно возможность формировать турпродукт — прерогатива туроператора, а турагент не имеет право формировать турпродукт с угрозой многомиллионного штрафа. Разберемся, что это значит на практике.

Туристский продукт — комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта; {1}

То есть туроператор, это юридическое лицо, которые самостоятельно формирует туристский продукт из отдельных услуг. В составе туристского продукта обязательно должны быть услуги перевозки и размещения, услуги могут быть предоставлены различными поставщиками, но обязательно должны объединяться туроператором в единый продукт. Туроператор обязан имеет финансовые гарантии, с целью покрытия возможных расходов на неисполненные обязательства перед заказчиками туристских продуктов. Туроператоры состоят в Единый федеральный реестр туроператоров, это обязательное условие их деятельности.

Таким образом турагент не имеет право реализовать одному заказчику на одни и те же даты услугу по перевозке, к примеру перелет в Сочи, и услугу по размещению — проживание в отеле в г. Сочи, если эти услуги не объединены в единый пакет одним юридическим лицом, являющимся туроператором, включенным в Единый федеральный реестр туроператоров {2}. Но на практике такие случаи происходят регулярно, турагенты выполняют функции туроператоров и сами формируют туристский продукт, иногда даже не осознавая этого. К примеру — оформляют перелет своим туристам, а потом, через несколько дней те же туристы просят подобрать и проживание на эти же

даты. По закону такая деятельность карается штрафом, однако ранее данный штраф ни разу не применялся в судебной практике РФ.

Всю туристическую отрасль России привлекло известие, что в августе 2023 года впервые в истории российского туризма был применен штраф за незаконную туроператорскую деятельность. Штраф в размере 5 000 000 рублей был выписан в отношении турфирмы, отправлявшей детей на отдых в Турцию, но не состоявшей в Едином федеральном реестре туроператоров. Это знаковый момент для туристической отрасли, т.к. возможно ожидать увеличение числа подобных решений в судебной практике.

Для того, чтобы обезопасить туристов и внести ясность в отношении связки турагент — туроператор, в мае 2022 г. и июне 2023 г. были внесены поправки в Федеральный закон от 24.11.1996 N132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», а именно более детально было проработано понятие «Электронной путевки» и введено понятие «Единая информационная система электронных путевок».

Турагент должен после заключения договора о реализации туристского продукта передать информацию об этом туроператору, а он в свою очередь — в Единую информационную систему электронных путевок. Турист, заказчик туристского продукта, может проверить свой тур, его параметры и цену, в единой информационной системе, тем самым убедиться, что деньги он отдал добросовестному участнику рынка, и турагент выполнил в полном объеме свои функции по подбору, бронированию и оплате туроператору туристского продукта по поручению туриста.

Однако до сих пор данная система не заработала на практике, штрафной период перенесен на неопределенный срок. Для туроператоров по внутреннему туризму срок уже зафиксировали — до 1.09.2024 можно не вносить данные в единую систему, штрафовать начнут после озвученной даты. А для туроператоров по выездному туризму ответственность должна была наступить с 1.09.2023 года, дату предлагали перенести на ноябрь 2023 года или на март 2024 года. До сих пор данного решения ожидают все участники туристического рынка РФ. {4}

Таким образом проблема выявления незаконной туроператорской деятельности в РФ сохраняется в 2023 году, игроки рынка ожидают, что с введением в действие Единой информационной системы электронных путевок рынок станет более прозрачным, и разграничение ответственности турагента и туроператора будет прозрачно прослеживаться при заключении договора и передачи данных в ЕИСЭП. Кроме того, первый случай применения штрафа в 5 000 000 рублей за незаконную туроператорскую деятельность заставил турагентов, формировавших самостоятельно туры своим клиентам, внимательнее ознакомиться с ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». А этот закон предусматривает для них два варианта работы в правовом поле — реализовывать только чужие турпродукты, сформированные туроператорами, или самостоятельно становиться туроператором.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.11.1996 N132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» / Консультант плюс
2. Единый федеральный реестр туроператоров. Электронный ресурс / Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/reestr/reestr-turoperatorov/>
3. Право.ru // Фирму, которая отправила детей в Турцию, оштрафовали на 5 млн руб. /Электронный ресурс/ Режим доступа: <https://pravo.ru/news/248276/>
4. Постановление Правительства РФ от 18.03.2023 N417 «Об утверждении Правил функционирования единой информационной системы электронных путевок и о признании утратившими силу постановления Правительства Российской Федерации от 8 июня 2019 г. N747 и пункта 18 изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. N1903» / Консультант плюс

Правовое регулирование свободы СМИ в современной России

Егоркина Марина Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

В исследовании рассматриваются основы правового регулирования свободы средств массовой информации в современной России. Актуальность темы научного исследования обусловлена ростом информационного общества, появлением новых средств массовой коммуникации. Деятельность средств массовой информации в современной России привела к появлению системы, включающей новые субъекты и связи между ними.

Ключевые слова: средства массовой информации, массовые коммуникации, социальные медиа, свобода слова, правовое регулирование.

Развитие массовых коммуникаций порождает возникновение новых терминов, суть которых ещё предстоит раскрыть правовой науке. Наиболее серьезные изменения массовых коммуникаций связаны с развитием Интернета, удобным для производства и распространения информации. Основными новшествами в последнее десятилетие стали сетевые издания и социальные медиа. Всё чаще правоприменителю приходится сталкиваться с ними при разрешении споров между субъектами правоотношений.

Определение сетевого издания дается в ст. 2 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» [1]: сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с настоящим Законом.

Интернет-издания имеют свои особенности, которые отличают их от других средств массовой информации. Во-первых, скорость передачи информации интернет-изданиями значительно выше традиционными СМИ. Они наполняются информацией постоянно. Во-вторых, интернет-издания не зависят от объемов распространяемой информации, они не ограничены тиражом или временным интервалом. Объем передаваемых ими данных гигантский, а скорость, с которой они создаются, стремительна. В Интернете ограничения физического пространства играют гораздо меньшую роль, и сообщения, и информация могут перемещаться на огромные расстояния.

Социальные медиа, в частности, обладают исключительными свойствами. Не будет преувеличением сказать, что со-

циальные медиа претерпевают радикальные позитивные изменения. Генерация, хранение и обмен данными: такова суть социальных сетей.

Социальные медиа — это группа интернет-приложений, которые основываются на идеологических и технологических основах Web 2.0 и позволяют создавать пользовательский контент и обмениваться им [2, с.15].

Объектом социальных медиа является информация, распространяемая среди неопределенного круга лиц. Это означает, что правовым базисом социальных медиа является конституционная свобода массовой информации. Часть 5 Статьи 29 Конституции РФ устанавливает общее лаконичное правило, гарантирующее свободу массовой информации. Более подробно оно раскрывается в Законе «О СМИ»: «не подлежат ограничениям ... поиск, получение, производство и распространение массовой информации» [1], при этом под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Таким образом, российское конституционное законодательство допускает выступление социальных медиа в качестве субъектов свободы массовой информации.

В сравнении с классическими СМИ социальные медиа более доступны для рядовых людей, обладают большей скоростью информационного обмена и в наименьшей степени подвержены контрольному воздействию. Но эти их характеристики сильно осложняют отслеживание и устранение неприемлемой как с этической, так и с правовой точки зрения информации.

Нужно отметить, что нынешнее правовое регулирование независимости СМИ в свете роста глобальных коммуникационных сетей не отвечает уровню современных общественных отношений и требует пересмотра, поскольку допускает быстрое распространение недостоверной информации и представляет единственную точку зрения на то или иное событие [3, с. 36–39].

Тем не менее законодателями были предприняты определенные шаги в данном направлении. в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» была добавлена статья 10.6 «Особенности распространения информации в социальных сетях» [4]. В соответствии с данной статьей владелец социальной сети должен организовать мониторинг информации, распространяемой посредством принадлежащей ему социальной сети, в целях выявления и блокирования сведений, указанных в п. 5 ч. 1 вновь введенной статьи. Данная статья также предусматривает возможность владельца социальной сети обратиться в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, коим на данный момент является Роскомнадзор, для определения соответствия обнаруженной информации критериям, указанным в п. 5 ч. 1 данной статьи, в том случае, если владелец социальной сети сам не может оценить степень такого соответствия.

Кроме того, в указанный федеральный закон был внесен ряд изменений, касающихся хоть и не социальных медиа, но свободы массовой информации в Интернете. В соответствии со ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], при обнаружении недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда ряду охраняемых законом интересов, Роскомнадзор уведомляет редакцию сетевого издания о необходимости удаления указанной информации, а в случае, если издание проигнорировало данное требование — обраща-

ется к оператору связи с требованием ограничить доступ к сетевому изданию.

Стоит отметить, что указанные изменения в законы имеют определенные недостатки, связанные с опасностью ущемления конституционной свободы массовой информации, но в то же время не стоит забывать о возможности использования социальных медиа для достижения деструктивных целей. Процессы развития информационного общества диктуют необходимость в создании более адекватного механизма их правового регулирования.

В рамках проводимой в последнее время в Российской Федерации реформы гражданского законодательства были изменены правовые нормы о судебной защите нематериальных благ, устанавливающие более широкие средства правовой защиты для лиц, в отношении которых распространены сведения дискредитирующего или диффамационного характера, в том числе и в сети «Интернет». В тех случаях, когда подобные сведения стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно до всеобщего сведения, заявителю предоставлено право требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации. А пока лица, нарушившие закон при распространении диффамационной информации через ресурсы в Интернет, не зарегистрированные как СМИ, или социальные медиа понесут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации без учета особенностей, предусмотренных законодательством о СМИ [5, с. 58–59].

Рост использования и производства массовой информации населением, а также расширение информационного рынка обуславливают необходимость совершенствования системы правового регулирования деятельности средств массовой информации в целях содействия развитию информационного общества в Российской Федерации. Значимость исследований правового регулирования СМИ возрастает в связи с усилением требований к информационной безопасности личности, общества и государства.

Литература:

1. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124–1: в ред. Федерального закона от 1 июля 2021 г. № 290-ФЗ
2. Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик: монография / под ред. Л. П. Шестеркиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017. С. 15.
3. Иванова К. А. Современное понимание права граждан на свободу мнения в киберпространстве, Конституционное и муниципальное право. 2018. N5. С. 36–39.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023)
5. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.02 / Щербович Андрей Андреевич; [Нац. иссл. ун-т «Высш. шк. экономики»].— Москва, 2013.

Экспертиза психологического воздействия при проведении представителями определённых организаций (религиозных, сектантских, политических, образовательных и т.д.) семинаров и других массовых мероприятий

Жугина Лина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Стрельцова Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Данная статья рассматривает вопрос экспертизы психологического воздействия на участников массовых мероприятий, проводимых различными организациями, включая религиозные, сектантские, политические и образовательные. В статье обсуждаются методы и цели такого воздействия, его этические и юридические аспекты, а также влияние на участников и общество в целом. Работа направлена на выявление необходимости проведения экспертизы и возможных путей регулирования подобных мероприятий.

Ключевые слова: психологическое воздействие, массовые мероприятия, экспертиза, методы психологического воздействия, этические аспекты, юридические аспекты, влияние на участников, влияние на общество.

Массовые мероприятия, проводимые различными организациями, могут оказывать значительное психологическое воздействие на их участников [1]. Это воздействие может быть, как позитивным, способствуя образованию и саморазвитию, так и негативным, включая манипуляцию и индоктринацию. В данной статье рассматривается необходимость проведения экспертизы такого воздействия с целью защиты прав и благополучия участников массовых мероприятий. Экспертиза в большинстве случаев оценивает и изучает методы психологического воздействия, этические и юридические аспекты и влияние на участников и общество.

Методы психологического воздействия, используемые организациями при проведении массовых мероприятий, могут варьироваться в зависимости от их целей и задач. Организации различных типов используют разнообразные методы психологического воздействия на участников мероприятий. Они включают в себя манипуляции эмоциями [2], формирование идеологии (пример: политические группы могут использовать мероприятия для пропаганды своих идеологических взглядов, влияя на мнения и убеждения участников), контроль информации, использование символов и обрядов (пример: религиозные организации проводят ритуалы и обряды, усиливающие чувство принадлежности и религиозной идентичности участников), использование авторитетов, формирование культовой личности (пример: некоторые политические лидеры веками ранее и в современное время создают культ вокруг своей личности, подчеркивая свою непреложность и авторитет), а также создание групповой динамики.

Важно подчеркнуть, что многие из этих методов могут использоваться как в позитивных, так и в негативных целях. Например, манипуляция эмоциями может быть полезной для создания позитивного опыта на мероприятии, но она также может использоваться для контроля над участниками. Экспертиза должна анализировать, как эти методы применяются, и оценивать их эффекты на участников, а также соблюдение этических и юридических стандартов.

Этические и юридические аспекты применения психологического воздействия при проведении массовых мероприятий

организациями, включая религиозные, сектантские, политические и образовательные, играют важную роль в обеспечении прав и безопасности участников. К этическим аспектам относят: информированное согласие (организации должны обеспечивать, чтобы участники мероприятий были адекватно информированы о целях, методах и последствиях участия. Это обеспечивает, что участники соглашаются добровольно и осознанно); защита уязвимых групп [3]; соблюдение этических стандартов профессиональных организаций (например, психологи должны соблюдать этические нормы, утвержденные российским законодательством [4], а также нормы, определенные Американской ассоциацией психологов (АРА) или аналогичными организациями, чтобы избежать некорректного использования своих знаний); соблюдение прозрачности.

К юридическим аспектам относят: соблюдение законов, защита от дискриминации и нарушений прав, обязанность заботы (организации обязаны обеспечивать безопасность участников мероприятий и предотвращать психологическое или физическое насилие); прозрачность финансовых операций; защита конфиденциальности данных.

Установление баланса между психологическим воздействием, этическими нормами и законами является важным аспектом проведения массовых мероприятий. Этот баланс обеспечивает защиту прав и безопасности участников, а также поддерживает этические и законные практики. Важной частью этого процесса является экспертиза, которая может помочь выявить, соблюдаются ли эти нормы и законы, и какие меры могут быть предприняты в случае их нарушения. Экспертиза может помочь определить, соблюдаются ли эти нормы и законы, и, если нет, предоставить рекомендации по их улучшению и соблюдению.

Влияние массовых мероприятий, проводимых различными организациями, на участников и общество в целом является важным аспектом, который требует внимания и исследования. Влияние может быть разнообразным и зависеть от конкретных целей и методов организации, может принимать как положительное воздействие (источник психологической

поддержки, вдохновения и повышения самооценки участников), так и негативное (происходит воздействие на эмоции участников таким образом, что в последствии приводит к психологическим проблемам, включая тревожность, депрессию и зависимость). К аспектам влияния на участников и общество можно отнести: изменение мировоззрения и убеждений, влияние на психологическое состояние, воздействие на поведение, общественное воздействие. Все перечисленные аспекты могут как позитивно воздействовать на участников и общество, неся при этом повышение уровня образования, кругозора, сплочение общества и приобретение новых навыков, так и негативно, способствуя распространению экстремистских идеологий и нарушению общественной гармонии. Экспертиза и исследования необходимы для того, чтобы понимать, какие конкретные последствия оказывают мероприятия на участников и общество, и какие меры могут быть предприняты для соблюдения этических и юридических норм, а также для улучшения воздействия в позитивном направлении. Комбинация экспертизы, исследований и мониторинга имеет большое значение для обеспечения этичности, безопасности и позитивного воздействия массовых мероприятий на участников и общество в целом.

Чтобы бороться и минимизировать последствия проблем, связанных с применением психологического воздействия при проведении массовых мероприятий, различным организациям, обществу, государству, системе образования и конечно же отдельно личности необходимо сообща заниматься разработкой образовательных программ и информационных кампаний

для участников, с целью усиления их критического мышления и способности различать манипуляцию; обучением и обеспечением осведомленности организаторов мероприятий о этических нормах и принципах, а также установление систем внутреннего мониторинга и саморегулирования; защищать права человека и свободы слова через судебные или административные процессы в случае их нарушения; установить механизмы прозрачности и ответственности в финансовых операциях организаций, проводящих массовые мероприятия; проводить информационные кампании и обучающие мероприятия для участников, чтобы они могли принимать осознанные решения о своем участии, а также проводить независимые исследования для оценки влияния мероприятий на общество и разработка мер по смягчению отрицательных последствий.

В заключение, проблема экспертизы применения психологического воздействия на массовых мероприятиях требует всестороннего изучения и внимания со стороны общества и организаций. Соблюдение этических норм и законов, а также обеспечение безопасности и защиты прав участников должны быть приоритетами при проведении подобных мероприятий. Она помогает выявить нарушения, защитить участников и разработать рекомендации по улучшению мероприятий. Такие экспертизы могут способствовать более осознанному и этичному проведению массовых мероприятий, способствуя тем самым общественной безопасности и развитию индивидуальной свободы. Только так можно обеспечить позитивное воздействие и участие в массовых мероприятиях, способствуя развитию общества и культурного разнообразия.

Литература:

1. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Истоки и перспективы. — СПб.: СПбГУП, 2010.
2. Волков Е. Н. Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза манипулятивного воздействия: социально-психологические и когнитивные аспекты // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Калуга, 26–29 мая 2010 года. Калуга, КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2010.
3. Методические рекомендации по вопросам, связанным с ресоциализацией подростков, подвергшихся деструктивному психологическому воздействию сторонников религиозно-экстремистской и террористической идеологии (приложение к письму Министерства образования и науки РФ от 23 ноября 2017 г. N ПЗ-1608/09)// Гарант.ру информационно-правовой портал URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71738738/?ysclid=ln1r7qxbpg687288985> (дата обращения: 17.09.2023);
4. Этический кодекс психолога// Российское психологическое общество. Официальный сайт профессиональной корпорации психологов России. Принят 14.02.2012 года V съездом Российского психологического общества. URL: <http://psyurus.ru/rpo/documentation/ethics.php?ysclid=ln1rky8d8a297948133> (дата обращения: 17.09.2023).

Деление частного и публичного права в российской правовой науке

Захария Олег Георгиевич, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Тема частного и публичного права представляет собой широкий комплекс, на котором основывается вся романо-германская правовая семья. Данная тема пронизана нераскрытыми аспектами и является предметом множества дискуссий, несмотря на то, что она была принята Домицием Ульпианом ещё в 426 г.д.н.э. В подтверждении мысли хотелось бы обратиться к Г. Ф. Шершене-

вичу, что отмечал: «несмотря на всю повседневность такого деления, с научной стороны до сих пор остается не выясненным, где находится межевая черта между частным правом и правом публичным и каковы их отличительные признаки» [11, с. 9].

Ключевые теории в российской правовой науке состоят из материальных и формальных. Представители материальных теории исходят от характера и содержания правоотношений, и что не менее важно, нормы регулирующей их. Сторонники формальных теории опираются на способ регулирования правоотношений, либо особенностей их строения.

Пожалуй, начнём с идеи материальных теорий, М. М. Черепакхин выделял среди сторонников две группы. В первую группу входили последователи слов одного из самых знаменитых римских юристов — Домицилия Ульпиана: «Publicum lus est quod ad statum rel romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem (D. 1.1.1.2.) [6, с. 83], что значит: «Публичное право то, которое относится к положению Римского государства, частное право то, которое относится к положению отдельных лиц» [6, с. 84]. Сущность данного выражения трактуется как: право, охраняющее интересы государства — публичное, право, охраняющее интересы частного лица — частное. Как можно увидеть, основа данной теории характер защищаемых интересов. Так как Ульпиан был исторически первым, кто создал данное деление теория носит название «классической».

К классической теории примыкает лично-свободное и социально-служебное право Л. И. Петражицкого. Лично-свободное право направленно на удовлетворение личного интереса, т.е. частного. Социально-служебное обладает управомоченным субъектом, осуществляющим действия во благо социальных групп. В первом случае отсутствует жёсткая централизация, благодаря чему лицо обладает широкими возможностями. Второе случай зависит от воли единого центра — государства, наделяющего полномочиями, лицо должно выполнять какие-либо действия вне воли и интереса. Приемником Л. И. Петражицкого стал В. Н. Дурденевский, выдвинувший, что частное право, действующее в интересах обладателя — эгоцентрическое, публичное право, действующее в интересах общества — социоцентрическое. Первое обделено наличием определённого центра, центром второго выступает общественный интерес [3, с. 24].

Вторая группа сторонников материальных теорий подразделяет частное и публичное право с точки зрения имущественных и неимущественных отношений. К сторонникам теории относился Д. К. Кавелин.

Д. К. Кавелин не поддерживал теорию Ульпиана, согласно которой частное есть сфера индивидуальной свободы, считая, ульпиановский подход слишком поверхностным. По мнению публициста, нельзя выделить исключительно частную или публичную сферу, частное право непрерывное проникает в общественные отношения, общественное непосредственно взаимодействует с частным. Правовед утверждал — противоположность частного и публичного не должна стать отправной точкой деления, так как не существует такого юридического явления, не объединяющего в себе две отрасли [4, с. 132]. Д. К. Кавелин относил публичное в целом к интересам государства, частное к любому из его составных элементов. Хорошим при-

мером дефиниции служит налоговое право, государство санкционирует налоги в целях финансирования и поддержания государственного аппарата, а индивид обязан уплатить их в конкретном установленном размере. Идеи публициста признают частное право, регулирующее имущественные и неимущественные ценности.

В отличие от материальных теорий формальные производит классификацию на нормах позитивного права. Всего выделяют три главенствующие линии развития.

Первая линия развития носит название — инициатива защиты, предполагает под частным, право, охраняемое инициативой индивида в порядке гражданского разбирательства в большей степени по имущественным отношениям. Публичное охраняется инициативой государства в порядке уголовного или административного судопроизводства по поводу идеальной, неимущественной стоимости [10, с. 17]. Кроме того, гражданские дела решаются с помощью постороннего органа, в публичном деле, подобный принцип недопустим.

Важнейшее значение имеет круг лиц, один образует властные органы, другой находится на положении частного, возможна ситуации, когда одно и то же лицо объединяет два свойства. Инициатива защита была описана С. А. Муромцевым.

Рассматривая материальную теорию Ульпиана, С. А. Муромцев не поддерживал принцип деления права как блага публичного, и в противоположность ему частной пользы. С философско-научной точки зрения публичное и частное во всей своей совокупности служат одинаково общему благу. Публичное право образует порядок органов общежития и государственного строя, частное право же вносит коррективу, создавая мир индивидуального интереса. В этом определении видны сходные точки зрения с Ульпианом, при этом следует оговорка, что иные значимые черты римский юрист не определяет [7, с. 186–195].

Любой критерий в отраслях права распределяется неравномерно из-за чего формируется неопределённость при отнесении какой-либо группы признаков в частную, публичную сферу, из двух перетяжек требуется выбрать одну или же создать средний отдел — отдел переходных форм.

Вторая линия развития: по различию субъектов в правоотношениях, к числу сторонников теории относились: Е. Н. Трубецкой, Ф. Ф. Кокошкин, Ф. В. Тарановский, из современных правоведов: Ю. А. Тихомиров, В. Ф. Яковлев, М. И. Брагинский и остальные.

Е. Н. Трубецкой отмечал, что единственным предметом деления частного и публичного права является характер правоотношения между субъектом и той или иной социальной общностью [9, с. 206]. Те отношения, где субъект самостоятельный распорядитель права, где главная цель норм обеспечение свободного пользования сферой внешних свобод — частное право, где субъект зависим, часть целого, а нормы предписывают обязательную модель поведения — публичное. Основной критерий в независимости и зависимости субъекта. Особенности пуб-

личного права Е.Н. Трубецкой считал, присутствие в отношениях двух субъектов: носителя правомочия и социального целого. Когда суд выносит приговор, государство в его лице совершает правосудие, когда лицо пользуется избирательным правом, оно выступает как представитель части социальной общности.

И третья линия развития в формальных теориях — разделение права по характеру правовых норм, под авторством И.А. Покровского. Фундамент концепции в централизации и децентрализации правового регулирования, относивший частное к системе децентрализации, публично — системе централизации правовых норм.

Если обратиться к приёмам и способам межличностных отношений можно заметить очень важное различие: в одной области веления исходят исключительно из центра, чем и представлено в современном обществе государство. Последнее устанавливает нормами правовое положение каждого отдельного лица, его права и обязанности в отношении целого государственного механизма и общества. Никакое соглашения лиц не в праве изменить закреплённые нормы, следовательно, предписанное государством имеет принудительный характер.

В частноправовых отношениях государство намеренно воздерживается от непосредственного влияния, взамен одного центра существует множество мелких, которые признаются самостоятельными единицами, им и предоставляется регулирование отношений между собой. Здесь государство не принуждает к действию, лишь исходит защитником, выбранных решений и восполняет пробелы в регулировании. Отсюда нормы частного права носят субсидиарный характер и могут быть изменены согласованием воли сторон [8, с. 39].

И.А. Покровский находил деление по отраслям в методе регулирования правовых норм — императивности и диспозитивности, признавая его неверным, поскольку те или иные сферы права включают смешанный тип норм.

Диспозитивность в процессе научного исследования понимается как минимум в двух значениях:

1. Для участников правоотношений диспозитивный метод понимается как возможность наиболее целесообразного пути. В части 3 статьи 59 Конституции Российской Федерации предусматривается альтернативная служба, если несение военной противоречит убеждениям или вероисповеданию. Заметим, изложенный взгляд объединяет публичное и частное право.

2. Во-втором значении под диспозитивностью понимается право самостоятельно договариваться по вопросам объёма обязанностей и прав участников правоотношений [5, с. 279].

Интересен факт, кроме теорий, признающих существования частного и публичного права, в правовой науке скрыты теории отрицания деления, строятся они на критике материальных и формальных теорий. Ведущими представителями выступали Ю.С. Гамбаров и А.Г. Гойхбарг.

Рассматривая имущественную теорию К.Д. Кавелина, Ю.С. Гамбаров указывает на её некомпетентность, используя практическую ценность, во-первых, тот же институт семейного права, относящийся по имущественному признаку к гражданскому праву, имеет идеальные цели. Во-вторых, к сфере неимущественных отношений ничего не мешает причислить налогообложение и таможенные пошлины [1, с. 45].

А.Г. Гойхбарг аргументировал отрицание деления с экономического базиса. Появление разделения права на частное и публичное обусловлено появлением неприкосновенности со стороны государства и граждан к частной собственности. Институт частной собственности направлен на накопление и защиту крупного капитала, хуже того, на эксплуатацию экономически сильного индивида слабого [2, с. 45–52].

Среди всего многообразия теорий не стоит выбирать верную, каждая теория раскрывает новые рамки в сфере частного и публичного, показывает новый ракурс. Наилучший вариант принимать во внимание все представленные теории, благодаря чему в будущем можно будет создать универсальную идею, вбирающую все аспекты, а также способную справиться со всеми противоречиями.

Литература:

1. Гамбаров, Ю.С. Курс гражданского права. Часть общая / Ю.С. Гамбаров. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1.— 793 с.
2. Гойхбарг, А.Г. Основы частного имущественного права: Очерки. М.: Красная Новь, 1924.— 136 с.
3. Дорохин, С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект: / С.В. Дорохин М.: Волутерс Клувер, 2006.— 136 с.
4. Кавелин, К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам: учебник / К.Д. Кавелин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879.— 410 с.
5. Корельский, В.М. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов и фак. / В.М. Корельский, В.Д. Перевалова / М.: Норма-Инфра-М, 1998.— 558 с.
6. Кофанов, Л.Л. Дигесты Юстиниана: пер. с лат. / Л.Л. Кофанов. М.: «Статут», 2002.— 589 с.
7. Муромцев, С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1879.— 223 с.
8. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. / И.А. Покровский. М.: Статут, 1998.— 349 с.
9. Трубецкой, Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1917.— 227 с.
10. Черепяхин, Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве / Б.Б. Черепяхин. М.: ДЕЮРЕ, 1994.— 26 с.
11. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич М.: Спарк, 1995.— 556 с.

Значение деления частного и публичного права в правовой науке

Захария Олег Георгиевич, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Принято считать, что деление права на частное и публичное осуществил знаменитый Домиций Ульпиан ещё в 426 г.д.н.э., но некоторые учёные современности придерживаются точки зрения, что деление на отрасли права, было задолго до Ульпиана и встречались в законах Нума Помпилия, отсюда можно предположить, что Ульпиан лишь сформулировал, либо воспроизвёл в одной из своих работ критерии деления. Подобную точку зрения поддерживают не все исследователи, хотя сторонников можно найти и в рамках отечественной доктрины, профессор М. Н. Кузнецов, считает, что классификация возникла после распада Римской Империи: «Сегодня ошибочно принято считать, что традиция деления права на частное и публичное восходит к римскому праву. Однако новейшие исследования показывают, что это произошло несколько столетий спустя после распада Западной Римской империи» [8, с. 236].

Древние римляне выделяли различные аспекты институтов в зависимости от связей между людьми, частный закон трактовался отношениями между людьми, отстаивающими интересы в индивидуальной или семейной сфере на основе частной воли. Отношения, затрагивающие интересы всего квирицкого народа, включающие формализованную волю народа как единого целого причислялись к публичному закону.

Квирицкое право обозначало границы действий публичного и частного права, указывала на религиозные порядки, ритуалы, полномочия органов управления, отношения с иностранными гражданами, формы имущественных отношений между гражданами общины, получение и потерю гражданства, переходы статуса, бракосочетания, формы судебной защиты и исков и создания права. [11]

Принципом деления публичного и частного права Ульпиан считал: «Publicum lus est quod ad statum rel romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem» (D. 1.1.1.2.) [7, с. 83], что значит: «Публичное право то, которое относится к положению Римского государства, частное право то, которое относится к положению отдельных лиц» [7, с. 84].

Для публичного права (**lus publicum**) характерна императивность, обязательность исполнения предписаний, невозможность изменения норм путём соглашения отдельных лиц, в силу обязательных норм действует принцип субординации, т.е. есть лицо, обязанное совершить действие и лицо управомоченное принять действия, как правило принимающий действие стоит выше по положению. Публичные дела заводил государственный орган, в Древнем Риме таковым был сенат, решавший вопросы в виде уголовного судопроизводства. Сфера регулируемых вопросов весьма обширна: религиозные культы, взимание налогов и т.д. В субъекты контроля публичного права входили государство и должностные лица.

Частное право (**lus privatum**) единый термин для совокупности гражданского права (**lus civile**), народного права (**lus gentium**), преторского права (**lus praetorium**, либо **lus honorarium**). Частное право, ещё называют правом древнеримской гражданской общины, или квирицким (**lus Quiritum**), первой исторически сложившейся системой права. Среди особенностей частного права выделяется диспозитивность норм — возможность лица по собственному желанию регулировать правовые отношения в рамках закона. В случае нарушения прав гражданский процесс начинается с инициативы лица, путём подачи определённого иска, чья право нарушено, это может быть физическое, либо юридическое лицо, но обязательно римский гражданин. В отличие от публичного права судопроизводство протекало по принципу координации, равенства. участвующих сторон. Пред-

метом частноправовых отношений выступают вещное право, право собственности, обязательственное, наследственное и брачно-семейное право.

Дуализм частного и публичного права, закрепляющийся на противоречии, друг к другу нарушает принцип единства права. К тому уже отрасли права используют одинаковые методы и приёмы, этим Геннадий Мальцев опровергает значимость теоретического разграничения. Идеи учёного кроются не в взаимном проникновении частноправовых и публичных элементов, а в опасности деления, обособление публичных норм от частных, сыграет на руку крупным коммерческим компаниям, приведёт их к крупному самопроизволу. Многократная интерпретации понятий публичного и частного права ставит государство в уязвимое положение, ведь от принадлежности норм, сферы отношений, функций, меняется полностью методология и сущность того или иного процесса.

Среди всего массива доктринальных трудов, самое известное положение о значимости дихотомии поддерживали отечественные правоведы: **И. А. Покровский, М. М. Агарков, С. А. Муромцев.**

По И. А. Покровскому публичное право, представляющее сферу централизации, объединяет и обеспечивает планомерность в обществе, с другой стороны, централизованность снижает активность и ограничивает индивида. Децентрализация, в свою очередь, обеспечивает социум свободой выбора определённого паттерна поведения.

Позиция, придерживаемая М. М. Агарковым, гласит: деление публичного права от частного обуславливаться территориальными предпосылками, отклонение от принятых границ представляет редкие случаи. Общество, не имеющее публичного права — не имеет прав, в таком обществе закрыт доступ к творчеству, нет возможности развиваться всесторонне, едва

ли способен прогресс. Михаил Агарков как о государстве придерживался мнения перетекания частного в публичное, о проблеме вопроса соотношения государственных институтов с отраслями права, «наглядным примером является обязанность и право быть присяжным» [4, с. 35].

Ценность римского деления на частное и публичное право отстаивал русский публицист С. А. Муромцев. Римская классификация придерживается внешних факторов, тем самым подтверждает свою естественность, отсюда, совпадение в настоящем праве с общежитскими идеями разграничения на частное и публичное доказывает фундаментальность концепции.

В. А. Белов в своих трудах вводит наиболее грозную позицию, подмечая защиту частноправового интереса до пересечения границы, после которой происходит столкновение с публичным правом [5, с. 48]. В современном обществе («постоянные попытки государства посягать на свободу и частную жизнь своих граждан, а также стремление частного интереса, перерастающего в эгоизм» [10]) отрицание частного и публичного права недопустимо.

Теория Г. В. Мальцева перед крепостью аргумента диспозиции отечественных учёных теряет свою компетентность. Грань между частным и публичным проводится человеком интуитивно, почти в подсознании как философские категории добра и зла. Пока государство существует, оно регулирует частные и публичные противоречия, подобные споры доказывают обоснованность деления на частноправовое и публично-правовые отношения [9, с. 38]. Исключение частного права приведёт за собой оккупацию всех сфер общества публичным как это было пагубно показано в период Советского государства.

Деление играет огромную роль в судебной практике и российском законодательстве, согласно п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая предписания закона иного акта права, посягающая на публичный интерес в виде нарушения защиты интересов третьих лиц, признаётся недействительной [1].¹ Попытка определить публичный интерес была предпринята в интерпретационной практике Верховным Судом РФ, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 «О применении су-

дами некоторых положений раздела I Гражданского Кодекса Российской Федерации», в постановлении даётся понятие о публичном интересе, собственно говоря, ссылаясь на ст. 168 Гражданского Кодекса Российской Федерации [2].² Основным положением публичного интереса выделяется соблюдение запретов, предусмотренных правовыми актами, нарушение которых, сопровождаться санкцией [6, с. 88].

Как было сказано выше деление на частное и публичное имеет не только классификационное значение, что удивительнее, оно ядро многих национальных юридических систем. Доминирующее положение публичное право занимало в системе Древнего и Средневекового права. Речь идёт не о привычном для нашего понимания публичном праве, речь о сфере, где государственная власть соприкасается с авторитарными элементами, такая система присуща некоторым современным странам мира с архаическим уклоном, отсталым социально-экономическим развитием по типу африканских и азиатских стран, правительствам старого социалистического лагеря. Публичное право, конечно, относится к признаку демократического правления (активное и пассивное право, разделение власти), но не в меньшей степени представляет аппарат управления, почвой для совершенствования права и злоупотребления правовым регулированием. В дополнение к частному праву, можно выразить во мнении о его беспрецедентной свободе воли индивида, уровень свободы образует на столько идентичные социальные проблемы, что попытки их решить встречается во многих государствах [3].

Деление в Древнем Риме способствовало более точной регламентации отношений в различных сферах, создание для каждой отрасли индивидуальной процедуры решения ускоряет и повышает эффективность регулируемого вопроса. В наше время, страны романо-германской правовой семьи аналогично пользуются делением, отражающимся в благоприятной обстановке для внутривнутриполитической ситуации в стране, доктринальные труды лишь подтверждают действенность вплоть до того, что без отраслей обществу не под силу развиваться в прогрессивном ключе. Анализ деления отраслей на частное и публичное начиная с Рима до нашего времени помогает сформировать целостную картину причин и значения деления.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Рос. газ. – 2015. – 30 июня.
3. Аврамченко, А. А. Значение частного и публичного права в классификации правовых систем / Актуальные проблемы сравнительного правоведения. – Государство и право. – Юридические науки. – 2019. – С. 61–63.
4. Агарков, М. М. Ценность частного права // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 31–48.
5. Белов, В. А. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. 2 изд., стер. М.: Издательство Юрайт. – 2015. – Т 1. – 488 с.

¹ п 2. ст. 168. «Недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта»: Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

² п 8. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Рос. газ. 2015. 30 июня.

6. Девяткина, О. Е. К вопросу о практическом значении доктрины деления права на частное и публичное // Наука, техника и образование. – Государство и право. – Юридические науки. – 2016. – № 8. – С. 88–89.
7. Кофанов, Л. Л. Дигесты Юстиниана: пер. с лат. / М.: «Статут». 2002. – 589 с.
8. Кузнецов, Н. В. Понятие «частное» в международном частном праве // Вестник Пермского университета. – Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 234–242.
9. Миронов, В. О. О значении деления права на частное и публичное / В. О. Миронов, Н. В. Зин // Институт управления. – Государство и право. – Юридические науки. – 2018. – № 4. – 123–127.
10. Тереньтева, Н. А. Вопрос о значимости разделения права на публичное и частное в отечественной правовой науке // Право и государство: теория и практика. – Государство и право. – Юридические науки. – 2017. – № 9. – С. 7.
11. Хвалева, М. А. Некоторые вопросы о понятии публичного права // Вестник Самарского юридического университета. – Право. – 2010. – № 1. – С. 103–108.

Нормативно-правовой акт как источник права в России: понятие и виды

Захария Олег Георгиевич, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Вопрос разграничения понятия и признаков нормативного правового акта является дискуссионным среди научных исследователей по настоящее время. Связано это в первую очередь из-за того, что нормативно-правовой акт в российской правовой системе является основной формой выражения права как такового.

Обращаясь к научной литературе касающейся сферы теории государства и права — нормативный правовой акт определяет содержание нормы права, которая в свою очередь принимается в особом регламентируемом порядке, строго формализованной письменной форме и состоит в иерархичных отношениях подчиненности с другими актами [4, с. 272].

Представленная выше дефиниция касается одновременно несколько признаков: «акт правотворческих органов» отображает первый признак, а именно, принятие компетентными органами. Ведь нормотворческой деятельностью занимаются только специальноуполномоченные органы и представители власти, что выражают волю государства. Вторым признаком — нормативность, направленность на регулирование типичных общественных отношений не персонифицированного круга лиц [5, с. 191]. Третий признак таится в «особом порядке», то есть специальная процедура принятия — необходимость соблюдения определённых процедур и процессов для признания и принятия акта. Третьей особенностью является — письменная форма нормативно-правового акта, материальная составляющая которого обязательна для проведения процедуры принятия закона, в связи с дальнейшим ознакомлением общества с недавно опубликованным документом. И разумеется, наиболее характерным и значительным признаком является — строгая подчинённость нормативно-правовых актов по отношению друг к другу в иерархичной структуре позитивистского права, в которой тот или иной акт, принятый уполномоченным органом, имеет собственное место взаимодействия с другими имеющими юридическую силу документами.

В отличие от остальных источников права, нормативно-правовые акты более эффективно справляются с изменяющимися потребностями современного общества в сфере правового регулирования и своим действием охватывают ряд социальных отношений. Именно в них регламентируются нормы, учитывающие и регулирующие в своём поле зрения интересы разных слоёв населения, координируя стремительно развивающиеся общественные отношения в зависимости от их социального, экономического, национального или международного контекста.

Разумеется, не приходится возможным и необходимым принятие и опубликования Федерального Закона, регламентирующего столь широкий круг общественных отношений, который ранее не был представлен уполномоченным органом. Связано это в первую очередь с проблемой дальнейшего абстрактного и не точного толкования правоприменительными органами. К доводам, подтверждающим данную позицию, можно привести следующие нормативно-правовые акты.

Кодекс административного судопроизводства в статье 209 обозначает сведения о нормативном акте, что должны быть указаны в исковом заявлении об оспаривании нормы права:

1. Наименование органа власти, принявшего акт;
2. Наименование, дата, время принятия акта, а также источник его опубликования;
3. Наименование и положения акта, имеющие большую юридическую силу;
4. Несоответствие нормы, либо его положений законодательству;³

³ Ст. 209. Требования к административному исковому заявлению об оспаривании нормативного правового акта и о признании нормативного правового акта недействующим: Кодекс административного судопроизводства от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от. 17.02.2023) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

Положениями Кодекса выделяется следующий признак нормативно-правового акта: наличие реквизитов — наименование, дата, время, источник опубликования нормы, и принявший орган власти.

Ссылаясь на работы отечественных правоведов, Постановление Государственной думы и Постановление Кодекса административного судопроизводства выводим наиболее полное определение нормативно-правового акта. Нормативный правовой акт — письменный официальный документ, принятый в определенной законом форме и процедуре компетентным органом, гражданами в порядке референдума, изменяющий, вводящий, либо прекращающий действие каких-либо норм права, а также обладающий необходимой формой предписания и реквизитами, обеспечивающихся принудительной силой со стороны государства. Изложенное определение помогает выделить главенствующие признаки:

- 1) Нормативность,
- 2) Наличие специальной процедуры;
- 3) Форма предписания;
- 4) Иерархичность;
- 5) Наличие реквизитов;
- 6) Гарантия поддержания акта принудительной силой.

Данный перечень является исчерпывающим и демонстрирует максимальную эффективность деятельность нормативных актов права. Их структурность, заключенная в строгой иерархичности, воспроизводит связь между всеми признаками, нарушение которых приводит к дестабилизации государственного аппарата и общества, обеспечение взаимосвязи способствует быстрому нахождению изъянов и в скором времени их ликвидации.

Как было сказано ранее нормативно-правовой акт занимает особое место среди иных источников права. Прежде всего, он является ведущим источником права в странах романо-германской правовой семьи, в том числе и в отечественной правовой системе, которая сложилась на фундаменте социалистической семьи.

Во-первых, тот факт, что государственные органы, которые их издают, обладают гораздо большими координационными характеристиками [2], чем все другие нормотворческие институты, выявляют и учитывают в праве не только групповые, классовые, индивидуальные, но и общие интересы. Во-вторых, в силу более традиционно конкретных формулировок, исторически сложившихся, установленных правил демонстрации содержания нормативного акта, он считается наилучшим способом формализации устоявшихся правовых норм.

В-третьих, тот факт, что нормативно правовой акт, исходя из своего содержания и структуры более ясен и формально определен, поэтому использовать его на практике по большей степени легче, чем другие формы источников права. Именно на нормативно-правовой акт, как отмечает ряд ученых правоведов, легко ссылаться при разрешении общественных споров, а также вносить в него поправки и в последствии осуществлять пристальный надзор за его исполнением.

Особенности нормативного акта, которые по совместительству являются его преимуществами как отдельного вида правового источника: нормативный акт, в силу сложившихся правил изложения, содержит наиболее конкретные, компактно пере-

дающие содержание формулировки правовых норм, которые исключают возможность противоречий и абстрактности толкования и обеспечивают строго определенное применение нормативного материала [3, с. 205]. Исходя из данной не менее важной особенности вытекает важнейший принцип представляющийся — формальной определенности закона на стадии его толкования уполномоченным органом.

— нормативные акты в своей совокупности образуют систему единого законодательства, каждый элемент которого, отдельно взятый нормативный акт, располагается на исключительно отведенном под него месте в иерархии нормативного материала, взаимодействует с другими юридическими документами и предназначен для применения в конкретных сферах общественной жизни субъектов. Нормативные акты обеспечиваются в соответствии с потребностями той или иной отрасли законодательства или затрагивают исключительно конкретные вопросы, пересекающиеся и схожие между собой общественные отношения, соответствующие определенной системе права. Это позволяет беспрепятственно реализовать предусмотренный в акте нормативный материал при необходимости, что существенно облегчает поиск необходимых нормативных требований и помогает избежать конфликтов.

– нормативно-правовые акты могут быть быстро приняты, изменены или отменены по мере необходимости. В итоге они лучше других правовых источников отвечают потребностям общественного развития, более соответствуют типу и уровню общественных отношений, чем другие источники. Эта особенность нормативных актов называется оперативностью и соответствует такому свойству права как динамизм.

– нормативно-правовые акты в своей совокупности воссоздают законодательную систему, в основании которой лежит единство форм выражения права в строгой иерархии. Абсолютно любой акт занимает специальное место сложной структуры правовой системы в зависимости от предмета своего регулирования, что в своей юридической природе подразумевает комплексную реализацию правовых установок правоприменительным органом. Нормативно-правовые акты издаются в соответствии с назревшими потребностями конкретной правовой отрасли, в области которой прослеживается пробел и неурегулированность. В свою очередь это во многом позволяет беспрепятственно пользоваться нормативным-правовым материалом по мере необходимости и потребности, облегчает поиск нужных предписаний по регламентации отношений, помогает бороться с пробелами и коллизиями в праве, возможных в отдельных нормативных предписаниях в силу низкого уровня правотворчества. Эти качества нормативно-правового акта соответствуют такому свойству права как системность [6, с. 55].

Нормативно-правовой акт закономерно занимает ключевое место в иерархии форм выражения норм права, в силу своего универсального и индивидуального характера действия. Принятие исключительно уполномоченными на то органами, уделение должного внимания социально групповым, классовым и конкретно-индивидуальным потребностям социума, выраженная в материально-письменной форме источника права — есть перечень особенностей данного правотворческого процесса, демонстрирующего качественный подход законодателя к форми-

рованию и принятию актов права. Формальная определённости, которой должны соответствовать нормативно-правовые акты, способствует эффективной регламентации регулирования обще-

ственных отношений, когда дело касается правоприменительной деятельности уполномоченного на это органа, касательно толкования положений юридического документа.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
2. Кожевников, В. В. К проблеме систематизации нормативно-правовых актов в Российской Федерации и о правилах ее юридической техники // Право и государство: теория и практика. – Право. – 2016. – № 4. – С. 12.
3. Лысенко, В. А. Особенности нормативно-правового акта как источника российского права / В. А. Лысенко, И. С. Крамской, Н. А. Рязанова/ Вестник экономики, права и социологии. Право. – 2015. – № 4. – С. 204–208.
4. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Эксмо, 2010. – 272 с.
5. Чернышов, С. В. Нормативность права и правовая норма: проблема соотношения понятий // Вестник южно-уральского государственного университета. право. – Право. – 2006. – № 13. – С. 191–192.
6. Шопина, О. В. Место и роль нормативного правового акта в системе правовых актов Российской Федерации // Вестник саратовской государственной академии права. – Право. – 2006. – № 1. – С. 53–59.

Правосознание и его понятие, структура, виды, особенности

Захария Олег Георгиевич, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Правосознание является неотъемлемой частью общества, это своеобразная система ценностей, выработанная личностью с ранних лет его окружением, семьёй, друзьями. Именно первичное окружение формирует базис, на который наслаивается система знаний о праве, динамика исторического и современного состояния соотношений прав и обязанностей.

В. Н. Протасов под термином «правосознание понимает совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей (классов, наций, народов) к действующему и желаемому праву, а также к праву прошлых эпох [8, с. 62]. Весьма короткое и сухое определение, выделяющие основные и самые значимые признаки.

Правосознание, исторически возникшая, неразрывная с правом форма значимого общественного мышления, что отличается способностью действовать на опережение, предугадывать события общественной жизни. Априори, правосознание проецирует законодательство через призму должного и отличается своеобразным способом изложения и реформирования социальных процессов [7, с. 322].

Переходя в структуру правосознания, важно отметить не составные элементы, а способ их взаимодействия и связи, подобный подход к изучению позволяет заполучить не только статику компонентов, но и динамику. К структуре традиционно предписывают: правовую идеологию и правовую психологию. Правовая идеология не просто компиляция взглядов, идей, теорий, убеждений к настоящему праву, доктринальное мнение признаёт правовую идеологию одним из способов толкования принципов и норм, служащим ликвидации пробелов в праве. Правовая психология определяет право с момента изъяснения правотворческой инициативы до момента применения, изъясляет чувственную оценку проявлений права [3].

Правовая идеология охватывает весь слой правотворчества и правоприменения, содержит идеи, концепции, оценку пер-

спектив развития права, цели и задачи принятия тех или иных правовых актов, основные правовые принципы, конкретное содержание правового регулирования. По сравнению с правовой психологией правовая идеология является более глубоким усвоением права, так как проникает в его сущность, природу, закономерности, определяет, каким должно быть совершенное право, с помощью каких средств, приемов, методов обеспечивается его эффективность. Правовая идеология и правовая психология тесно взаимодействуют друг с другом, составляя порознь только часть целого.

1. Правосознание состоит из трёх компонентов:

1. Отражение правовой действительности — способность сознания на определённом уровне выстраивать связь окружающих процессов с правовыми предписаниями, устанавливающими обязательную модель поведения [6, с. 606]. Правосознание является призмой, проводящую общественное бытие, через подпадающие праву отношения. Каждый человек обладает правосознанием, вне зависимости от того известно ему или нет, оно сопровождает повсюду, с осознанного возраста до смерти [1, с. 127]. Правосознание и право не тождественны, правосознание область эмпирического, духовной мысли, формирующее ценностные взгляды, что никак не материализуется, лишь остаётся в рамках сознания.

2. Познание правовой действительности. Главным в познании является мышление — наиболее обобщённая и опосредованная форма психического отражения, устанавливающая связи между изучаемыми объектами, результатом

которого является умозаключение. Познание активная деятельность индивида, вбирающая в себя диалектические свойства взаимосвязи, существующих предметов, объективная реальность может отличаться от представленной картины правового мира.

3. Отношение к правовой действительности. Восприятие на основании эмоционально-ценностной оценке правовой действительности, как правило свойственное обыденному уровню правосознания. Однако, нельзя сказать о праве как о сфере, исключаящей эмоции, концепция правопонимания Л. И. Петражицкого строится на идеи позитивного права — веления и запреты, обращённые подвластным праву лицам и интуитивного права — определяемым психологическим отношением к официальным нормам [5, с. 140].

II. Правосознание имеет следующие функции:

1. Аксиологическая, по-другому ценностная, при взаимодействии с окружающими событиями напрямую или опосредованно индивид воссоздаёт образ мысли, которым характеризует объект, в качестве которого могут выступать: правоприменительная и правосстановительная деятельность, правотворчество, даже собственное поведение и т.д. Оно может быть положительным, двойственным, отрицательным, либо (правовой нигилизм), безразличным (индифферентным).

2. Регулятивная, выступает как регулятор поступков и проведения юридически-значимых действий во благо индивида и общества? не только отображает право, оценивает правовую действительность, но и влияет на них, т.е. так или иначе управляет поведением определенного субъекта. Закон управомочивает судью объявлять решение на внутреннем убеждении, следовательно, правосознание выступает своеобразным посредником между правовыми предписаниями и поведением субъектов права. Рассматриваемая регулятивная функция «опирается» на позитивные ценностные ориентации, побуждающие индивидов к правомерному поведению, в противовес им, отрицательные отношения к правовой действительности, и проявляться в антиобщественном поведении людей.

3. Познавательная — процесс накопления знаний о правовой конъюнктуре, и дальнейшего их осмысления. Происходит поэтапно из возникших ощущений, накопления, воспроизведения и индивидуального, никому не свойственному выражению [4, с. 201]. В некотором смысле правосознание есть «правовая память» социального субъекта, базис знаний о праве, его действиях, других явлениях существующей действительности. Без наличия знаний, информации о праве — своеобразного исходного пункта, не может быть позитивно воспринята.

4. Прогностическая — разрабатывает обязательную модель поведения с упором на опыт прошлого. Направлена на предвидение того, каким образом нормы должны регулировать поведение, чтобы извлечь предельную выгоду из прав и обязанностей. Официально правосознание не входит в иерархию источников, но не редко предстаёт идейным началом создания или изменения норм [2, с. 326].

Как уже было ранее сказано, первичное окружение подготавливает в сознании ценностный аспект, не подкреплённый ни теорией, ни практикой в правовой сфере, такое познание носит

название обыденного. Обыденное правосознание, вбирающее в ядро пословицы, поговорки, мифы и другие культурные ценности, низший уровень отправная точка для профессионального и теоретического познания.

Профессиональное познание всё также зиждется на представлениях, идеях, убеждениях, традициях, стереотипах, правда уже, складывающихся в среде профессиональной деятельности (адвокатура, коллегия прокуратуры, судебная коллегия).

И самый высший уровень — теоретический, отличается глубокой осознанностью и структурированностью знаний.

III. Уровни правосознания могут коррелироваться по субъектам — носителям правосознания:

1. Индивидуальное — складывается у одного субъекта, в силу моральных, идейных, ценностных установок.

2. Групповое — представляет особенность, сложившихся социальных групп (молодёжь, педагоги, дети)

3. Общественное — социальный феномен зарождения и функционирования общественного образа правовых явлений. Общественное правосознание обличает человека безоговорочно в какие-либо идеи, здесь задействована параллель с конформизмом и инстинктом самосохранения личности.

Представитель исторической школы права Ф.К. Савиньи, первый использовавший понятие *Volksgeist* (Народный дух), выделил возрасты его развития:

1. Младенчество. На данном этапе право лишь формируется, общество пока не имеет представления об абстрактном законе, поэтому воспринимается как верование.

2. Юность. Право планомерно развивается, появляются дискуссии и труды первых юристов, нередко действовавших вместе с народом.

3. Зрелость. Усложняется экономическое, политическое, социальное и культурное правовое регулирование из-за загромождения системы количеством норм, требующих систематизации. Юриспруденция ограничивается и становится замкнутой касты.

4. Старость. Право более не развивается, находится в положении статики, живя за счёт старых норм. Народный дух на данном этапе отмирает, взамен него появляется новый с новой правовой системой.

Проведя логическую цепочку, можно увидеть зависимость от смены этапов, на каждом этапе присутствует своё неповторимое правосознание. Как и сама история теория Ф. К. Савиньи носит циклический характер, идея применима к любому обществу с наличием права [9, с. 67].

Взаимодействие права и правосознания носит сложный характер. Сложившиеся правовые нормы, а также практика их применения влияют на формирование того или иного отношения к действующему праву. В свою очередь, тот или иной уровень правосознания сказывается на характере правотворческой и правоприменительной деятельности. Правовые идеи, взгляды, представления являются непосредственными источниками права и двигателями правотворческой деятельности в любом обществе. Принимая новый нормативный правовой акт, законодатель должен не только опираться на собственное правосознание, но и учитывать представления населения о должном, законе, справедливости.

Литература:

1. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин Собр. соч.: в 2 т. М., 1993. — Т. 1. — 234 с.
2. Королева, А. И. Теория государства и права. / Под ред. А. И. Королева. СПб.: Юрист, 2007. — 400 с.
3. Кученев, А. В. Современное понимание и структура правосознания. Вестник Московского университета МВД России. Право. 2017. С. 22–25.
4. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права / М. Н. Марченко. — М., 2003. — 784 с.
5. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / проф. Л. И. Петражицкий. — Санкт-Петербург: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907-. Т. 2. — 1907. — С. 310–656.
6. Пиголкин, А. С. Теория государства и права: учебник / под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Юрайт-Издат, 2006. — 613 с.
7. Протасов, В. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В. Н. Протасов. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 495 с.
8. Протасов, В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. — М.: Новый Юрист, 1999. — 240 с.
9. Савиных, Ф. К. фон. Система современного римского права Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М.: Статут, 2011. — 510 с.

Действие частного и публичного права в Российской государственности

Захария Олег Георгиевич, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Лучшее понимание о изучаемом вопросе позволит рассмотрение функционирования и структуры частного и публичного права в обыденном для нас государстве, с известным для нас административно-территориальным устройством, политическим режимом и знакомой формой правления.

Зарождение частного права в России имеет интересную специфику, сложно найти исторические предпосылки к дуализму, профессор Г. Ф. Шершеневич, писал, что в России не было причины к обособлению торгового права, в древней России не было деления на сословия, в следствии чего противоборствующие стороны отстаивали бы свои интересы. Единство гражданского общества долгое время было догмой русского государства.

Первые годы Советской власти ознаменовались нивелированием частных интересов государственными. Был установлен контроль на все экономические отношения. Последствием стало отрицание всего частного, личной неприкосновенности, отказ от принципа в пользу личных интересов государственной власти. Наиболее ярко характер того времени описывает речь Ленина: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный... Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры...» [1, с. 398].

Позже, термин «частное право» всеми силами пытались изъять из оборота. Номинально частное право собственности допускало доступ лишь к предметам потребления [2, с. 121]. Тем не менее юристы совершали попытки классифицировать советское право на частное и публичное, под страхом репрессий правоведам пришлось на долгое время закрыть этот вопрос [3, с. 43].

Возвращаясь к нашему времени, следует подметить специфику отраслевого деления права в современном Российском государстве.

Гражданский кодекс наилучший пример отражения влияния частного права, вернее первая и вторая части. И это вовсе не удивительно, так как существование гражданского права основывается на системе децентрализованных диспозитивных

решений, содержит объединённое представление о структуре и функциях частного права с публичным. Лицо имеет право беспрепятственно присваивать и отчуждать собственность на основе любого из указанных договоров в законодательстве, заключать договор в зависимости от цели. Отношения собственности необходимы для товарообмена, зарождающегося в период формирования рыночного хозяйства, что невозможного без частной собственности [4, с. 502].

Подсистема самый крупный и значительный элемент в системе по методологическому и структурному статусу. Выделение из подсистемы права её отраслей, затем, вытекающие из отраслей подотрасли и институты лучше позволит понять систему частного и публичного права в России.

Итак, **отрасль права** — это весь массив норм, регулирующих какую-либо сферу. Отрасли права делаются по регулируемым отношениям в обществе. Всем известное деление отраслей права происходит на частное и публичное, однако это не сами отрасли, а сферы, в которых расположены отрасли права. Отрасли разграничиваются по предмету и методу регулирования: императивный, присущий публичным отношениям (вертикальная система) и диспозитивный метод (горизонтальная система).

Частное или гражданское право действует по диспозитивному методу, в нормах права указаны возможные модели поведения, субъекты находятся на равном положении между собой, допуская автономное правовое регулирование, то есть дого-

воры, способствующие изменению прав и обязанностей. Гражданское, предпринимательское, семейное, земельное, международно-правовое, природоресурсное право составляет комплекс частного права [5, с. 93].

Конституционное, административное, процессуальное, уголовное находится под сферой **публичного права**. Преобладают императивные нормы, требующие строго выполнения предписаний закона.

Отраслевой институт трактуется как группа норм, элементы, которой предметно и функционально связаны и осуществляют регулирование отношений общественности. При создании институтов предпочтительно учитывается объективный фактор, а именно изменения и корректировки, происходящие в общественных отношениях [6, с. 95]. Отраслевые институты образуют связующее звено между нормативными актами, отраслями права и общественностью.

Вся система законодательства между собой взаимосвязана, поскольку нельзя задействовать одну правовую норму, не задейвав другую. Аналогичная система функционирует с отраслевыми институтами, ни один институт частной отрасли не функционирует обособленно от публичной, соответственно и публичная отрасль на прямую не отделена от частной. Следствием этого стало образование **межотраслевых институтов**: уголовно-правовой комплекс зародился, воссоединив с себе уголовно-процессуальное, исправительно-правовое и уголовное право [7, с. 94].

К институтам частного права относят: право собственности, обязательственное, наследственное, и авторское

Право собственности — установление над вещами хозяйственного господства, позволяющее собственнику самостоятельно определять характер пользования.

Обязательственное право — комплексное правоотношение, то есть обязательство характеризуется наличием нескольких правомочий и обязанностей как на стороне кредитора, так и на стороне должника [8, с. 117].

Наследственное право — переход имущества, основанного на праве собственности, от умершего (наследодателя) к другим лицам (наследникам).

Авторское право — результаты такой интеллектуальной деятельности как произведение.

К институтам публичного права определяют: уголовное право, административное, финансовое, конституционное, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, экологическое.

Уголовное право — охрана и проведение превентивных мер от преступлений в сфере собственности, окружающей среды, общественного порядка и безопасности, конституционного строя.

Административное право — право регулирования государственного устройства, системы суда и органов местного самоуправления, правоприменительного, правотворческого процесса, международных отношений. В некотором смысле, право публично-правового регулирования [9, с. 51].

Финансовое право — регулирует общественные в сфере образования, распределения и использования благ в преобладающей степени централизованных начал с жёсткой регламентацией деятельности, но с придатком децентрализации и свободы определения поведения.

Конституционное право — система общеобязательных правил поведения, установленных или санкционированных государством, в качестве предмета правового регулирования имеющих отношения, подвергающиеся правовому регулированию.

Задачи уголовного и гражданского процессуальных прав регулировании процесса деятельности участников соответствующих институтов.

Экологическое право — объектом выступает окружающая среда, в которой и происходит регулирование взаимодействия общества и природы.

Остаётся не затронутым важный элемент отраслевого деления права — **функции частного и публичного права** в Российском государстве.

Частноправовые функции направлены на распределение материальных благ и тем самым на закрепление ресурсов за конкретными субъектами. В отличие от публичного права тут не найти центрального органа, обладающего всеобъемлющим списком полномочий, каждый человек в частном праве обладает автономией воли. Область, имеющая приоритетом частный интерес пользуется особым инструментом — саморегулированием и организацией личной жизни [10, с. 17]. Несомненно государство контролирует эту сферу, для этого декларируются разрешённые действия для граждан и управомоченных органов, в случае нарушения которых предусматривается метод государственно принуждения. Договор в частном праве выступает индивидуальной нормой, может заключаться между субъектами права самостоятельно, предписываться государством специализированному органу, условия договора действуют на заключившие их стороны и не распространяется на остальных. А. П. Сергеев обозначал договор — ядром системы частного права, инструментом, благодаря, которому саморегуляция остаётся допустимой. Договор предмет доказательства автономии и свободоизъявления частных правоотношений.

В осуществление **публично-правовых функций** государства вовлекаются не только государственные органы, но и общественные институты, в силу закона принимающие определённые обязанности [11, с. 123–127]. Базовая функция — регулирование общественных отношений. Подробнее можно разобрать на примере главы государства в соответствии с Конституцией Российской Федерации: президент Российской Федерации является гарантом прав и свобод человека, выступает координатором действий судебных органов, по обеспечению конституционных прав граждан, выступает органом государственной власти в процессе рассмотрения судебного дела. Это неисчерпывающее доказательство, таким образом, анализируя часть полномочий можно увидеть широту возможностей публичного права по сравнению с частным правом.

Литература:

1. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. полн. собр. соч. Т. 44. — С. 398.

2. Абрамов, Г.Я. Место гражданского права в подсистеме частного права // Новая наука: теоретический и практический взгляд.— Государство и право.— Юридические науки.— 2017.— № 2.— С. 118–125.
3. Иванова, С. А. Частное и публичное право: вопрос классификации // Правозащитник.— Государство и право.— Юридические науки.— 2013.— № 1.— С. 152–161.
4. Суханов, Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I / Отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010.— С. 958.
5. Рудь, И. Д. Частное и публичное право в современной России // Образовательная система: новации в сфере современного научного знания.— Государство и право.— Юридические науки.— 2019.— С. 91–95.
6. Малый, А. Ф. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования / А. Ф. Малый, С. О. Логунова // Образование и право.— Государство и право.— Юридические науки.— 2021.— № 2.— С. 91–96.
7. Денисова, А. В. Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право.— Право.— 2011.— № 1.— С. 94–98.
8. Толстой В. С. Исполнение обязательств.— Москва: Юрид. лит., 1973.— 207 с.
9. Россинский, Б. В. Административное право: учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 5-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.— 567с.
10. Максименко, с. Т. К вопросу о функции частного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии.— Право.— 2013.— № 5.— С. 16–19.
11. Миронов, А. Л. Публично-правовые функции государства // Вестник Московского университета МВД России.— Право.— 2010.— № 8.— С. 123–127

Проблемы правового регулирования компенсаций затрат дистанционных работников

Истомина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрены пробелы правового регулирования компенсаций затрат дистанционных работников. Сделан вывод о том, что трудовое законодательство недостаточно регулирует вопросы организации труда дистанционных работников в части установления видов расходов, подлежащих компенсации. Предложены изменения в трудовое законодательство: ст. 312.6 ТК РФ предусмотреть минимальный перечень расходов, который должен всегда компенсироваться дистанционным работникам.

Ключевые слова: дистанционная работа, компенсация расходов, организация труда, пандемия, трудовой договор.

Трудовое законодательство изменилось из-за пандемии. В главу 49.1 Трудового кодекса России (далее — ТК РФ), регулирующую труд дистанционных работников, в 2020 г. были внесены многочисленные изменения [2]. Дистанционные работники были наделены новыми правами, которые ранее предусматривались в трудовых договорах либо локальных актах работодателя, но из-за отсутствия в ТК РФ не всегда предоставлялись работникам.

Важным изменением стало появление ст. 312.6 ТК РФ. Согласно ч. 1, дистанционный работник должен обеспечиваться работодателем оборудованием и средствами, чтобы выполнять работу [1].

Наряду с этим дистанционные работники получили право использовать своё оборудование для удалённой работы с согласия работодателя. Согласно ч. 2 ст. 312.6 ТК РФ, работодатель выплачивает дистанционному работнику компенсацию за использование принадлежащих ему (или арендованных им) оборудования и иных средств, и возмещает расходы, связанные с их использованием.

Приведённые нормы явно направлены на улучшение положения дистанционных работников, которые были вынуждены во время пандемии использовать своё оборудование.

До обозначенных изменений дистанционные работники нередко увольнялись, потому что работодатель не предоставлял

им оборудования для работы и не компенсировал затраты на него. В случае судебного спора суды занимали позицию работодателя, если в трудовом договоре не был урегулирован вопрос об организации труда дистанционных работников.

Например, по одному из споров судом было установлено, что Ш. работала менеджером по продажам. Во время пандемии она стала работать удалённо. Ш. не выполнила одно из поручений начальника, и получила выговор. Ш. не согласилась с этим, так как ей не предоставили оборудование для выполнения работы. Суд отказал Ш. в иске, так как в трудовом договоре не было предусмотрено обязанности работодателя предоставлять работнику оборудование [4].

По другому спору А. был уволен во время пандемии, потому что не смог реализовать рабочий проект. Он оспорил увольнение, указав на то, что работодатель не обеспечил его необходимым для дистанционной работы оборудованием. А. сам арендовал помещение, использовал своё оборудование, покупал канцтовары, оплачивал связь и электроэнергию. Суд отказал А. в иске по причине отсутствия в трудовом договоре обязанности работодателя компенсировать работнику затраты на оборудование [5].

Однако, несмотря на законодательные изменения, ст. 312.6 ТК РФ в текущей редакции не позволяет эффективно регулиро-

вать отношения между работодателями и дистанционными работниками по поводу компенсации затрат последних.

Многие исследователи обращают внимание на недостатки исследуемой нормы. Так, Д.Д. Хромова отмечает, что она «не вносит особой ясности касательно перечня подлежащих компенсации средств» [7].

С этим следует согласиться. Анализ ст. 312.6 и других норм в гл. 49.1 ТК РФ нет ответа на вопрос о том, какие именно виды расходов должны компенсироваться дистанционному работнику. Вместо этого вопрос о расходах должен регулироваться сторонами трудовых отношений самостоятельно.

Частично ответ на данный вопрос был дан Федеральной налоговой службой России, которая в своём письме указала следующее: стороны трудовых отношений должны сперва определить, какие оборудование и какие программы используются работником; без каких расходов невозможно нормальное выполнение трудовой функции; исходить из других обстоятельств, имеющих значение для сторон трудовых отношений [3].

Следовательно, текущий законодательный подход при регулировании вопроса о компенсации затрат дистанционных работников заключается в том, что стороны трудовых отношений должны сами разрешить связанные с такими затратами вопросы. Главный критерий — расходы должны быть необходимы для выполнения работы. С одной стороны, подобный подход видится не совсем правильным, потому что ставит дистанционного работника в менее выгодное положение, ведь у него мало возможностей повлиять на содержание трудового договора и тем более локальных актов работодателя.

С другой стороны, следует согласиться с исследователями, по мнению которых на законодательном уровне невозможно

предусмотреть все виды расходов, которые должны возмещаться дистанционному работнику. По мнению Ю.А. Лютаревич-Гефтер, «исчерпывающего перечня средств, которые дистанционный работник использует для осуществления трудовой функции, нет и быть не может» [6].

Учитывая вышесказанное, предлагается отразить в трудовом законодательстве (в ст. 312.6 ТК РФ) минимальный перечень расходов, компенсируемых дистанционному работнику. К ним могут быть отнесены следующие виды расходов: на электроэнергию и связь; на амортизацию компьютера или ноутбука; на покупку программного обеспечения; на амортизацию рабочего места (например, стула или другой офисной мебели). При этом правило о том, что компенсируются только расходы, необходимые для выполнения дистанционным работником трудовой функции, тоже должно распространяться на предложенные виды затрат.

Таким образом, правовое регулирование компенсаций затрат дистанционных работников является важным достижением трудового законодательства, особенно в период пандемии. Тем не менее, законодательство нуждается в улучшении: чтобы минимизировать вероятность споров о том, какие виды расходов должны компенсироваться, предлагается указать в ст. 312.6 ТК РФ минимальный перечень расходов, который должен в любом случае компенсироваться дистанционным работникам. Соответственно, в отношении иных, нетипичных расходов предлагается сохранить подход, где стороны трудовых отношений должны урегулировать вопрос о них самостоятельно.

За помощь в подготовке научной статьи благодарю научного руководителя — доцента, кандидата юридических наук Зайцеву Ларису Владимировну.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: в ред. от 19 декабря 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части регулирования дистанционной (удалённой) работы и временного перевода работника на дистанционную (удалённую) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: федер. закон от 8 декабря 2020 г. 407-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8052.
3. О налогообложении компенсационных выплат дистанционным работникам: Письмо ФНС от 12 февраля 2021 г. № СД-4-11/1705@ [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400224204/> (дата обращения: 12.05.2023).
4. Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 14 января 2020 г. по делу № 2-11240/2019 [Электронный ресурс] // «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/B6Jk0uM-LSXdF/> (дата обращения: 14.05.2023).
5. Решение Центрального районного суда г. Тулы Тульской области от 3 декабря 2021 г. по делу № 2-2743/2021 [Электронный ресурс] // «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/GU2IS8Y24nbC/> (дата обращения: 14.05.2023).
6. Лютаревич-Гефтер Ю. А. Новые проблемы правового регулирования дистанционной работы и пути их преодоления // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 3. С. 66–72.
7. Хромова Д. Д. Особенности правового регулирования труда дистанционных работников в России: обзор изменений в трудовом законодательстве и основные проблемы // Вектор экономики. 2021. № 6 (60). URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2021/6/laboureconomics/Khromova.pdf> (дата обращения: 13.05.2023).

Реформирование института крупных сделок и сделок с заинтересованностью

Кожевников Виталий Владимирович, студент магистратуры
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 66 признает хозяйственными обществами корпоративные коммерческие организации с разделенным на доли (вклады) учредителей (участников) уставным (складочным) капиталом. В настоящее время существует два вида хозяйственных обществ: общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества. При осуществлении хозяйственного оборота хозяйственные общества заключают различные виды сделок.

Становление развития института крупных сделок в России начался в начале 90-х годов и обусловлен принятием в 1992 году указа Президента РФ № 7214. С 1992 года исключительной компетенцией собрания акционеров стало принятие решения о продаже, сдаче имущества в аренду, залог, иное отчуждение имущества, если стоимость предмета договора более 10% всех активов общества. Непосредственно институт крупных сделок появился в России в 1995 году, с принятием ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», а затем и Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в которых закреплялись положения, регулирующие крупные сделки.

В 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 04.11.2019 № 356-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Федерального закона «Об акционерных обществах» и статью 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», касающийся порядка согласования сделок, в совершении которых имеется заинтересованность.

Новеллы корпоративной реформы коснулись не только понятийного аппарата: крупная сделка, сделка с заинтересованностью, но и существенно изменили подход законодателя к регулированию этих категорий сделок, в частности, установлен порядок для определения стоимости крупной сделки, аффилированность заменена понятием контролирующего лица, исключен критерий убыточности для признания сделки недействительной, одобрение сделки заменено на извещение о заключении сделки.

На наш взгляд, основной целью реформирования указанных видов сделок является предотвращение несанкционированного вывода активов хозяйствующим субъектом в ущерб интересов участников корпоративных отношений.

Следует сказать, что несмотря на все попытки законодателя соблюсти разумный баланс интересов участников хозяйственной деятельности, некоторые проблемы и в настоящее время остались нерешенными, поскольку именно практическая реализация установленных норм, позволяет выявить возникающие пробелы и разночтения.

Квалификация сделки в качестве крупной до реформирования и после кардинально отличается.

Особенности правовой регламентации крупных сделок, заключаемых юридическими лицами, позволяют выделить 2 критерия разграничения крупных сделок, совершаемых:

- 1) хозяйственными обществами;
- 2) остальными юридическими лицами.

Первый критерий — определение крупности сделки, выраженной в процентном соотношении при отчуждении и/или приобретении имущества к активам организации, так и фиксированный размер (для государственных и муниципальных предприятий).

Следующий критерий — балансовая стоимость активов общества, определяемая на основании данных их бухгалтерской (финансовой) отчетности за последний отчетный период. Имущественная база для государственных и муниципальных предприятий — уставной фонд.

Несмотря на то, что законодатель определяет общую цель правового регулирования крупных сделок, тем не менее существуют различия в критериях крупной сделки в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица.

Исходя из определения крупной сделки, можно выделить существенные признаки, отграничивающие крупные сделки от иных гражданско-правовых сделок:

- 1) выход за пределы обычной хозяйственной деятельности,
- 2) цена отчуждения или балансовая стоимость имущества, являющегося предметом сделки, превышает 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества в соответствии с данными бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату;
- 3) связана с приобретением и/или отчуждением имущества юридического лица;
- 4) может предусматривать обязанность общества передать имущество во временное владение и (или) пользование либо предоставить третьему лицу право использования результата интеллектуальной деятельности или приравненного к нему средства индивидуализации на основании лицензии.

В действующем законодательстве определены лишь некоторые виды крупных сделок, совершаемых юридическими лицами: заем, кредит, залог, поручительство, приобретение долей/акций либо ценных бумаг.

Практика заключения крупных сделок позволяет отнести к их числу договоры о прощении долга, уступки права требования, о переводе долга, внесении вклада в уставный капитал другого хозяйственного общества и другие.

На наш взгляд, указанные в законодательстве критерии не представляются достаточно четкими, в связи с чем Постановление Пленума ВС РФ № 27 в п. 9 даёт расширенную трактовку, указывающую на критерии необходимые для отнесения сделки к категории крупной, в частности, отмечается, что «для квалификации сделки как крупной необходимо одновременное наличие у сделки на момент ее совершения двух признаков количественного (стоимостного) и качественного (выход за пределы обычности)».

Согласно п. 4 ст. 78 Закона № 208-ФЗ под сделками, не выходящими за пределы обычной хозяйственной деятельности,

понимаются любые сделки, заключаемые при осуществлении деятельности соответствующим обществом либо иными организациями, осуществляющими аналогичные виды деятельности, независимо от того, совершались ли такие сделки данным обществом ранее, если такие сделки не приводят к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов. Данное обстоятельство не могло не сказаться на разрешении возникающих споров.

Тем не менее, при рассмотрении критерия выхода за пределы обычной хозяйственной деятельности общества у нас возникает целый ряд вопросов.

Как показал анализ действующего законодательства, для отнесения сделки к крупной по качественному признаку необходимо доказать факт существенных изменений масштабов деятельности, в связи с чем возникает вопрос, насколько сильно должен смениться курс хозяйственного общества, для отнесения изменения к категории существенных? Какие критерии могут стать оценочными при измерении изменения деятельности общества?

К сожалению, текущая редакция законодательства ответов на данные вопросы не дает. Представляется, что при рассмотрении каждого конкретного случая суд будет учитывать различные оценочные критерии, определяющие изменение масштаба деятельности общества, а также доводов, представленных сторонами в судебном заседании.

К оценочным критериям можно отнести территориальный, финансовый, а также критерий изменения фактических объемов производства.

Положения Постановления вызывает некоторые вопросы относительно редактирования базовых условий уже одобренной сделки. Согласно этому Постановлению, любые изменения в базовых условиях сделки будут рассматриваться как отдельная сделка, требующая отдельного одобрения. Однако, не совсем понятно, что именно подразумевает Верховный суд под этими положениями. В связи с этим возникают разногласия в практике применения. Некоторые считают, что для любых изменений в базовых условиях сделки необходимо получить отдельное одобрение, в то время как другие считают, что такое одобрение требуется только в определенных случаях.

Таким образом, на практике возникают сложности в определении, когда именно требуется отдельное одобрение для изменения базовых условий уже одобренной сделки.

Согласно мнению некоторых юристов, использование указанного положения следует рассматривать только в случаях, когда условия сделки являются самостоятельными и оторваны от основной сделки, а также удовлетворяют критерию существенности. К сожалению, вопросы, имеющие важное значение, остались без ответа в положениях Пленума. В настоящее время хозяйственные общества, совершающие сделки, сталкиваются с наибольшими проблемами в данной ситуации, поскольку их деятельность может быть подорвана из-за отсутствия четких критериев для определения сделки как крупной. Например, действующее законодательство не предусматривает возможности отнесения к крупной сделке таких сделок, как вывод и продажа ликвидного актива общества. Однако на практике возникают ситуации, когда недобросовестные участники общества выводят

и продают ликвидные активы компании, составляющие менее 25% от общей балансовой стоимости активов. Это приводит к снижению оборотов общества, возникновению признаков неплатежеспособности и, в конечном итоге, к его банкротству. Таким образом, необходимо разработать более четкие критерии для определения сделок как крупных, чтобы предотвратить подобные негативные последствия для хозяйственных обществ.

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность от 03.07.2016 № 343-ФЗ изменил и конструкцию сделок с заинтересованностью. Согласно п. 1 ст. 83 Закона об АО и п. 4 ст. 45 Закона об ООО «сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, не требует обязательного предварительного согласия на ее совершение». Такое согласие необходимо, только если с соответствующим требованием обратились лица, уполномоченные на это законами об АО и ООО. Законы об АО и ООО не предусматривают обязательного согласия высшего органа управления общества на совершение исполнительным органом сделки с заинтересованностью, к таким сделкам правила ст. 173.1 ГК РФ не применяются. Однако теперь в абз. 2 п. 1 ст. 84 Закона об АО и в абз. 2 п. 6 ст. 45 Закона об ООО содержатся прямые отсылки к п. 2 ст. 174 ГК РФ, по существу, прямо указывающие на то, что институт недействительности сделки с заинтересованностью является частным случаем предусмотренного этой нормой ГК РФ института недействительности сделки, совершенной представителем или действующим от имени юридического лица без доверенности органом юридического лица в ущерб интересам представляемого или интересам юридического лица.

В сделках с заинтересованностью присутствует конфликт интересов, поэтому вместо «получения согласия» надо применять «Особый порядок информирования о сделке с заинтересованностью».

Если сделка классифицируется одновременно как: крупная и с заинтересованностью, то для нее действуют требования, применяемые как к крупным сделкам и как к сделкам с заинтересованностью.

Поскольку несколько связанных сделок входят в категорию крупных, необходимо установить взаимосвязь между сделками (срок, в течение которого заключены; общая экономическая цель; переданные в рамках этих сделок активы находятся у одного лица).

Вместо термина «аффилированные лица» в сделках с заинтересованностью стало употребляться понятие «контролирующее лицо». Сделка считается сделкой с заинтересованностью, когда установлено подтверждение того, что контрагентами в этой сделке выступают: физические лица, а также их родственники (дети, родители, супруги, полнородные и неполнородные братья и сестры, а также усыновители и усыновленные); юридические лица (которые являются заинтересованными, а также юридические лица, под контролем которых находится контрагент, или лица, находящиеся в родственной связи с заинтересованным лицом или лицом, занимающее должность в органах управления самого юридического лица или в органах

управления такого юридического лица). Ранее заинтересованными лицами считались акционер, либо участник, общества, имеющий совместно с его аффилированными лицами двадцать и более процентов голосующих акций общества или голосов от общего числа голосов участников общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) часть 1 от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об акционерных обществах»
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью»

Проведенное исследование иллюстрирует необходимость дальнейшего усовершенствования законодательной базы РФ в области крупных сделок и сделок с заинтересованностью, что, по нашему мнению, найдет эффективное применение в деятельности хозяйственных обществ.

Понятие и признаки налогового правонарушения

Колесников Андрей Андреевич, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Статья посвящена налогам, налоговым правонарушениям. Актуальность работы обусловлена тем, что налоги — это неотъемлемая часть жизни каждого человека. Каждый гражданин России платит налоги тем или иным образом, но далеко не каждый знает, какая мера ответственности за нарушения норм налогообложения и что считается налоговым правонарушением.

Ключевые слова: налоговое правонарушение, налог, налоговое преступление

Институт ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является разновидностью юридической ответственности, имеет своё основание и обладает своими отличительными признаками. Так, основанием для наступления юридической ответственности является наличие правонарушения.

Само понятие «налогового правонарушения» закреплено в 106 статье Налогового Кодекса, где говорится, что «налоговым правонарушением признаётся виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность».

Понятие налогового правонарушения распространяет своё действие на Раздел VI НК РФ под названием «Налоговые правонарушения и ответственность за их совершение», а также на главы 15, 16 и 18 Налогового кодекса. Налоговое правонарушение следует понимать как один из видов правонарушения финансового.

А. В. Брызгалин в своих работах придерживался мнения, что, в связи с тем, что определение термина «налоговое правонарушение» уже дано в приведённой выше статье Налогового Кодекса, целесообразно говорить о соотношении данного понятия с понятием «нарушение законодательства о налогах и сборах» как о соотношении частного и общего. Обоснование данной позиции заключается в том, что не каждое нарушение законодательства о налогах и сборах будет являться налоговым правонарушением, в то время как каждое налоговое правонарушение, наоборот является нарушением законодательства о налогах и сборах.

В качестве основных признаков налогового правонарушения можно выделить следующее. Во-первых, это действие или бездействие, совершенное дееспособным лицом.

Во-вторых, это общественно-опасные последствия и противоправность совершенного действия или бездействия, хотя, вопрос об общественно-опасных последствиях налоговых правонарушений вызывает немало споров. Некоторые юристы уверены, что данный признак характерен скорее только для налоговых преступлений [2], о которых уже было упомянуто выше, некоторые авторы, например Липинский и Мусаткина, утверждают, что налоговые правонарушения также несут общественную опасность [4].

Часть авторов придерживается мнения, что вместо понятия «общественная опасность» целесообразнее использовать понятие «вредоносность», аргументируя это некоторыми историческими особенностями развития российской (ранее — советской) системы налогообложения.

В-третьих — наказуемость и наличие санкций, в случае доказанной виновности лица, совершившего налоговое правонарушение, поскольку форма вины содержится в нормах, определяющих состав правонарушений. Немаловажно также разграничивать понятие налогового правонарушения с налоговым преступлением.

Второе применимо скорее там, где речь идет о каких-то фиктивных сделках, финансовых махинациях, хищении бюджетных средств (например, путем необоснованного возмещения НДС, борьбу с которым постоянно усиливают), о сокрытии имущества от принудительного взыскания недоимки, и об иных мошеннических действиях.

То есть, данные понятия лишены тождественности в силу разной степени общественной опасности, так как за налоговое правонарушение в качестве санкции выступает штраф, пеня и иные меры ответственности в форме принудительного взыскания недоимок по налогам. А вот за налоговое преступ-

ление уголовным кодексом предусмотрены различные виды уголовных наказаний, в том числе и лишение свободы. Ответственность за налоговые преступления устанавливается Уголовным кодексом РФ, в то время как ответственность за налоговое правонарушение, исходя из п. 2 ст. 1 Налогового кодекса, устанавливается исключительно Налоговым Кодексом. Хотя, здесь стоит отметить наличие в Кодексе об административных правонарушениях главы 15, которая также регулирует правонарушения в отношении финансов, налогов и сборов. (Так, в положениях главы в качестве правонарушений выделяют нарушения сроков при постановке на учёт в НО, нарушение порядка при открытии счета налогоплательщика, нарушения при предоставлении или сообщении сведений, необходимых для проведения Налогового контроля и другие).

Таким образом, автор приходит к выводу, что налоговое преступление в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации раскрывается как противоправное деяние, совершенное в налоговой сфере, преступный характер которого признается действующим уголовным законодательством Российской Федерации.

Налоговое правонарушение содержит те же элементы, что и налоговое преступление. Следовательно, само преступление

невозможно без налогового правонарушения. Это также становится налоговым преступлением, когда наступают общественно опасные последствия.

Для определения степени общественной опасности правонарушения и отличия правонарушения от преступления используется критерий наличия или отсутствия тяжких последствий, одним из которых, например, является размер имущественного вреда. УК РФ для обозначения размера причиненного вреда используются такие критерии, как крупный и особо крупный.

Налоговые правонарушения и налоговые преступления имеют свои характерные черты с точки зрения субъектов, субъективной стороны и ответственности. С одной стороны, субъектом налоговых преступлений могут быть только физические лица, причем субъектом налоговых правонарушений могут быть как физические, так и юридические лица.

Форма совершения налоговых правонарушений может выражаться в умысле или халатности. Что касается налоговых преступлений, то форма вины может быть либо в халатности, либо при наличии прямого умысла с целью полной или частичной неуплаты налогов.

Литература:

1. Барковская, Н. Д. Основные аспекты современной финансовой политики в Российской Федерации / Н. Д. Барковская, И. Ю. Шахова // Актуальные вопросы развития современного общества: Сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 21–22 апреля 2022 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — С. 68–71.
2. Вальтер, А. В. Налоговые преступления — характеристика и способы противодействия / А. В. Вальтер // аграрное и земельное право, 2019. — № 5 (173). — С. 143–150.
3. Зарипов, Р. Р., Савельев, И. И. К вопросу о характеристике налоговых правонарушений // Р. Р. Зарипов, И. И. Савельев, 2018. — № 10. — С. 137–139.
4. Липинский, Д. А., Мусаткина, А. А. Налоговое правонарушение: понятие и классификация / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // Налоги и налогообложение, 2017. — № 3. — С. 39–53.
5. Потехин, А. А. Понятие, сущность, правовая природа налоговой ответственности / А. А. Потехин, В. В. Сафронов // EurasiaScience: Сборник статей XV международной научно-практической конференции, часть III, Москва, 31 мая 2018 года / Научно-издательский центр «Актуальность.РФ». — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Актуальность.РФ», 2018. — С. 13–16.

Договоры и соглашения в семейном праве: разграничение понятий

Лутфуллина Карина Насимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Низамиева Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Работа посвящена установлению понятия и сущностных особенностей договоров в семейном праве, а также установлению дифференциации таких правовых регуляторов, как договоры и соглашения. Рассмотрены основные концепции понимания сущности договора и соглашения в семейном праве, специфика их правовой природы. Кроме того, были рассмотрены виды и типы соответствующих договоров и соглашений, особенности их содержания, а также юридические процедуры их заключения, исполнения, изменения и расторжения.

Ключевые слова: договоры, соглашения, семейно-правовые отношения, правовые регуляторы, сущность и виды семейных договоров и соглашений, правовые средства гражданско-правового характера.

Специфика семейно-правовых отношений, с одной стороны, предопределяет использование специальных правовых

инструментов обеспечения интересов субъектов, с другой стороны, в семейном праве могут присутствовать средства гра-

жданско-правовой принадлежности, направленные на достижение определенных целей. Эти гражданско-правовые средства в сфере семейных правоотношений наполняются новым содержанием и трансформируются применительно к характеру взаимосвязи субъектов.

В качестве одного из классических правовых средств гражданско-правового характера выступает договор.

С. Ю. Филиппова в русле инструментальной концепции гражданского права обосновывает, что договор является одним из основных правовых средств достижения частноправовых целей субъектов [1, с. 54]. В семейно-правовых отношениях договоры и соглашения выполняют роль специальных правовых регуляторов [2, с. 190], реализующих определенные функции для достижения целей субъектов.

О. Н. Низамиева подчеркивает инструментальную сущность договоров и соглашений в области индивидуально-правового регулирования семейных отношений [3].

Для понимания сущности и особенностей договоров и соглашений, применяемых в семейном праве, обратимся к пониманию договора. Стоит отметить, что договор представляет собой, прежде всего, гражданско-правовую конструкцию [4], сформированную в системе гражданского права и ввиду этого представляется необходимым раскрыть ключевые подходы к договору, заложенные именно в цивилистической науке.

Одна из первых концепций договора подразумевает понимание договора как соглашения. Еще Г. Ф. Шершеневич писал, что соглашение предполагает существование в известный момент времени согласованной воли нескольких лиц, а согласие это должно заключаться именно в соответствии, а не в однородности содержания их воли [5, с. 16]. О. А. Красавчиков, подчеркивал, что договор — это всегда соглашение двух или более лиц [6, с. 182]. О. С. Иоффе говорил о триединстве понимания договора: «соглашение сторон», «обязательство», «документ, фиксирующий юридический факт возникновения обязательства» [7, с. 26]. В сущности, такое многоаспектное понимание договора лежит в основе современной договорной доктрины гражданского права [см.: 8; 9, с. 428; 10; 11, с. 98].

Концепция понимания договора как соглашения была положена в основу нормативной дефиниции договора, закрепленной в ч. 1 ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [12]. В соответствии с данной нормой, договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [6, с. 182].

Что же касается семейного права, то в нем термин «соглашение» употребляется наравне с термином «договор». Но при этом стоит заметить, что данные категории все же не являются синонимичными. С точки зрения признаков гражданско-правового договора, все они присущи договорам, присутствующим в семейном праве. В Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ) [13] термин «соглашение» употребляется применительно к урегулированию разногласий в сфере семейных отношений.

Так, в п. 1 ст. 23 СК РФ предусматривает, что «при наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, а также супругов, ука-

занных в пункте 2 статьи 21 настоящего Кодекса, суд расторгает брак без выяснения мотивов развода. Супруги вправе представить на рассмотрение суда соглашение о детях, предусмотренное пунктом 1 статьи 24 СК РФ. При отсутствии такого соглашения либо в случае, если соглашение нарушает интересы детей, суд принимает меры к защите их интересов в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 24 СК РФ.

Интересно отметить, что в нормах СК РФ термин «соглашение» встречается более 170 раз. М. В. Антокольская пишет: «В семейном праве до последнего времени не использовалось само понятие договора, вместо него говорилось о двусторонних актах участников семейных отношений. Кроме того, считалось, что соглашения отнюдь не играют здесь столь существенной роли, которая присуща договорам в гражданском праве. С появлением же брачных договоров и алиментных соглашений невозможно более избегать применения конструкции договора в семейном праве» [14, с. 71–72].

Интерес заслуживает позиция С. Ю. Филипповой, согласно которой соглашения в семейном праве не тождественны договорам, их нельзя относить к специальным правовым средствам, поскольку они призваны не достигать соответствующих целей субъектов, а упорядочивать их отношения [1, с. 89].

На первый взгляд, действительно, соглашения направлены на упорядочивание и регламентацию отношений. Однако все же считаем, что в основе соглашений, как и договоров в семейном праве, всегда лежат определенные цели субъектов семейно-правовых отношений. Так, например, соглашение о порядке общения одного из родителей с детьми в случае развода и раздельного проживания матери и отца ребенка, направлено на реализацию неимущественных, нематериальных интересов соответствующих лиц, и его целью является, в частности, определение условий, порядка, времени встреч одного из родителей с ребенком и иных обстоятельств, связанных с личными отношениями. Для брачного договора целью выступает определение правового режима использования имущества супругов во время брака или после его расторжения. Договор о принятии ребенка в приемную семью выступает основанием для возникновения, с одной стороны, обязательства между опекунами и органами опеки и попечительства, с другой стороны, семейно-правового отношения между опекунами и подопечным.

Таким образом, в семейном праве сегодня сформировались определенные правовые регуляторы — договоры и соглашения, направленные на регламентацию личных неимущественных и имущественных отношений между субъектами. Эти договоры и соглашения имеют специальный субъектный состав — члены семьи, бывшие члены семьи, органы опеки и попечительства, иные лица, органы и организации, связанные с семейно-правовыми отношениями. Далее будет рассмотрены виды и типы соответствующих договоров и соглашений, особенности их содержания, а также юридические процедуры их заключения, исполнения, изменения и расторжения.

Многообразие договоров и соглашений в семейном праве связывается с их функциональным предназначением выступать в качестве специальных правовых регуляторов определенного вида отношений. В зависимости от вида соответствующих отношений конструируется направленность и содержание до-

говоров и соглашений. Для формирования целостного представления о видах договоров и соглашений в семейном праве необходимо их сгруппировать по определенным юридически значимым признакам.

В первую очередь необходимо отметить такое основание для классификации, как закреплённость в нормах Семейного кодекса. На этот счет, например, Е. П. Титаренко, указывает, что в СК РФ представлены исчерпывающие перечни соглашений и договоров [15]. Такой же позиции придерживается С. Ю. Чашкова [16, с. 10], которая считает, что семейному праву не свойственны непоименованные соглашения. Наиболее обоснованной представляется позиция Л. А. Хурцилавы о том, что в семейном законодательстве невозможно предусмотреть все исчерпывающие договорные формы [17, с. 361]. Действительно, в Семейном кодексе РФ предусмотрены типичные наиболее распространенные договорные конструкции, например, брачный договор. Но при этом по диспозитивному усмотрению сторон могут быть заключены иные договоры и соглашения. На возможность использования дополнительных договорных регуляторов указывает и сам СК РФ. В частности, в п. 2 ст. 38 говорится о возможности раздела имущества между супругами по их соглашению. Как мы видим, это достаточно общая норма, в котором не предложена конкретная договорная конструкция. Исходя из приведенных тезисов, мы можем выделить поименованные и непоименованные договоры и соглашения.

Еще одним основанием для разграничения договоров и соглашений выступает субъектный состав отношений. Одни договоры заключаются между членами семьи. Другие устанавливают правовые связи между бывшим и будущими членами семьи. Третьи предполагают участие публично-правового субъекта — органа опеки и попечительства. Еще одна группа договоров может связывать лиц по поводу возникновения отношения в области суррогатного материнства.

В качестве еще одного критерия для дифференциации выступает характер объекта, регулируемого соглашением или договором. Одни договоры и соглашения определяют имущественные отношения. Другие направлены на упорядочивание неимущественных отношений. Также можно выделить группу организационных соглашений, устанавливающих исключительно порядок реализации имущественных или неимущественных прав и обязанностей.

А. А. Коваль определяет, что семейное законодательство подразумевает дифференциацию соглашений в следующих значениях: соглашения между родителями об осуществлении родительских прав в отношении общего несовершеннолетнего ребенка; договоры об опеке над несовершеннолетними, договоры о приемной и патронатной семье. Алиментные соглашения, брачный договор, соглашения супругов (бывших супругов) о разделе имущества [18, с. 67–70].

Л. А. Хурцилава выделяет также договоры о выборе имени ребенка, договор о суррогатном материнстве, соглашение о месте жительства детей при отдельном проживании родителей, соглашение родителей о совместном несении расходов, включая дополнительные расходы на детей [17, с. 362].

Одним из наиболее распространенных соглашений в семейном праве выступает соглашение об уплате алиментов. Со-

глашение об уплате алиментов представляет собой консенсуальный, односторонне обязывающий договор, в отличие от фактического предоставления содержания, где каждая передача имущества является отдельной реальной сделкой, возникающей в момент исполнения. Относительно вопроса правовой природы соглашения об уплате алиментов в современной науке нет единого мнения, это связано, прежде всего, с различной интерпретацией самостоятельности семейного права как отрасли и соотношения с гражданским правом. Те авторы, которые придерживаются единства гражданского и семейного права исходят из гражданско-правовой природы соглашения об уплате алиментов, хотя и не отрицают специфических особенностей алиментных соглашений. М. В. Антокольская отмечает соответствие соглашения об уплате алиментов всем признакам гражданского договора [14, с. 6–16]. С. Ю. Чашкова полагает, что соглашение об уплате алиментов представляет собой специальный семейно-правовой договор [16, с. 113]. Особенностью соглашения об уплате алиментов в сравнении с иными соглашениями в семейно-правовой сфере является закрепление в п. 2 ст. 100 СК РФ специальных юридических процедур его заключения — нотариального удостоверения, что придает ему еще большую правовую значимость и создает предпосылки и условия для реализации исполнительного производства в случае неуплаты без обращения в суд.

Дуализм правовой природы соглашения об уплате алиментов выражен в том, что, с одной стороны, оно имеет гражданско-правовую природу (элементные и внеэлементные особенности гражданско-правового договора), с другой стороны, оно формируется под влиянием семейно-правового регулирования в части предмета отношений и обеспечивает повышенные гарантии интересов несовершеннолетних субъектов. В данной связи стоит согласиться с Д. С. Ксенофонтовой в том, что ввиду особого субъектного состава участников семейных правоотношений в семейном праве формируется система специальных повышенных правовых гарантий применительно к охране интересов таких незащищенных лиц, как несовершеннолетние дети [19].

Брачный договор согласно ст. 40 СК РФ представляет собой соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. При исследовании правовой природы брачного договора были выявлены следующие проблемы. С точки зрения многих цивилистов, не вполне ясен субъектный состав брачного договора. Во-первых, нуждается в уточнении формула «лица, вступающие в брак». Проблема здесь состоит в том, что данный термин невозможно идентифицировать во времени, т. к. в российском законодательстве не имеет юридического значения состояние «жених и невеста» (если рассматривать в соотношении с термином «лица, вступающие в брак»), однако мужчина и женщина приобретают право заключить брачный договор именно с момента принятия совместного решения о вступлении в брак, а не с момента подачи соответствующего заявления в орган ЗАГС. Считаем, что неопределенность нормы должна быть снята — либо путем установления срока действия соглашения (например, 1 год), либо путем уточнения формулы субъектного состава.

Восполнение дееспособности в брачном договоре, по утверждению М. В. Антокольской, возможно только в вопросах, не связанных с личностью подопечного. Представитель может и должен защищать его личные и имущественные интересы перед всеми третьими лицами и в суде, однако не может совершать акты, неразрывно связанные с личностью недееспособного душевнобольного лица (признавать внебрачное отцовство, заключать брачный договор и т.п.). Таким образом, брачный договор может быть заключен только полностью дееспособным лицом, при иных обстоятельствах в действие вступает норма об общности прав на имущество супругов [14, с. 155–156]. Нуждается в уточнении право на заключение брачного договора несовершеннолетними при снижении брачного возраста.

А. М. Нечаева считает, что прямая зависимость договора от факта существования брака (или намерения его оформить в установленном законом порядке) означает право заключить

подобный договор и лицам добрачного возраста, а также тем, «кому в виде исключения с учетом особых обстоятельств разрешено вступить в брак и ранее» [20, с. 108]. М. В. Антокольская уточняет: поскольку способность к заключению брачного договора связана с брачной правоспособностью, лицо, не достигшее брачного возраста, не может совершить данную сделку без согласия родителей или попечителей до момента регистрации брака [14, с. 156].

Таким образом, были рассмотрены основные виды договоров и соглашений в семейном праве. В основе их дифференциации лежат различные признаки: субъектный состав, закреплённость в нормах семейного законодательства, характер объекта отношений, иные признаки. При этом диспозитивность в семейно-правовом регулировании предполагает то, что стороны семейных отношений вправе избирать для себя любые формы договорного взаимодействия и соответствующие договорные конструкции в соответствии с их целями.

Литература:

1. Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. 317 с.
2. Чельшев М. Ю. Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 155, кн. 4. 2013. С. 189–195.
3. Низамиева О. Н. Договоры и соглашения как средства индивидуально-правового регулирования семейных отношений // Семейные правоотношения: вопросы теории и практики: Материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 8 декабря 2006 г.) / под ред. О. И. Величковой, О. Н. Шеменевой. Воронеж: ИПЦ Воронежского гос. ун-та, 2007. С. 116–121.
4. Серкова Ю. А. Сущность гражданско-правового договора как юридической конструкции // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Том 155. Книга 4. С. 167–173.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Юрайт, 2017. 532 с.
6. Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 166–182.
7. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
8. Гражданское право: учебник: в 4 томах. Том I. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2019. 576 с.
9. Гражданское право: учебник / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2009. Ч. 1. 776 с.
10. Груздев В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. 272 с.
11. Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования: учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2008. 224 с.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020). Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
14. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 431 с.
15. Титаренко Е. П. Понятие и характеристика соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2005. № 2. С. 7–8.
16. Чашкова С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: дис... канд. юрид. наук. М., 2004. 197 с.
17. Хурцилава Л. А. Классификация договоров в семейном праве // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 2. С. 361–369.
18. Коваль А. А., Тянтова М. Г., Тё А. О. Соглашения в семейном праве // Молодой ученый. 2019. № 11 (249). С. 67–70.
19. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 23 с.
20. Нечаева А. М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 303 с.

Существенные условия строительного подряда

Малютина Мария Евгеньевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Правовое регулирование договора строительного подряда регулируется в Гражданском кодексе РФ. Согласно статье 740 ГК РФ по договору строительного подряда подрядчик обязуется заказчику построить определенный объект, либо выполнить строительные работы, а заказчик обязуется оплатить результат работ и создать подрядчику необходимые условия для выполнения указанных работ.

Подрядчик также может выполнять работы по ремонту зданий и сооружений.

Условиями договора строительного подряда является — предмет, сроки начала и окончания работ, цена работ или способ определения цены, размеры и порядок финансирования или оплаты работ, способ обеспечения выполнения обязательств.

Также, для договора необходимо соблюдение существенных условий. Четкого определения существенных условий в гражданском законодательстве нет, однако из статьи 432 ГК РФ можно определить, что такое существенное условие. В него включены предмет договора, условия, названные в законе или иных НПА как существенные для данного вида договора, а также условия, которые обе стороны или одна сторона считает существенной.

Условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, является существенным. Если конкретное условие закреплено в договоре, то это является основанием того, что одна из сторон желает видеть данное условие в договоре [1].

Существенные условия договора необходимы для защиты прав сторон и в целях избегания судебных споров. Установление минимального набора условий для договора строительного подряда, при которых он может существовать.

Можно разделить существенные условия на три группы:

- 1) Законодательно установленные существенные условия;
- 2) Определенные правоотношениями как существенные;
- 3) Определенные сторонами как существенные;

Что касается существенных условий строительного подряда, можно выделить такие условия как, предмет, сроки, цена. Ученые относят также к условиям техническую документацию.

Согласно разъяснениям Президиума Высшего Арбитражного суда РФ, существенными условиями строительного подряда являются условия о предмете, сроке начала и окончания работ, цена работ или порядок определения стоимости [2].

Судом также выработана позиция, что не всегда отсутствие существенных условий в договоре является основанием для признания договора незаключенным. Суд будет отталкиваться от конкретных обстоятельств дела.

Условие о предмете договора помогает сторонам четко сформировать основные технические характеристики объекта, параметры строительных работ. В договоре строительного подряда предмет состоит из определенных действий, однако не все действия включены в предмет договора. Строительные работы

направлены на создание нового объекта. Давая характеристику объекту строительства, заказчик должен указать, в каких целях будет использован объект. Данное условие важно для дальнейшей эксплуатации объектов.

В положение договора о предмете должно содержать также и наименование работ, содержание и объем, назначение объекта строительства и наименование объекта, результат, характеризующий качество работ, место расположения объекта.

Что касается сроков выполнения работ стоит отметить следующее. Конечные сроки определяются датой подписания акта сдачи-приемки работ с указанием на то, что договор действует до полного выполнения работ.

Нередко в спорах о сроках выполнения работ подрядчики ссылаются на то, что просрочка вызвана обстоятельствами, за которые отвечает заказчик: несвоевременное предоставление площадки для строительства, технической документации и т.п. Но далеко не всегда это может служить основанием для освобождения подрядчика от ответственности за нарушение сроков.

В соответствии с п. 1 ст. 716 ГК РФ подрядчик обязан незамедлительно уведомить заказчика о любых обстоятельствах, которые создают невозможность завершения работы в срок. При неисполнении данной обязанности подрядчик лишается права ссылаться на соответствующие обстоятельства как на основание для освобождения ответственности за просрочку.

Что касается условия об оплате, отметим следующее. Вопрос о порядке изменения цены при изменении объема работ полностью не раскрыт. Изменение объема необходимо указывать в дополнительном соглашении.

В договоре подряда необходимо указывать размер и порядок финансирования и оплаты работ, способы исполнения обязательств, а также же способы обеспечения исполнения обязательств.

Наиболее распространенной проблемы, с которой сталкиваются подрядчики, следует выделять задержку исполнения встречных обязательств со стороны заказчика. Заказчик поздно предоставляет строительную площадку, оборудование, техническую документацию, задерживает выплату аванса и т.д. Все это приводит к тому, что подрядчик не укладывается в сроки выполнения работ.

Для уверенности подрядчика в правомочности своих действий по приостановлению работ еще на стадии заключения договора подряда целесообразно прописать непосредственно в договоре подряда основания для приостановления работ в случае неисполнения конкретных обязательств заказчика (оплата аванса, передача стройплощадки, утвержденного проекта на производство работ и т.п.).

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

К существенным условиям договора строительного подряда следует отнести условия о предмете, сроке выполнения работ и цене, также, необходимо отметить, что описание указанных

условий должно производиться как можно более подробно, чтобы избежать рисков, связанных с расхождением по толко-

ванию договорных условий, а также признанием договора незаключенным.

Литература:

1. Определение ВАС РФ от 31 октября 2011 г. № ВАС-14272/11 по делу № А56–69568/2010 // СПС «Консультант Плюс».
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3.

Проблемы квалификации преступлений по статье 106 УК РФ и пути их решения

Мункуев Пётр Александрович, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье автор разбирает состав преступления, предусмотренного статьёй 106 Уголовного кодекса, а также приводит проблемы, возникающие при квалификации преступного деяния по данной статье.

Ключевые слова: УК РФ, новорождённый ребёнок, специальный субъект, убийство матерью, причинная связь, психическое расстройство, промежуток времени.

Конституция Российской Федерации в статье 20 закрепляет одно из самых важных и неотъемлемых прав человека — право на жизнь. Оно находит отражение в статье 2 Уголовного кодекса РФ, где говорится об охране прав и свобод человека и гражданина, среди которых в первую очередь стоит право на жизнь.

Именно с преступлений против жизни начинается Основная часть нашего Уголовного кодекса: 16 глава, содержащая в себе составы преступлений против жизни и здоровья, как бы ещё раз подчёркивая преимущественное значение охраны данных прав от преступных посягательств для России, тем самым контрастируя с УК СССР, где на первый план выносились охрана государственных интересов.

Убийство — это преступление, квалификация которого носит достаточно сложный характер. Для того чтобы точно определить, что убийство совершил конкретный подозреваемый, нужно собрать немало доказательств потому, что сама статья является достаточно «тяжёлой», максимальное наказание по которой может быть 15–20 лет лишения свободы (в зависимости от наличия отягчающих обстоятельств), а в отдельных случаях может предусматривать пожизненное лишение свободы и смертную казнь.

В практике следователей, которые ведут дела об убийстве, есть понятия «простого» убийства и убийства, которое совершается специальным субъектом. К первому относятся случаи, когда человек, например, совершает убийство другого человека на почве неприязненных отношений. Ко вторым же относятся составы преступлений, которые предусматривают наличие специального субъекта [1].

В УК РФ статья 106 как раз является той самой статьёй, в которой предусмотрен специальный субъект — мать новорождённого ребёнка. Казалось бы, что всё достаточно просто: если

есть ребёнок и мать, которая его убила, значит и квалификация будет проводиться по этой статье. Однако всё далеко не так очевидно, как кажется на первый взгляд. Для того чтобы более детально разобраться в этой проблеме, нужно рассмотреть состав данного преступления.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ является жизнь новорождённого ребенка.

Жизнь в качестве объекта преступления понимается как естественный физиологический процесс и как обеспеченная законом возможность существования личности в обществе.

Для того чтобы лишить жизни человека, необходимо, чтобы она началась. При анализе содержания объекта данного преступления важно определить начальный момент жизни. Здесь мнения учёных-правоведов расходятся: одни считают, что жизнь человека начинается тогда, когда он начал дышать; другие связывают начало жизни с началом родов; третьи и вовсе говорят, что жизнь ребёнка начинается тогда, когда у него появляется сердцебиение, то есть на 22–25 день беременности (особенно такой подход к определению живорождённости популярен в западных странах) [2].

Не смотря на все существующие мнения учёных-правоведов по поводу вопроса «с чего же следует считать начало жизни ребёнка», всё внимание следует обратить на медицину и её критерии рождения, среди которых выделяют: отделение плода от организма матери посредством родов, срок беременности должен быть не менее 22 недель, масса плода должна быть 500 грамм и более, а в случае, если масса тела ребёнка неизвестна, то длина плода должна быть не менее 25 сантиметров.

Если все критерии рождения отвечают вышеуказанным параметрам, то при судебно-медицинской экспертизе по поводу детоубийства следует искать ответы на следующие вопросы: был-ли ребенок новорождённым; был-ли он жизнеспособным;

был-ли он живорождённым и какова продолжительность его внеутробной жизни [3]. Жизнеспособность же определяется по физическому состоянию плода сразу после рождения. С момента отделения плода от организма матери оценивается его дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины, произвольные движения мускулатурой и так далее.

Детоубийство, как и любое другое убийство, является преступлением с материальным составом. Его объективная сторона характеризуется следующими признаками: общественно опасное действие или бездействие, т.е. сознательные действия или бездействие матери, направленные на лишение жизни младенца.

В статье 106 УК РФ предусмотрены две ситуации: убийство матерью новорождённого ребёнка во время или сразу после родов. Если с формулировкой «во время родов» всё понятно, то как определить время «сразу после родов».

В законодательстве нет точного промежутка времени «сразу после родов», отсутствие которого объясняется различиями в поведении матерей после рождения ребёнка: у одних все психологические процессы, связанные с родами, нормализуются сразу, а у других лишь в течение определённого промежутка времени. Этот промежуток времени определяется так называемой «постродовой депрессией», длительность которой может быть от одного месяца до нескольких лет. Что же тогда, считать 1,5–2 годовалых детей новорождёнными? Нет. Здесь судебная практика исходит из промежутка в 24 часа, следующие за окончанием родов.

Другой ситуацией является убийство матерью новорождённого ребёнка в состоянии и условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Психотравмирующей ситуацией является совокупность объективных негативных обстоятельств (отсутствие средств к существованию, потеря кормильца и т.п.) и негативных эмоций, вызванных указанными обстоятельствами у матери. Причиной психического расстройства могут стать, как и сами роды, необходимость заботиться о ребёнке, так и различные семейные и бытовые проблемы. Такое состояние влияет на квалификацию преступления и может служить основанием для назначения виновному принудительных мер медицинского характера [4].

Специальный субъект данного преступления имеет общие признаки — достижение возраста уголовной ответственности и вменяемость, а также дополнительные, необходимые для признания лица субъектом рассматриваемого преступления. Соответственно, уголовную ответственность по ст. 106 УК РФ несёт женщина, достигшая 16 лет, вменяемая, родившая ребёнка, находящаяся в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, либо в условиях психотравмирующей ситуации.

Помимо вышеуказанных проблем, связанных с определением живорождения и жизнеспособности ребёнка, необходимо рассмотреть субъективную сторону преступления.

Разрешая вопрос о виновности субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, необходимо обратиться к статьям 25 и 26 УК РФ и выяснить: предвидел-ли субъект об-

щественную опасность своих действий, а также реальную возможность или неизбежность наступления тяжких последствий в виде смерти новорождённого; желал-ли или сознательно допускал их наступление, относился к ним безразлично или самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий; если не предвидел таких последствий, то должен-ли был и мог-ли их предвидеть.

Убийство матерью новорождённого ребенка может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Для установления субъективной стороны убийства новорождённого большое значение имеет мотив и цель преступного деяния, а также эмоциональное состояние преступницы.

Действия матери живого новорождённого, которая совершает его убийство, будут квалифицированы по статье 106 УК РФ при условии, что ребёнок родился совсем недавно и был живым. Помимо этого к рассматриваемому виду убийства следует относить не только убийство новорождённого после отделения плода от тела матери и начала самостоятельной жизни, но и убийство ребёнка, не начавшего самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребёнку ещё до начала дыхания), так как в данном случае мать, причиняя смерть рождающемуся ребёнку, осознаёт, что её действия направлены на лишение жизни человека, а не на прерывание беременности.

Нередко в судебной практике встречаются случаи, когда женщины не прибегают к помощи родильных домов, а рожают самостоятельно. В таком случае они не могут точно установить медицинские критерии живорождения и мертворождения. При установлении причинной связи между действием (бездействием) матери и смертью новорождённого нужно руководствоваться как общими положениями теории причинной связи, так и учитывать специфику данного преступления. Объект преступления определяет не только характер и степень общественной опасности деяния как признаки объективной стороны преступления, но и способ его совершения. Отсутствие причинной связи между деянием и наступившей смертью ребёнка либо исключает полностью уголовную ответственность за лишение жизни, либо влечёт иную квалификацию деяния.

Исходя из вышесказанного стоит отметить, что, если ребёнок родился мёртвым, а то есть у него отсутствовали какие-либо признаки живорождения, но мать новорождённого всё же пыталась его убить, квалификация такого деяния будет производиться через положения Общей части УК РФ, а именно

с указанием на часть третью статьи 30 УК РФ, как покушение на убийство новорождённого ребёнка.

В настоящее время в российском уголовном законодательстве прослеживается проблема, заключающаяся в отсутствии понятия «сразу после родов». Медицина считает ребёнка, возрастом до 1 месяца, новорождённым, судебная же практика исходит из 24-часового промежутка, следующего за окончанием родов. Если этот промежуток времени был точно определён, то это бы облегчило проведение следственных мероприятий, связанных с убийством матерью новорождённого ребёнка, а также позволило более точно разграничивать ситуации, когда квалификация должна проводиться по статье 106 УК РФ, а когда по частям статьи 105 Уголовного кодекса.

Литература:

1. Улезько С. И. Уголовное право: Общая часть в 2 томах. Т. 1. — М.: Юрайт, 2022.
2. Улезько С. И. Уголовное право: Общая часть в 2 томах. Т. 2. — М.: Юрайт, 2022.
3. Бриллиантов А. В. Уголовное право в таблицах и определениях. — М.: Эксмо, 2018.
4. Наумов А. В., Кибальник А. Г. Уголовное право в 2 Т. Том 2. — М.: Юрайт, 2020.
5. Кудяева Л. А. Криминообразующий признак в случае убийства матери новорожденного ребёнка. Журнал юридические науки, 2019.

Основные направления и некоторые проблемы правовой политики России

Мухаметзанов Булат Эдуардович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассмотрены вопросы, связанные с понятием правовой политики России, ее основными направлениями и некоторыми проблемами. В статье проводится анализ сущности и содержания правовой политики России, а также выявляются основные вызовы, с которыми сталкивается правовая политика России на современном этапе своего развития.

Ключевые слова: право, государство, правовая система, политика, государственная политика, правовая политика.

Правовая политика является комплексным и сложным понятием, которое охватывает различные аспекты и составляющие правовой системы государства. Это систематическое и целенаправленное формирование, реализация и контроль за принятием и применением нормативно-правовых актов, а также осуществление мер по обеспечению правопорядка, защите прав и интересов граждан, развитию правового государства. Она ориентирована на достижение определенных целей, таких как защита прав человека, обеспечение справедливости, устойчивого развития и поддержания социального порядка. Правовая политика является неотъемлемой составляющей государственной политики и играет ключевую роль в обеспечении стабильности и справедливости в обществе. Поэтому изучение правовой политики России важно, целесообразно и актуально.

Для начала следует рассмотреть взаимодействие понятий «право» и «политика». Право и политика являются взаимосвязанными явлениями, институтами, которые имеют свои особенности и выполняют определенные функции. Право, по своей природе, обладает политическим характером, так как оно выступает в качестве нормативной формы согласования интересов и воли различных социальных групп [3, с. 75].

Использование права в политических целях имеет ограничения. В частности, когда государство начинает использовать законодательную власть в интересах определенных социальных групп или проводить политику, не соответствующую принципам права и справедливости, утрачивается само правовое содержание таких законодательных актов, и оно уступает место пустым формальностям, которые служат интересам политической власти. Это может приводить к разрушению политико-правовой системы. Поэтому важно, чтобы государственная политика осуществлялась в рамках правовых норм и принципов, тем более в правовом государстве.

Итак, в целом, государственная политика должна быть правовой. Стоит отметить, что она представляет собой систему це-

ленаправленных действий, принимаемых государством для достижения определенных целей в различных сферах общественной жизни. В зависимости от направления и предмета воздействия, можно выделить различные виды государственной политики: экономическая, социальная, внешнеполитическая, экологическая, правовая политика и другие. Правовая политика является неотъемлемой составляющей всех остальных направлений государственной политики, поскольку они опираются на принципы и нормы права. В частности, такие направления, как социальная, экономическая, экологическая политика и другие, реализуются, в том числе, посредством принятия и применения соответствующих нормативных правовых актов.

В правовой доктрине традиционно выделяют такие направления правовой политики, как доктринальная, правотворческая, правоприменительная, правоинтерпретационная и правообучающая [2, с. 24]. Они представляют собой ключевые аспекты деятельности современного государства в области формирования и реализации правовой политики.

Доктринальная правовая политика включает разработку и формулирование концептуальных подходов, стратегий и целей в области права. Она направлена на разработку, распространение и применение теоретических и научных исследований, которые служат основой для дальнейшего развития и совершенствования правовой системы. Правотворческая правовая политика обеспечивает разработку и принятие правовых актов. Правоприменительная правовая политика включает деятельность судов, прокуратуры, правоохранительных органов и других органов, ответственных за применение правовых актов. Правоинтерпретационная правовая политика обеспечивает толкование правовых норм. Она включает интерпретацию правовых актов, разрешение правовых споров и урегулирование пробелов и коллизий. Целью этой политики является обеспечение единообразия и предсказуемости правовой практики. Правообучающая правовая политика направлена

на повышение правовой грамотности и осведомленности граждан. Она включает образовательные программы, проведение семинаров и, в целом, пропаганду правовых знаний.

В различных областях правовой политики государство сталкивается с проблемами из-за сложности общественных отношений, различных интересов социальных групп и быстрых изменений, происходящих в обществе. Необходимость адаптации правовых норм, учета различных мнений и обеспечение гибкости правовой системы являются ключевыми аспектами преодоления этих проблем.

Одним из проблем правовой политики России является недостаточная регламентация таких важных понятий, как правовая система, гражданское общество, правовое государство. Важность раскрытия и закрепления данных понятий связана с их центральной ролью в формировании и функционировании правовой системы России. Недостаточная ясность и определенность этих понятий может затруднить достижение основных целей правовой политики, включая защиту прав и свобод граждан, обеспечение справедливости и устойчивости правопорядка. Поэтому необходимо уделить должное внимание отражению данных понятий, в первую очередь, в основном законе государства — Конституции РФ [1], что способствует эффективной реализации правовой политики и обеспечению стабильности правовой системы России.

Кроме того, следует не только регламентировать понятийный аппарат, но в дальнейшем отражать и обращаться на них внимание в других нормативных правовых актах. Так, следует отразить принципы построения и функционирования правовой системы России, правового государства, в том числе, в долгосрочной перспективе.

Что касается гражданского общества, ст. 32 Конституции РФ закрепляет право граждан участвовать в управлении делами государства. Представляется, что данное положение требует более тщательного правового регулирования. Так, для обеспечения полной реализации этого права необходимо ясное определение гражданского общества и разработка соответствующих норм и механизмов, которые позволят гражданам активно участвовать в принятии решений.

Ко всему прочему, видится целесообразным закрепить концепции национальных интересов России. Их закрепление позволит определить ориентиры и приоритеты правовой политики страны. Национальные интересы служат основой для разработки стратегических целей и направлений деятельности, а также для принятия решений в области правового регулирования. Это способствует формированию сбалансированной и целенаправленной правовой политики, соответствующей интересам и потребностям государства и общества.

В правовой системе России особое место занимают принципы и нормы международного права. В настоящее время они находят отражение в большинстве нормативных правовых актов России. Тем не менее, существует проблема в их применении. Так, они не в полной мере применяются российскими судами в правоприменительной деятельности. Важно разработать эффективные механизмы и инструменты, которые позволили бы гарантировать соблюдение и применение международных стандартов на практике. Безусловно, следует разрешить вопрос о соотношении их применения и обеспечения национальных интересов России.

Резюмируя, следует отметить, что правовая политика России включает в себя деятельность государства в области обеспечения прав и интересов граждан, правопорядка в обществе. Поэтому она осуществляется в нескольких направлениях, таких, как доктринальная, правотворческая, правоприменительная, правоинтерпретационная и правообучающая. В настоящее время для стабильного функционирования и совершенствования правовой политики России является необходимым регламентация таких важных понятий, как правовая система, гражданское общество, правовое государство в Конституции РФ. Также следует закрепить принципы построения и функционирования правовой системы России, правового государства в России, в том числе, в долгосрочной перспективе; концепции национальных интересов России. Также важно разработать эффективные механизмы и инструменты, которые позволили бы гарантировать применение международных стандартов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм. от 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237; 2020. 16 марта. № 55.
2. Краснов Ю. К. Правовая политика России на современном этапе: учебное пособие / Ю. К. Краснов. МГИМО МИД России. М.: Прометей. 2019. 394 с.
3. Протасов В. Н. Теория права и государства: учебное пособие для среднего профессионального образования / В. Н. Протасов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 192 с.

Проблемы правового регулирования предоставления льгот иностранным инвесторам

Пиолия Илья Иванович, студент

Научный руководитель: Курманов Мидхат Мазгутович, доктор юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

В статье рассмотрены актуальные и современные методы правового регулирования иностранных инвестиций в Российской Федерации. Указаны законодательные акты, регулирующие данное направление. Проведен анализ нормативно правовых актов, регулирующих иностранные инвестиции в Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, правовое регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации, льготы для иностранных инвесторов.

Problems of legal regulation provision of benefits to foreign investors

Pioliya Ilya Ivanovich, student

Scientific adviser: Kurmanov Midkhat Mazgutovich, doctor of legal sciences, associate professor
Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article discusses current and modern methods of legal regulation of foreign investments in the Russian Federation. The legislative acts regulating this direction are indicated. The analysis of normative legal acts regulating foreign investments in the Russian Federation is carried out.

Keywords: foreign investments, legal regulation of foreign investments in the Russian Federation.

Правовое регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации представляет собой сложный вопрос, который приобретает все большее значение по мере того, как Российская Федерация стремится привлечь больше иностранных инвестиций. Важным вопросом при взаимодействии, является правовое регулирования инвестиций и дальнейшей инвестиционной деятельности между государствами.

В соответствии со ст. 2 ФЗ «Об иностранных инвестициях» от 25.06.1999 г. № 160-ФЗ (далее по тексту — ФЗ «Об иностранных инвестициях») иностранная инвестиция — это вложение иностранного капитала в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору.

ФЗ «Об иностранных инвестициях» рассматривает и устанавливает правовой режим деятельности между иностранным инвестором и государством, указывает на предоставляемые гарантии сотрудничества, на получаемые льготы.

Российская Федерация имеет долгую историю правовых норм, влияющих на иностранные инвестиции. Эти законы, включая закон о легализации частных компаний, Закон о собственности, Закон о приватизации государственных предприятий, Закон об акционерных обществах и Закон о рынке ценных бумаг, были тщательно рассмотрены российским парламентом в 2003 году.

Несмотря на принятие этих законов, иностранные инвестиции в России по-прежнему сталкивались с серьезными проблемами из-за слабого правоприменения и неспособности защитить права миноритарных акционеров, права кредиторов и баланс между должниками и кредиторами в слушаниях по делу о банкротстве, а также из-за отсутствия прозрачности в банкротстве. В 2000 году российское правительство стреми-

лось изменить эту ситуацию и ввести международные стандарты бухгалтерского учета для многих фирм. Кроме того, Закон о конкуренции 2002 г. также усилил нормы и правила, регулирующие договоры.

С 2003 года по 2006 года наблюдается существенный увеличение потока иностранных инвестиций в сравнении с послекризисным уровнем предыдущих лет. Таким образом, использование иностранных инвестиций сегодня — это одна из важнейших проблем российской экономики и основной путь увеличения капитальных вложений в российскую экономику.

Необходимо понимать, что под инвестициями понимается благо или совокупность благ, которые вкладываются в объекты предпринимательской и иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иной преследуемой цели.

В связи с развитием истории возникновения привлечения иностранных инвестиций в Российской Федерации, планомерно развивается и ее правовое регулирование, а также предоставление льгот для иностранных инвесторов.

ФЗ «Об иностранных инвестициях» предусматривает следующие типы предоставляемых льгот для иностранных инвесторов:

— льготы, предоставляемые иностранному инвестору и коммерческой организации с иностранными инвестициями, по уплате таможенных платежей;

— льготы и гарантии, предоставляемые иностранному инвестору субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Нормы, указанные в федеральном законе, говорят о предоставляемых льготах, как о возможно предоставляемом благе, однако четко и ясно не указывает на материальные и нематериальные блага, которые может получить иностранный инвестор. Для получения необходимой информации о предоставляемых

льготах субъектами Российской Федерации необходимо сделать запрос в администрацию субъекта РФ, либо найти нормативно правовые акты данного субъекта.

Правовое регулирование данного вопроса должно иметь общую структуру для иностранных инвесторов в каждом субъекте Российской Федерации. Ключевым отличием должны являться условия и предоставляемые блага, зависящие от экономического состояния субъекта РФ, территориального расположения, общей площади субъекта, количества населения.

Проблемы правового регулирования предоставления льгот для иностранных инвесторов могут быть вызваны различными факторами, такими как различия в правовых системах, экономические и политические факторы, а также социальные и культурные особенности стран. Некоторые из возможных проблем включают:

1. Различия в правовых системах: в некоторых странах предоставление льгот иностранным инвесторам может быть ограничено или запрещено законодательством. Это может привести к тому, что иностранные инвесторы будут вынуждены платить больше налогов или столкнуться с другими ограничениями при использовании своих инвестиций.

Проблемы правового регулирования предоставления льгот для иностранных инвесторов могут быть вызваны различиями в правовых системах разных стран. Например, в некоторых странах существуют законы и правила, которые ограничивают или запрещают иностранным инвесторам определенные виды деятельности или устанавливают более высокие налоговые ставки на прибыль от инвестиций. В других странах такие ограничения отсутствуют или менее жесткие.

Кроме того, различия в правовых системах могут влиять на то, как иностранные инвесторы защищены законом. Некоторые страны имеют более развитую систему защиты прав интеллектуальной собственности (например, патенты), что может создавать препятствия для иностранных инвесторов при использовании их технологий или продуктов. Другие страны могут иметь более строгие правила по борьбе с коррупцией и мошенничеством, что также может ограничивать возможности иностранных инвесторов.

Таким образом, проблемы правового регулирования предоставления льгот для иностранных инвесторов могут возникать из-за различий в правовых системах разных стран, а также из-за особенностей законодательства каждой конкретной страны. Для решения этих проблем необходимо проводить консультации между представителями правительств различных стран, и учитывать особенности каждой правовой системы при разработке соответствующих законодательных актов.

2. Экономические и политические факторы: Проблемы правового регулирования предоставления льгот для иностранных инвесторов могут быть вызваны различными факторами, включая экономические и политические условия. Некоторые из этих факторов включают:

— Экономический рост: Если экономика страны растет быстро, то это может привести к увеличению спроса на иностранные инвестиции и снижению налоговых ставок для них. В этом случае правительство может предоставлять льготы ино-

странным инвесторам, чтобы стимулировать экономический рост.

— Политическая стабильность: Если политическая ситуация нестабильна или существует риск политических изменений, то правительство может опасаться, что предоставление льгот иностранному инвестору может вызвать недовольство населения и повлиять на политическую ситуацию. В таком случае правительство может ограничивать предоставление льгот.

— Конкуренция: Если конкуренция на рынке высока, то иностранные инвесторы могут предпочитать инвестировать в более стабильные компании с меньшими налоговыми бременами. В этом случае правительство может ограничить предоставление льгот для иностранных инвесторов, чтобы сохранить конкурентоспособность отечественных компаний.

В целом, проблемы правового регулирования предоставления льгот для иностранных инвесторов могут быть вызваны различными факторами, и их решение требует комплексного подхода, учитывающего как экономические, так и политические аспекты.

3. Недостаточное правовое регулирование: Отсутствие достаточного правового регулирования может привести к тому, что иностранные инвесторы будут сталкиваться с проблемами при получении льгот и защите своих интересов недостаточное правовое регулирование может привести к различным проблемам и недостаткам. Некоторые из них могут включать:

— Ограничения на инвестиции: отсутствие четких правил и ограничений может создавать неопределенность для иностранных инвесторов, что затрудняет их привлечение капитала и развитие бизнеса.

— Неравенство доступа: в случае, если иностранные инвесторы не имеют равных условий с местными компаниями, это может привести к неравенству доходов и возможностей для развития бизнеса.

— Конфиденциальность: в некоторых случаях, предоставление льгот иностранным инвесторам может быть ограничено или запрещено законодательством, что может привести к нарушению конфиденциальности информации о компании.

— Налоговые последствия: предоставление льгот иностранным инвесторам может иметь налоговые последствия для местных компаний, что может ограничить их возможности для развития.

— Защита интеллектуальной собственности: отсутствие правовой защиты интеллектуальной собственности может ограничивать возможности иностранных инвесторов по использованию своих патентов, торговых марок и других форм интеллектуальной собственности.

Для разрешения возникающих вопросов необходимо разрабатывать четкие нормы, применяемые к иностранным инвесторам на каждом уровне власти. Субъекты Российской Федерации должны проработать нормативно правовые акты, гарантирующие фактическое предоставление льгот в зависимости от экономического состояния субъекта РФ и иных упомянутых фактов. Изучение нормативно правовой базы государства инвестора поможет найти пути разрешения неоднозначных ситуаций, связанных с различием культуры и законов страны.

Проблемы в толковании понятия «непосредственная угроза причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан» в условиях реформы контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации

Ромашов Роман Юрьевич, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В настоящее время в Российской Федерации происходят серьезные изменения в контрольной (надзорной) деятельности, которая направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований.

Вступивший в силу Федеральный закон от 31.07.2020 N248-ФЗ «О государственном (далее — Федеральный закон N248) масштабно изменил приоритеты государственных органов в сторону профилактики нарушений обязательных требований.

Распространение эпидемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 на территории страны, начало специальной военной операции, а также введение санкций иностранных государств стали толчком к принятию срочных мер, направленных на стабилизацию экономической ситуации, прежде всего путём снижения нагрузки на хозяйствующие субъекты со стороны контрольных (надзорных) органов.

10 марта 2022 года вступило в силу Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 N336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», которым предусмотрено, что в 2022–2023 годах внеплановые контрольные (надзорные) мероприятия проводятся только исключительно: при непосредственной угрозе причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан; при непосредственной угрозе обороне страны и безопасности государства; при непосредственной угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера; при выявлении индикаторов риска нарушения обязательных требований в отношении объектов чрезвычайно высокого и высокого рисков, за некоторым исключением, установленным данным Постановлением, при согласовании с органами прокуратуры. [1]

Но в большинстве случаев, при направлении органами государственного контроля (надзора) документов для согласования внеплановой проверки в отношении индивидуальных предпринимателей или юридических лиц, органы прокуратуры отказывают, ссылаясь на п.п. «а» п. 3 Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 N336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», как отсутствие в обращении и материалах непосредственной угрозы причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан.

В связи с тем, что данное понятие не закреплено на законодательном уровне, то при рассмотрении документов и принятии решения органы прокуратуры основываются на субъективном мнении.

Данная проблема является актуальной, прежде всего для граждан, которые обратившись в государственные органы за защитой своих нарушенных прав получают отказ, в том числе

в случаях, когда речь идёт об их жизни и здоровье, что является нарушением их конституционных прав.

Конституция Российской Федерации (статьи 2, 7 и 41) исходит из того, что жизнь и здоровье человека — высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а потому забота об их сохранении и укреплении образует одну из основополагающих конституционных обязанностей государства. [2]

Для решение данной проблемы в первую очередь необходимо разобраться в самом понятии «непосредственная угроза причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью».

Понятие «здоровье» закреплено в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N323-ФЗ, как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. [3]

Согласно Толкового словаря Ожегова НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ, -ая, -ое; -вен, -венна. 1. полн. ф. Прямо следующий после кого-чего-н., без посредствующих звеньев, участников. Н. результат. Н. виновник. Н. начальник. 2. Откровенный и непринужденный. Непосредственная натура. Вести себя непосредственно (нареч.). II сущ. непосредственность, -и, ж. (ко 2 знач.). [4]

Понятие «тяжкий вред здоровью» на законодательном уровне не закреплено, но вместе с тем в правоприменительной практике гражданского, трудового, уголовного, воздушного и других отраслей законодательства Российской Федерации используется довольно часто.

В статье 111 УК РФ содержится, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности. [5]

Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 N522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» содержит перечень квалифицирующих признаков причинения тяжкого вреда здоровью человека, к таковым относятся: вред опасный для жизни человека, потеря зрения, психическое расстройство полная утрата профессиональной трудоспособности и другие. [6]

Под вредом здоровью человека в уголовно-правовом смысле предлагается «понимать не только телесные повреждения, но и заболевания и патологические состояния, возникшие в результате воздействия различных факторов внешней среды: ме-

ханических, физических, химических, биологических, психических» [7]

Кроме того, анализ судебной практики в уголовном судопроизводстве показывает, что наличие угрозы жизни и здоровью граждан, по причине нарушений обязательных требований, является достаточным основанием для привлечения к ответственности. [8]

А. Б. Соколов и Е. А. Едомский полагают, что вред здоровью является результатом какого-либо внешнего воздействия факторов внешней среды, тем самым отождествляя его с понятиями «травма» и «повреждение». Нарушение анатомической целостности и нарушение физиологических функций тесно сопряжены друг с другом. [9]

А. П. Божченко были проанализированы положения, устанавливающие правила и медицинские критерии определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека, которые воспринимаются в экспертной и правоприменительной практике как неоднозначные, противоречивые и вызывающие наибольшие затруднения в интерпретации. Исследование показало, что в экспертной и правоприменительной практике существует потребность не только в актуализации нормативных правовых актов, но и в исправлении и гармонизации с уголовным законом целого ряда заложенных в них положений («методических императивов»), основополагающие из которых касаются понятийного аппарата и границ компетенции судебно-медицинского эксперта. В результате в них должна быть строго выдержана система соотношения понятий в ряду: повреждение (заболевание, патологическое состояние) — медицинский критерий — квалифицирующий признак. [10]

Для гражданского законодательства данное понятие необходимо прежде всего для определения объема и характера возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья (ст. 1085 ГК РФ).

К трудовому законодательству данное понятие имеет отношение в случаях угрозы жизни и здоровья работнику и при определении степени утраты профессиональной трудоспособности.

Классификация заболеваний по степени нарушенных функций четко регламентирована действующими нормативными документами не предполагает альтернативных решений при одной и той же их выраженности, поэтому высокая вариативность принятия экспертных решений по аналогичным случаям в меньшей степени может быть связана с оценкой клинико-функциональных критериев установления степени утраты профессиональной трудоспособности. [11]

Данное понятие не обошло стороной и государственный контроль (надзор) в рамках Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N248-ФЗ.

В связи с вступлением в силу Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 N336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», в целях верного толкования понятия «непосредственная угроза причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан» при осуществлении государственного контроля (надзора) Министерством экономического развития

Российской Федерации были даны разъяснения «понятие «непосредственная угроза», которое подразумевает высокую степень вероятности причинения соответствующего вреда в краткосрочной перспективе, то есть ситуацию, когда отсутствие мер реагирования контрольных (надзорных) органов неминуемо влечет наступление негативных последствий. Кроме того, полагаем, что данное понятие включает в себя прямую причинно-следственную связь между нарушением обязательных требований и причинением конкретным лицам». [2]

Также при толковании возможно учитывать положения приказа Минздрава России от 24 апреля 2008 г. N194-н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

Согласно п. 5 п. 6 Приказа Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 N194н, под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды. Тяжкий вред здоровью квалифицируется такими признаками, как угроза для жизни или опасность для жизни, вызвавшая опасное для жизни состояние (рана головы, ушиб спинного мозга, потеря зрения, слуха и другие. [13]

Неопасный для жизни вред, относящийся к тяжкому по последствиям, это вред, повлекший за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией или выразившийся в неизгладимом обезображивании лица. [14]

При определении наличия непосредственной угрозы причинения тяжкого вреда здоровью необходимо исходить из наступления неблагоприятных последствий, вероятность наступления которых минимальна. Например, укус крысы, в общежитии, что является само по себе крайне редким явлением создал причинение тяжкого вреда здоровью гражданина, что позволило ему путём судебного разбирательства рассчитывать на компенсацию морального вреда. Требования удовлетворены в полном объёме. Как указал суд, прослеживается прямая причинно-следственная связь между укусом крысы и наступившими последствиями в виде причинения тяжкого вреда здоровью. [15]

Таким образом, в связи с тем, что критерии для определения «непосредственной угрозы причинения вреда» не закреплены на законодательном уровне, поэтому решения, принимаемые органами прокуратуры при согласовании внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий должны основываться на реальной оценке каждого конкретного случая индивидуально, но вместе с тем, следует учитывать не только реальную угрозу причинения тяжкого вреда здоровью, но и даже минимальную вероятность наступления неблагоприятных последствий. вне зависимости срока их наступления.

Закрепление данного понятия на законодательном уровне в целях государственного контроля (надзора) позволит прийти к единообразию в правоприменительной практике на всей территории Российской Федерации, что позволит контрольным (надзорным) органам принимать эффективные меры, направленные на пресечение нарушений обязательных требований, защищая нарушенные права граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации« (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
4. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 N336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 N522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Приказ Минздрава России от 24 апреля 2008 г. N194-н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека // СПС «КонсультантПлюс»
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / П. В. Агапов, Д. А. Безбородов, Я. Ю. Васильева [и др.]; под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. В. В. Меркурьев. М., 2018. С. 392
8. К вопросу о правилах и медицинских критериях определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека (Божченко А. П.) («Медицинское право», 2022, NN2, 3) // СПС «КонсультантПлюс»
9. Голенко, Диана Викторовна Преступления против жизни и здоровья: учеб. пособие / Д. В. Голенко.— Самара: Изд-во Самарского университета, 2019.— 140 с
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова.— М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2015.— 944 с
11. Чистякова Н. П., Божков И. А., Лучкевич В. С. Проблемы практического применения критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности пострадавших на производстве // ТМБВ. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-prakticheskogo-primeneniya-kriteriev-opredeleniya-stepeni-utraty-professionalnoy-trudosposobnosti-postradavshih-na>
12. Журнал «Законодательство и практика» № 2 2018. // <https://elibrary.ru/>
13. <Письмо> Минэкономразвития России от 24.03.2022 N Д24и-8436 «О разъяснении особенностей организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в 2022 году» // СПС «КонсультантПлюс»
14. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2015 г. № 305-АД15-9014) // СПС «КонсультантПлюс»
15. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 N88-1083/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

Проблемы приказного судопроизводства

Саломатин Михаил Александрович, бакалавр
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В данной статье рассматриваются основные проблемы приказного судопроизводства. В частности, главная проблема состоит не столько в самом праве, сколько именно в его применении на практике, основное внимание уделяется сложившейся практике вручения копии судебного приказа, открывающей широкие возможности для правовых злоупотреблений. Также рассматриваются проблемы сроков давности, территориальной подсудности, недостаточной определенности понятия «спор о праве».

Ключевые слова: мировой суд, судебный приказ, приказное производство, заявление о выдаче судебного приказа, судебное извещение, почтовое извещение, территориальная подсудность, спор о праве, срок подачи возражений относительно исполнения судебного приказа, исковая давность, обязанность доказывания.

Эффективность правовой системы в значительной степени зависит от скорости работы судопроизводства, от его производительности, в связи с чем, в судебной практике появились различные виды упрощенного судопроизводства, одним из которых является приказное производство, регулируемое гл.гл. 11 ГПК РФ, 11.1 КАС РФ, 29.1 АПК РФ, в ходе которого, выносятся судебный приказ.

Судебный приказ — это постановление судьи, вынесенное единолично, на основании заявления взыскателя. Вместе с тем,

приказное производство имеет ряд существенных ограничений. Поскольку, судебный приказ выдается в строго ограниченные сроки, без проведения судебного разбирательства и без вызова сторон в суд, данный вид судопроизводства, является эффективным правовым средством и позволяет снять существенную нагрузку с судов общей юрисдикции.

Данный вид судопроизводства распространяет свое действие лишь на очевидные дела о взыскании имущества, либо небольших денежных сумм, в связи с чем, список дел, по которым

возможно приказное производство является исчерпывающим и строго регламентирован соответствующими статьями 122 ГПК РФ, 123.1 КАС РФ, 229.2 АПК РФ. Вынесение решения в порядке приказного производства не допускается в случаях наличия спора о праве [1, п. 3 ч. 3 ст. 125].

В настоящее время в юридической науке отсутствует однозначное толкование понятия «спора о праве», в связи с чем, не редко встречаются различные толкования данного термина. Тем не менее, «спор о праве» обычно понимается как объективное состояние права в тот момент, когда оно нуждается в принудительном осуществлении или защите, в связи с чем, В. Л. Исаченко отмечает, что «под именем спора о праве не следует понимать простое разногласие двух лиц о каком либо юридическом вопросе; спором о праве в гражданском процессе называется такой спор, когда одно лицо, оспаривая право другого, присваивает его себе. Только в этом случае, каждый из спорящих вправе обратиться к суду и требовать его содействия» [2].

Ходеева У.А. предлагает исключить из ГПК понятие «спор о праве» и внести в п. 3 ч. 3 ст. 125 ГПК РФ следующую формулировку: судья отказывает в принятии заявления на выдачу приказа, если в результате изучения представленных документов, у судьи возникают неустраняемые сомнения в наличии у взыскателя права требования [3, с. 91–94].

Тем не менее, из самого факта наличия у взыскателя «права требования» никак не следует, что право требования является бесспорным. Некоторые правоведа также считают, что позиция ответчика неважна для возникновения спора о праве, однако, подобная точка зрения представляется ошибочной, поскольку, именно исходя из позиции ответчика, мы можем окончательно заключить, имеет ли место спор о праве, ведь ответчик может быть согласен с выдвинутыми требованиями, нивелируя тем самым само понятие спора. Если ответчиком добровольно выполняются требования взыскателя, спора о праве не возникает.

Напротив, ответчик может быть не согласен с, казалось бы, самыми очевидными требованиями, соответственно, само наличие возражений ответчика позволяет однозначно утверждать, что ситуация является спорной. Таким образом, для признания спора о праве возникшим, необходимо чтобы ответчик либо оспаривал требования субъекта защиты, либо его поведение указывало на факт несоблюдения данного требования [4, с.98–101].

По своему правовому смыслу, данный вид судопроизводства рассчитан на вынесение решения исключительно на основании поданных взыскателем документов. Устанавливая исчерпывающий список требований, по которым, может быть выдан судебный приказ, законодатель исходил в первую очередь из того, что если ответчик с требованиями взыскателя согласен, признает их, следовательно, дело не является спорным. Если же ответчик возражает, соответственно, возникает спор о праве, который требует детального разбора и разрешается в порядке искового судопроизводства, в этом случае судебный приказ подлежит отмене, с сохранением за взыскателем права подачи искового заявления в соответствующий суд общей юрисдикции. При этом судья не вправе отказать ответчику в отмене судебного приказа, если возражения поступили в установленный срок.

В этой связи, при рассмотрении дела в порядке приказного судопроизводства, вызов сторон в суд представляется излишним и нецелесообразным. Однако именно этот факт накладывает дополнительную ответственность, связанную с надлежащим оповещением сторон. Порядок вручения копии судебного приказа законодателем отдельно не регламентирован, копия судебного приказа вручается по общим правилам вручения судебных извещений.

Судебные извещения доставляются заказным письмом с уведомлением о вручении, телефонограммой, телеграммой, по факсимальной связи, либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения и его вручение адресату [1, ч. 1 ст. 113]. Время вручения адресату судебных извещений фиксируется установленным в организациях почтовой связи способом, или средствами соответствующей информационной системы, или на документе, подлежащем возврату в суд [1, ч. 1 ст. 115].

Извещение может быть доставлено также и по поручению судьи, при этом, лицо, которому судья поручил доставить судебное извещение, обязано возвратить в суд корешок судебной повестки или копию иного судебного извещения с распиской адресата в их получении [1, ч. 2 ст. 115].

На практике судебные письма доставляются в почтовое отделение, обслуживающее адрес получателя, после чего получателю должно поступить почтовое извещение о необходимости забрать судебное отправление в почтовом отделении. При этом почтовое извещение вручается получателю не в соответствии с правилами, установленными положениями ст.ст.113, 117 ГПК РФ, а просто бросается в почтовый ящик [5, п. 32 подп. «б»]. Все необходимые формальности, предусмотренные ст.ст.113, 115 ГПК РФ, соблюдаются при вручении получателю самого судебного отправления, непосредственно в почтовом отделении. Необходимо отметить, что судебные отправления хранятся на почте в течение семи дней [5, п. 34], по истечении которого, возвращаются отправителю.

Принимая во внимание низкое качество работы почтовых сервисов, а также, сложившуюся практику установки домофонов и общих замков на подъездные двери многоквартирных жилых домов, утеря, недоставка либо несвоевременная доставка извещений является абсолютно обыденной практикой, в связи с чем, судебный приказ, по истечении семидневного срока хранения отправляется обратно в суд, а получатель может даже и не узнать об этом.

При таких обстоятельствах, десятидневный срок, предусмотренный на подачу возражений, безусловно, будет пропущен. Кроме того, в некоторых регионах доставка корреспонденции от мировых судей осуществляется не «Почтой России», а «Национальной почтовой службой», которая, судя по отзывам, размещенным на сайте компании, доставку извещений вообще не практикует, в связи с чем, ответчик зачастую узнает о вынесенном против него судебном приказе уже после возбуждения исполнительного производства.

В качестве уважительных причин пропуска десятидневного срока на подачу возражений, относительно исполнения судебного приказа признаются такие обстоятельства, как неполучение должником копии судебного приказа в связи с нарушением правил доставки почтовой корреспонденции, ввиду

отсутствия должника в месте жительства, обусловленного болезнью, нахождением в командировке, отпуске, переездом в другое место жительства, и другие [6, п. 51].

Однако при этом, к возражениям должника, направленным за пределами установленного срока, должны быть приложены документы, подтверждающие невозможность представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от должника [7, п. 34].

Совершенно очевидно, что ответчик не сможет приложить никаких документов, подтверждающих, что почтальон не бросил извещение в почтовый ящик, либо бросил в день окончания срока хранения судебного отправления в почтовом отделении.

Гражданско-процессуальное законодательство довольно подробно регулирует порядок вручения извещений, предусмотрена также процедура фиксации отказа адресата получать судебное извещение, соответственно, отсутствие у суда точных данных о времени, месте, самом факте вручения извещения, должно расцениваться не иначе как ненадлежащее извещение, что как неоднократно указывал Конституционный Суд, ненадлежащее извещение ограничивает конституционное право на судебную защиту, является отступлением от гарантированных ч. 1 ст. 19 и ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации принципов равенства всех перед законом и судом, осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, — в таком случае искажается сама суть правосудия [8].

Исходя из того, что в силу универсальности названных принципов приведенная правовая позиция распространяется на все виды судопроизводства, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что отсутствие возможности восстановления пропущенного процессуального срока на обращение о пересмотре судебных решений, противоречит Конституции Российской Федерации [9].

Тем не менее, на практике мировые суды отказывают в восстановлении срока на подачу возражений, обосновывая свой отказ разъяснениями Верховного Суда РФ, в соответствии с которыми, гражданин, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо несут риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, доставленных по их адресам, сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено, но по обстоятельствам, зависящим от него, не было получено [10, ст. 165.1].

При этом, учитывая, что извещение ненадлежащим образом является безусловным основанием восстановления пропущенного срока на подачу возражений относительно исполнения судебного приказа, мировые суды при рассмотрении ходатайств о восстановлении пропущенных сроков, ссылаются на ст. 56 ГПК РФ, обязывающую гражданина доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований.

Соответственно, на гражданина возлагается необходимость доказать, что извещение о поступившем судебном письме ему доставлено не было, либо было доставлено с опозданием, что возможно, фактически, только в случае признания в этом сотрудника почтового оператора, разносящего корреспонденцию по почтовым ящикам, что в свою очередь, представляется крайне маловероятным.

Таким образом, в российской правоприменительной среде, сложилась практика, при которой, отсутствие неопровержимых доказательств ненадлежащего извещения, презюмирует извещение надлежащее, ставя в зависимость саму возможность подачи возражений относительно исполнения судебного приказа, исключительно от добросовестности почтальона, что является нарушением основополагающего принципа состязательности и равноправия сторон и извращает саму суть правосудия.

Кроме того, в условиях сложившейся практики такого рода оповещения в приказном производстве, отдельную проблему составляет вопрос территориальной подсудности.

Так, заявление о вынесении судебного приказа подается в суд по общим правилам подсудности, установленным соответствующим кодексом [1, ч. 1 ст. 123, 11 п. 13]. Поскольку судебный приказ выносится без вызова участников в суд, вопрос территориальной подсудности, казалось бы, не играет значительной роли, ведь копия приказа должна быть в любом случае направлена должнику, однако, по смыслу положений ст.ст. 28, 29 ГПК РФ территориальная подсудность напрямую вытекает из места жительства ответчика.

Следует также обратить внимание на то, что требование о защите нарушенного права принимается судом независимо от истечения сроков давности [10, ч. 1 ст. 199], исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Принимая во внимание, что судебный приказ выносится без вызова сторон, сделать заявление об истечении сроков давности до вынесения судом решения, не представляется возможным.

Соответственно, сложившаяся практика создает широкие возможности для злоупотреблений со стороны взыскателя, так например, предъявляя к взысканию требования, срок исковой давности по которым истек, либо уже погашенное долговое обязательство, взыскатель может намеренно указать ложный адрес ответчика, либо указать адрес, по которому, ответчик более не проживает [1, ч. 1 ст. 26], лишив тем самым ответчика возможности своевременно подать возражения относительно исполнения судебного приказа, а учитывая, что в качестве взыскателя зачастую выступают коллекторские агентства, микрофинансовые организации и т.д., то сотрудникам юридических отделов данных организаций сложившийся порядок оповещения, безусловно, хорошо известен.

Таким образом, учитывая, что практика применения приказного производства имеет серьезные недостатки, является удобным инструментом злоупотребления правом и практически гарантированным способом взыскания в тех случаях, когда взыскание в порядке искового производства невозможно, судебный приказ в полной мере не отвечает требованиям справедливости, а значит и не может считаться актом правосудия и нуждается в серьезной доработке. Снятие нагрузки с федеральных судов общей юрисдикции, а также относительно небольшие размеры взысканий не могут служить оправданием для практических нарушений основополагающего конституционного принципа состязательности и равноправия сторон.

При таких обстоятельствах, целесообразным является закрепление правовой нормы, согласно которой, отсутствие достоверных сведений о вручении почтового извещения, либо

акта об отказе в его получении адресатом, то есть, отсутствие доказательств надлежащего извещения, приравнивалось бы к ненадлежащему извещению.

Кроме того, представляется также целесообразным, исключить возможность рассмотрения в порядке приказного производства дел, срок исковой давности которых истек.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.
2. Исаченко В. Л. Русское гражданское судопроизводство: Практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Т. 1 Пг., 1915. С. 1.
3. Ходеева У. А. Приказное производство как форма судопроизводства: проблемы и перспективы правового регулирования // Молодой ученый. — 2016. — № 15.1. — С. 91–94.
4. М. А. Рожкова «Понятие спора о праве гражданском» Журнал российского права № 4–2005 С. 98–101.
5. Приказ Минкомсвязи России от 31.07.2014 № 234 «Об утверждении правил оказания услуг почтовой связи»
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве».
8. Постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 года № 20-П и от 10 декабря 1998 года № 27-П.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 года № 11-П.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

История развития и современное правовое регулирование корпоративных ценных бумаг

Саченко Алексей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент;
Яковлева Алина Константиновна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена рассмотрению истории развития законодательства о корпоративных ценных бумагах. Автор выделяет четыре периода развития законодательства с присущими им особенностями. Также рассматривается современное правовое регулирование корпоративных ценных бумаг.

Ключевые слова: корпоративные ценные бумаги, корпорация, законодательство, ценная бумага.

Законодательство о корпоративных ценных бумагах является частью законодательства о ценных бумагах в целом, а следовательно — и его развитие осуществлялось в контексте принятия и регламентации нормативно-правовых актов о ценных бумагах.

Само по себе развитие законодательства о ценных бумагах можно разделить на четыре этапа в зависимости от детализации правовой регламентации (первый и второй этап) и социально-экономических условий функционирования (третий этап).

Первый этап развития: в 1988 году принимается Постановление [1], согласно положению которого предприятиям предоставляется возможность ведения деятельности, основанная не негосударственных формах собственности, включая и хозяйственный расчет. Отметим, что правоотношения, регулируемые данным постановлением, не являлись в полном смысле корпоративными в силу отсутствия правовой регламентации возможности использования акций в гражданском обороте.

В 1990 году принимаются законодательные акты, которыми расширяется перечень объектов права собственности и в него включаются ценные бумаги [2, 3]. В целом, данный период характеризуется тем, что интенсифицируется работа по принятию нормативно-правовой базы, направленной на регулирование отношений в изучаемой сфере.

Так, в 1991 году в принятых Основах гражданского законодательства, выделена отдельная глава, посвященная регулированию ценных бумаг. Отметим, что по сравнению с предыдущим законодательством данная регламентация была достаточно подробной. Предыдущие нормативно-правовые акты регулирование ценные бумаги осуществляли фрагментарно, а принятые Основы существенно расширили возможности их оборота.

Для реализации положений Основ принимается соответствующее Постановление Правительства [4], которым осуществляется регулирование выпуска и обращения ценных бумаг,

а также производится регламентация деятельности участников данного сегмента финансового рынка. Следует подчеркнуть, что в указанном Постановлении была приведена дефиниция ценной бумаги. В частности, конститутивными признаками ценной бумаги являлись:

- она представляла собой денежный документ. Здесь подчеркнем, что первоначально в понятии ценной бумаги был сделан правовой акцент на ее документарный характер. Между тем, в тексте Постановления были допущения, касающиеся формы ценной бумаги — например, допускалось признание записи на счете. Это свидетельствует о том, что несмотря на использование в дефиниции узкого подхода к форме ценной бумаги, законодатель признавал возможность его расширения, а следовательно — в исследуемом Постановлении были заложены основы для дальнейшего перевода ценных бумаг в бездокументарную форму. Подчеркнем, что в последующем как документарная форма (обособленный документ), так и бездокументарная форма была закреплена в ГК РФ [4];

- удостоверяла либо имущественное право, либо правоотношения займа своего владельца;

- данное удостоверение допускалось в отношении лица, которое выпустило ценную бумагу.

Нормы данного Постановления имеют важное юридическое значение еще и потому, что оно заложило фундаментальные основы правового регулирования ценных бумаг и отдельные нормы в дальнейшем были закреплены в отраслевом законодательстве (например, в законах об акционерном обществе и о рынке ценных бумаг).

В рамках первого периода также был создан специализированный орган, уполномоченный публичной властью на регулирование правоотношений в сфере оборота ценных бумаг: Федеральная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ была создана Указом Президента РФ в 1994 г.

Отметим, что с принятием Конституции РФ в России стали признаваться и равным образом защищаться все формы собственности. В развитие данного конституционного положения, ГК РФ (1994 г.) включал в себя нормы, регулирующие право собственности, а также закрепляющие основы правового положения корпоративной деятельности, включая и ценные бумаги корпораций.

Второй этап в развитии правового регулирования корпоративных ценных бумаг связан с принятием в 1996 году Федерального закона «О рынке ценных бумаг», который является специализированным законодательным актом, направленным на детальное урегулирование отношений, связанных с эмиссией и обращением различных ценных бумаг. При этом, данный закон вводит легальную дефиницию ценной бумаги, раскрывая ее, по сравнению с ранее действовавшим законодательством, более детально. Данным законом устанавливаются и определенные особенности, связанные с созданием и функционированием профессиональных участников рынка ценных бумаг. В целом, закон о рынке ценных бумаг является основополагающим, базовым актом, устанавливающим фундаментальные правовые основы регулирования рынка ценных бумаг.

В последующие годы в развитие отдельных положений данного закона принимается достаточное большое количе-

ство подзаконных актов. Кроме того, в рамках данного этапа необходимо отметить существенное развитие законодательства о корпоративных ценных бумагах, выразившееся в принятии отдельных специализированных законодательных актов.

Третий этап развития законодательства о рынке ценных бумаг связан с мировым финансовым кризисом. Именно этим фактом опосредованы внесение корректив в законодательство, включая также и законодательство о ценных бумагах. Наряду с этим принимаются концептуальные документы, направленные на дальнейшее развитие правовой регламентации ценных бумаг (в частности, Стратегия развития финансового рынка, Стратегия развития банковского сектора и т.п.).

Четвертый этап мы можем охарактеризовать как современное состояние и поступательное развитие законодательства о корпоративных ценных бумагах. В частности, ему свойственны следующие черты:

- правовое регулирование корпоративных ценных бумаг осуществляется комплексом нормативных правовых актов. Между тем, подчеркнем, что на настоящий момент генерального понятия корпоративных ценных бумаг в законодательстве отсутствует. Ни в ГК, ни в отраслевом законодательстве данный перечень не приведен. Это, во-первых, вызывает споры среди ученых-цивилистов в части отнесения тех или иных видов ценных бумаг к корпоративным и, во-вторых, дает основание отдельным ученым указывать на неоднозначность данного института в российской правовой системе [5, с. 164].

Регулирование корпоративных ценных бумаг осуществляется как ГК РФ, так и системой специализированных законов, в числе которых можно назвать Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (дает их понятие, регулирует отношения, возникающие при эмиссии и обращении эмиссионных ценных бумаг и т.п.), Федеральный закон «Об акционерных обществах» (регламентирует правовой режим акций, облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг общества), Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (обеспечивает защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, объектом инвестирования которых являются эмиссионные ценные бумаги), Налоговый кодекс, Бюджетный кодекс и т.п.

Как мы уже указывали, основополагающим для правового регулирования корпоративных ценных бумаг является ГК. Связано это в первую очередь с тем, что именно в ГК указываются юридические лица, которые с правовой точки зрения являются корпорациями (а следовательно, и ценные бумаги таких лиц могут быть признаны корпоративными). Кроме того, ГК РФ определяет ценные бумаги как объект гражданского права и раскрывает их в отдельной главе (приводится их дефиниция, виды, раскрываются субъекты и т.п.). В отдельных разделах ГК раскрывается специфика обращения отдельных видов ценных бумаг (например, ст. 454 и др.).

Подзаконные нормативно-правовые акты также имеют существенное значение при регулировании исследуемых пра-

воотношений. Среди них следует отметить Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации, Положения Министерства финансов Российской Федерации и нормативно-правовые акты Центрального банка России, как, например, Положение Банка России

от 30.12.2014 N454-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг»).

Отметим, что регулирование корпоративных ценных бумаг также включает в себя и локальный уровень (в частности, нормативные акты, издаваемые корпорациями).

Литература:

1. Постановление Совета Министров СССР от 15 октября 1988 г. № 1195 «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг» // СП СССР. 1988. № 35. Ст. 100.
2. Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164.
3. Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1990. № 30, Ст. 416.
4. Постановление Правительства РСФСР от 28 декабря 1991 г. № 78 «Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР» // Собрание постановлений Правительства Российской Федерации. 1992. № 5. Ст. 26.
5. Корпоративное право / Под ред. Г. Ф. Ручкиной. — М.: Издательский дом Юрайт, 2023. — 212 с. — Текст: непосредственный.

Проблемные аспекты реализации полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела

Тимошенко Иван Иванович, студент магистратуры

Научный руководитель: Тарасов Анатолий Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

В данной статье рассмотрены полномочия прокурора а, также некоторые проблемы их реализации в стадии возбуждения уголовного дела. Обосновывается необходимость законодательно закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе такие права, которые действительно позволили бы прокурору полноценно осуществлять от имени государства уголовное преследование, в том числе право возбуждать уголовные дела.

Ключевые слова: прокурор, суд, возбуждение уголовного дела, уголовный процесс, прокурорская деятельность.

Стадия возбуждения уголовного дела начинается с момента поступления сообщения о преступлении и заканчивается принятием решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. Ее содержание заключается в деятельности органа дознания, дознавателя, следователя по рассмотрению сообщения о преступлении [1, с. 199].

Полномочия прокурора на стадии возбуждения уголовного дела закреплены в ст. 37 УПК РФ и некоторых других статьях Кодекса. К их числу относятся:

- проверка исполнения поднадзорными органами требований закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;
- вынесение мотивированного постановления о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;
- требование от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;
- дача органу дознания письменных указаний в рамках проводимой процессуальной проверки, в том числе и о необхо-

димости решения вопроса о возбуждении уголовного дела (при наличии повода и основания для возбуждения уголовного дела, предусмотренных ст. 140 УПК РФ);

- дача согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства о производстве процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

- отмена незаконных или необоснованных постановлений нижестоящего прокурора, а также незаконных или необоснованных постановлений органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя;

- участие в судебных заседаниях при рассмотрении ходатайств о производстве процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ;

- разрешение отводов, заявленных дознавателю, а также его самоотводов;

- передача материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами подследственности;

- рассмотрение жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ;
- поручение органу дознания проведение проверки сообщения о преступлении, распространенного в средствах массовой информации;
- продление срока проверки сообщения о преступлении;
- отмена постановления о возбуждении уголовного дела;
- дача согласия на возбуждение дознавателем уголовного дела частного и частно-публичного обвинения в соответствии с ч. 4 ст. 147 УПК РФ.

Полномочия прокурора осуществляются прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним прокурорами и вышестоящими прокурорами [2, с. 29].

Надзор прокурора в стадии возбуждения уголовных дел можно рассматривать в двух аспектах:

- 1) проверка прокурором законности и обоснованности постановлений о возбуждении уголовных дел;
- 2) проверка прокурором законности и обоснованности постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел.

Каждое постановление о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное органами предварительного расследования в обязательном порядке в течение 24 часов с момента вынесения направляется прокурору для проверки законности.

Всего должностными лицами прокуратуры Краснодарского края материалов в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ за 2022 год было направлено — 546, из них возбуждено уголовных дел — 455.

Прокурор незамедлительно истребует и изучает материалы проверок, послужившие основанием для вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела, и в течение 5 суток с момента их поступления прокурор имеет право отменить соответствующее решение, в случае признания его незаконным и необоснованным.

Законность любого постановления о возбуждении уголовного дела также проверяется прокурором в течение 24 часов с момента поступления прокурору материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано заинтересованными лицами прокурору в порядке, установленном ст. 124 УПК РФ. При этом прокурор истребует и повторно проверяет законность соответствующего процессуального решения с учетом доводов заявителя.

Однако в соответствии со ст. 21 УПК РФ прокурор, а также следователь и дознаватель от имени государства осуществляют уголовное преследование по делам публичного и частно-публичного обвинения. В каждом случае обнаружения признаков преступления они обязаны принять предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Несмотря на то что, согласно закону, прокурор в осуществлении уголовного преследования является безусловным лидером, он законодательно поставлен в неравные условия, поскольку исключен из перечня субъектов, полномочных, согласно ст. 144 УПК РФ, рассматривать сообщения о преступлении и принимать решения по существу. Он может только перенаправить заявление должностному лицу, которое далеко не всегда опера-

тивно и квалифицированно принимает меры, предписанные уголовно-процессуальным законом. А волокита, допущенная на этой стадии, ставит под сомнение саму возможность раскрытия преступления. На наш взгляд, дороже всех обходится ошибка, допущенная на начальной стадии уголовного процесса. Упущенное время негативно влияет на фиксирование следов преступления, установление свидетелей, подозреваемого, подлежащего задержанию [3].

С учетом этого представляется необходимым вернуть прокурору полномочия по приему и разрешению сообщений о совершенных преступлениях с принятием мотивированных решений о возбуждении уголовного дела и направлении его для производства предварительного расследования, об отказе в этом или о передаче сообщения по подследственности. Актуальность таких предложений состоит еще и в том, что на практике граждане по-прежнему считают прокурора основным должностным лицом, осуществляющим функцию уголовного преследования, что вполне согласуется с ч. 1 ст. 37 УПК РФ.

Возвращение прокурору указанных полномочий позволило бы ему эффективно обеспечивать реализацию обязанности осуществления уголовного преследования, закрепленную в ст. 21 УПК РФ. Конечно, прокурор не должен принимать все без исключения сообщения о преступлениях, но в случае выявления признаков преступления по результатам прокурорской проверки, а также при обращении граждан в прокуратуру, он должен иметь право возбудить уголовное дело.

Одно из основных полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела — проверка исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК). На это его нацеливает и Приказ Генерального прокурора РФ от 05.09.2011 (ред. 19.08.2021) № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия». Он обязывает прокуроров мерами реагирования осуществлять своевременное предупреждение, выявление и устранение нарушений законов в деятельности этих органов, защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений. На практике возникают вопросы, связанные с вынесением акта прокурорского реагирования по выявленным нарушениям закона, которые зачастую носят массовый характер. Общеизвестно, что в этих случаях представление является традиционным актом прокурорского реагирования. Однако его внесение со стороны работников следственных органов воспринимается болезненно, т.к. оно не предусмотрено УПК РФ [4].

Одним из самых распространенных способов укрытия преступлений со стороны правоохранительных органов продолжает оставаться незаконный отказ в возбуждении уголовного дела по сообщению о преступлении. Поэтому важно, чтобы у прокурора были полномочия, позволяющие предупредить и пресечь такие попытки.

Возвращение права по отмене необоснованных постановлений следователя и руководителя следственного органа об этом в какой-то степени избавило прокурора от необходимости требовать не нарушать закон. Не являются для следователя обя-

зательными и изложенные в постановлении прокурора доводы о конкретных обстоятельствах, подлежащих дополнительной проверке. Поэтому без восстановления прав на дачу письменных указаний следователю, обязательных для исполнения по материалам предварительной проверки, и возбуждение уголовного дела в тех случаях, когда признаки преступления очевидны, говорить о возможности прокурора обеспечить оперативную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, не приходится.

Важно также, чтобы законодатель установил срок представления прокурору не только копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, но и самого материала. Считаем оправданным его направление в течение 5 суток после получения запроса, что поставит прокурора в равные условия с руководителем следственного органа в части реализации полномочий по отмене незаконного решения. Необходимо также оговорить в законе, что после получения постановления прокурора об отмене состоявшегося решения об отказе руководителя следственного органа безотлагательно назначает дополнительную проверку, поскольку на практике вопрос решается неделями, а то и месяцами [5, с. 21].

Следует отметить, что в уголовном процессе неопределенность в реализации надзорных полномочий в значительной степени снижает эффективность их применения на практике. В частности, в п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ закреплено полномочие прокурора в рассматриваемой стадии передачи материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ (за исключением органов одной системы).

Казалось бы, законодатель дает прокурору возможность реально оценить ситуацию и обеспечить оптимальные условия для оперативного раскрытия преступления. Можно ли это сделать, если требуемый материал не представляется для ознакомления? А когда он, наконец, поступает, трудно бывает обосновать основания, если даже актуальность для реализации этого полномочия сохранилась. Как правило, такое изъятие производится по состоявшейся договоренности для улучшения статистики и в других целях, не связанных с проблемами раскрытия преступления и осуществления качественного расследования. При этом у обеих сторон есть возможность манипулировать этой неопределенностью. Положение изменится, если прокурор будет наделен правом истребовать материал проверки и давать по нему указания до принятия решения. Названные проблемы возникают и при передаче уголовных дел [6].

Рассмотрим пример из судебной практики. По приговору Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 24 марта 2021 года и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 30 сентября 2021 года гражданин П. осужден за убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, а также за кражу, то есть тайное хищение чужого имущества в крупном размере. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции приговор подлежал отмене по причине нарушения уголовно-процессуального законодательства, так как следует из

постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения, органами предварительного расследования П. обвинялся в совершении с 18 часов 53 минут до 20 часов 08 минут (более точное время предварительным следствием не установлено), в квартире Т. по адресу: убийства последнего и хищения чужого имущества в крупном размере.

Согласно приговору П. осужден за противоправные действия, совершенные с 18 часов 53 минут до 23 часов 00 минут, т.е. суд установил и указал в приговоре, что П. совершил преступления в другое время, которое не было указано в предъявленном ему обвинении, в том числе в обвинительном заключении.

Таким образом, судебная коллегия пришла к выводу, что изменяя предъявленное подсудимому обвинение в части увеличения периода времени совершения преступления, суд нарушил требования изложенных норм уголовно-процессуального закона, поскольку как действия государственного обвинителя не отвечают требованиям ч. 8 ст. 246 УПК РФ, так и действия суда, который принял решение без соблюдения процедуры исследования, отвечающей требованиям состязательности, значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны защиты, представителя потерпевшей об обоснованности позиции государственного обвинителя.

При таких обстоятельствах, поскольку допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения закона являются существенными (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ), и повлияли на исход дела, принятые по данному делу приговор Центрального районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам, нельзя признать законными и обоснованными, и поэтому были отменены, а уголовное дело было передано в суд первой инстанции на новое рассмотрение, в ходе которого суд должен будет устранить указанные существенные нарушения уголовно-процессуального закона, и дать надлежащую оценку всем доводам, изложенным в апелляционной и кассационной жалобах с приведением мотивов, чтобы принять законное, обоснованное и справедливое решение по делу.

В связи с тем, что приговор подлежит отмене по причине нарушения уголовно-процессуального законодательства, то по доводам кассационной жалобы защитника-адвоката о невиновности П. судебная коллегия решения не приняла, так как в силу п. 4 ч. 7 ст. 401.16 УПК РФ не вправе предрешать выводы, которые могут быть сделаны судом первой инстанции при повторном рассмотрении данного уголовного дела. Эти доводы подлежат оценке при новом судебном рассмотрении судом первой инстанции, в ходе которого следует надлежащим образом изучить в полном объеме представленные сторонами доказательства, проверить доводы стороны защиты, дать им соответствующую оценку, учесть изложенное в кассационном определении и по результатам судебного разбирательства принять законное, обоснованное и справедливое решение с соблюдением норм материального и процессуального законодательства. Таким образом Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции отменила приговор Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 24 марта 2021 года и апелляционное определение

судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 30 сентября 2021 года в отношении П. и передало уголовное дело на новое судебное рассмотрение в тот же суд первой инстанции иным составом суда. В последующем уголовное дело было возвращено прокурору в порядке 237 УПК РФ.

Рассмотрим еще один пример из судебной практики. По приговору гарнизонного военного суда офицер К. осужден за совершение воинского преступления к лишению свободы. Определением Судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда приговор гарнизонного военного суда в связи с нарушением уголовно-процессуального закона отменен и уголовное дело прекращено за отсутствием в действиях К. состава преступления. В обоснование принятого решения суд указал, что постановление о возбуждении уголовного дела в отношении К. вынесено в нарушение п. 7 ст. 5 и ст. 146 УПК РФ ненадлежащим процессуальным лицом при несоблюдении порядка, установленного законом для данной стадии уголовного судопроизводства. Указанное постановление вынесено дознавателем, который еще до возбуждения уголовного дела принимал участие в качестве специалиста в проводимом сотрудниками органов внутренних дел осмотре места происшествия. Данное обстоятельство в силу ст. 61 УПК РФ, безусловно, исключало возможность его участия в производстве по данному делу в качестве дознавателя и требовало устранения от процедуры возбуждения уголовного дела. Согласно выводу кассационной инстанции указанное нарушение в соответствии с ч. 3 ст. 7 УПК РФ повлекло юридическую ничтожность всех процессуальных действий и недопустимость полученных по делу доказательств, поэтому в действиях К. отсутствует состав преступления [7, с. 30].

Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела является важной гарантией законности и соблюдения прав граждан в уголовном процессе (ст.ст. 1, 4, 21, 22 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», в ред. от 30.12.2020) [8, с. 4472]. Статистическая отчетность свидетельствует, что прокуроры проверяют 82–88,5% постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел. Ими ежегодно отменяется 2,9–7,8% таких решений органов дознания и предварительного следствия. Таким образом в Краснодарском крае за 2022 год, всего было отказано в возбуждении

уголовного дела и проверено прокурором — 417510 постановлений, из них было отменено — 54649.

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела является основанием для совершения определенных юридически значимых действий. Например, выплата страхового возмещения по делам о дорожно-транспортных происшествиях, постановка автотранспорта на регистрационный учет в случае отсутствия маркировки, лишение родительских прав, отмена усыновления (удочерения), постановка несовершеннолетних на профилактический учет и т.д.

В соответствии с ч. 2 ст. 24 Конституции РФ и постановлением Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П лица, чьи права и свободы затрагиваются решением об отказе в возбуждении уголовного дела, имеют право на ознакомление с материалами проверки, проведенной по сообщению о преступлении, на основании которых вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку такой отказ преграждает потерпевшему возможность судебной защиты его прав и законных интересов [9, 10].

В настоящее время прокурор при обнаружении признаков преступления обязан выносить мотивированное постановление о направлении материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). С 2011 г. это постановление стало четвертым самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Однако принципиальных изменений правоприменительной практики это не вызвало. Сложности со следствием как были, так и остались. В частности, стало нормой возбуждение уголовных дел в трех-, десятидневные сроки и продление срока до 30 суток без достаточных оснований. Радикально повлиять на это прокурор не в состоянии. Поэтому представляется необходимым предусмотреть в УПК РФ право прокурора безотлагательно возбуждать уголовное дело при очевидных признаках преступления, выявленных в ходе осуществления надзорной деятельности, в том числе по результатам проверок исполнения законов, а также при незаконном отказе в возбуждении уголовного дела.

Считаем, что восстановление прежних полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела будет способствовать реальному осуществлению его функций в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Уголовный процесс / Под ред. П. А. Лупинской. М.: Владос, 2019. С. 199
2. Горлов В. К вопросу о системе обеспечения законности при возбуждении уголовного дела // Право и жизнь. 2018. № 13. С. 29.
3. Ленихин А. А. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Отечественная юриспруденция. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-prokurora-v-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela>.
4. Таболина К. А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-usileniya-rol-i-prokurora-v-protsedure-vozbuzhdeniya-i-rassledovaniya-ugolovnyh-del>.
5. Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 21.
6. Сафина А. Р. Функции прокурора в уголовном процессе // Вопросы науки и образования. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-prokurora-v-ugolovnom-protsesse>.

7. Горлов В. К вопросу о системе обеспечения законности при возбуждении уголовного дела // Право и жизнь. 2018. № 13. С. 30.
8. Федеральный закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Текст] // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс].— URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/9099dfd3d2c86f6a2e4e993085457883068dc405.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана» [Текст] // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс].— URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325

Проблема процессуальной самостоятельности следователя

Шайхутдинова Алия Джамилевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Епихин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Содержание статьи в полной мере отражает анализ всех видов полномочий следователя на соответствие декларируемой процессуальной самостоятельности рассматриваемого участника системы уголовного судопроизводства. Для полного понимания процессуальной самостоятельности и независимости следователя автор исследует процесс реформирования отечественной системы уголовно-процессуального законодательства. Эти реформы привели к значительному снижению уровня и независимости процессуальной деятельности.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность, прокурор, руководитель следственного органа.

Начать выполнение исследовательской работы, содержание которой связано непосредственно со структурой отечественного законодательства следует с рассмотрения терминологических аспектов. Часто употребляемое в отечественной юридической практике понятие «следователь» является производным от не менее популярного слова «след», означающего «примета чего-либо прошло либо признак». Работа следователя непосредственно связана с понятием «следить», которое в значительной мере раскрывает функциональное предназначение представителей данной профессии и обозначает реализацию процедуры поиска, включающую любое нахождение информации, связанной с предметом поиска [3, с. 1314]. На основании изложенного выше материала следует, что следователь в первую очередь обозначает представителей профессии, приоритетной целью которых является выполнение поиска материалов и информации, связанной с предметом поиска, а также преследование по имеющимся приметам.

Отличительными особенностями процесса сбора и последующего анализа всех обстоятельств, так или иначе связанных с определенным преступлением, является ретроспективный характер и преимущественно опосредованная форма реализации. Всегда возникает необходимость восстановить содержание и основные детали преступного события на основе фрагментарных следов, оставленных в настоящем времени. В этом случае нет исключений, и это объясняется А. Ф. Лубиным. Без применения методологии «следования по следам», следователям невозможно узнать истинную сущность произошедшего, так как другого способа проведения расследования не существует [5, с. 27]. Следователь — это в первую очередь

должностное лицо, выполняющее процедуру предварительного следствия, включая при этом еще и добросовестное исполнение других задач, которые предусматриваются системой законодательства (в данном случае отечественного).

Исследуя в первую очередь функциональное предназначение следователя в структуре функционирующих уголовно-процессуальных отношений, следует отметить, что данный элемент является одним из ведущих звеньев в поддержании работы всей структуры отечественной системы уголовного судопроизводства. Соответственно, спектр целей и задач полностью связан с обеспечением производства в отношении конкретного уголовного дела.

В состав данного спектра задач входят:

- реализация защиты прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений;
- выполнение установления подлежащих процедуре доказывания по уголовному делу обстоятельств;
- осуществление защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Функциональное предназначение следователя заключается в обеспечении обоснованности, законности и своевременности принимаемых им решений в процессе возбуждения уголовного дела в рамках его компетенции. В соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 38 УПК РФ, следователь имеет право передавать органам дознания обязательные указания и поручения, соблюдая установленный порядок в соответствии с действующими нормами.

Таковыми указаниями могут быть направление хода расследования и производства следственных и иных процессуальных

действий по сбору, проверке и оценке доказательств, принятие уголовного дела к рассмотрению.

Разобрав содержательное наполнение ч. 1 ст. 17 действующего УПК РФ, можно выделить положение, значение которого состоит в том, что следователь как и ряд других субъектов системы доказывания наделяется полномочиями в части формулирования собственной, свободной от других субъектов оценки всех категорий формирующихся доказательств. В данном аспекте он имеет право руководствоваться при принятии решений исключительно внутренними убеждениями, однако, даже в этом случае необходимо основываться на законе и совести, нельзя пренебрегать данным властным полномочием.

Руководствуясь рассмотренными положениями, в том числе и предусмотренными действующей системой законодательства, можно в полной мере убедиться в том, что УПК РФ действительно предусматривает процессуальную самостоятельность следователя. Однако ученые отмечают, что на основании принятого Федерального закона от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ «о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «о прокуратуре Российской Федерации»» были сформированы существенные по смысловому значению корректировки в части полномочий, присущих руководителю следственного органа и прокурору. В первую очередь они были осуществлены с целью оптимизации и совершенствования уже функционирующих на протяжении десятилетий правовых механизмов, включая поддержания значительного уровня самостоятельности анализируемого субъекта. Но в результате проведенной реформации степень зависимости следователя от руководителей, значительно возросла [9, с. 361; 4, с. 81].

Конкретизируя информацию, представленную выше, следует отметить, что существенные противоречия образовались между ст. 38 УПК РФ, структура которой фиксирует самостоятельность субъекта и ст. 39, содержание которой утверждает ряд полномочий руководителя следственного органа и одновременно сокращает уровень независимости, принадлежащей первому субъекту.

Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. №226-ФЗ «о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» аналогичным образом был направлен на оптимизацию уже сформированной системы, однако, он также за счет своего смыслового значения продолжил тенденцию на значительное сокращение степени независимости, присущей следователю. Возросло количество полномочий руководителей в сфере уголовного преследования, включая возможность возбуждать уголовные дела и рассматривать сообщения, связанные с преступлениями, в том числе те, которые имеют различные причины и характеристики. Теперь руководители имеют возможность проводить проверки и анализировать информацию об этих делах. Кроме того, им предоставлены полномочия прямого участия в допросе подозреваемых или обвиняемых без необходимости открытия уголовного дела и получения согласия суда на проведение процедурных мероприятий.

Углубляясь в изучение возникших расхождений, можно отметить, что заключительное из представленного набора полномочий нередко подвергается критике и замечаниям со стороны исследователей, которые публикуются в содержании специа-

лизированной литературы. Одним из таких авторов является В.А. Семенцов, которые в содержании собственных научных трудов зачастую задает вопрос, связанный с поиском причин, на основании которых руководитель определенного следственного органа обладает на законодательном уровне правом в реализации дополнительного персонального допроса. Ведь следует учесть то, что данные действия выполняются еще и следователем, которые несет ответственность за надлежащее выполнение данной работы, в том числе и за ее результаты. Анализируя точку зрения, выдвинутой автором, следует дополнить его мнение по образовавшейся проблеме еще и тем, что утвержденные правила не только сокращают степень рационализации в функционирующем производстве предварительного следствия, но и сводят к минимуму имеющейся самостоятельности рассматриваемого субъекта, действие которой также поддерживается в содержании действующих правовых норм [9, с. 364].

На основании изученных положений, относящихся к действующему на данный момент законодательству, можно с высокой степенью уверенности отметить, что следователь не имеет возможности без согласования с руководителем следственного органа принимать следующие виды решений:

- о прекращении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- об обжаловании решения прокурора, с которым он не согласен (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- о направлении прокурору дела с обвинительным заключением (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);
- возбуждении перед судом ходатайства о даче согласия на проведение следственных действий (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения с обвиняемым, выразившим согласие о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ);
- возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

На первом этапе исследования проблемы, связанной с увеличением процессуальной самостоятельности следователя, необходимо уделить особое внимание изучению терминологической составляющей данного вопроса. Поскольку законодательство не определяет данное понятие на практике, в отличие от доктрины, где предлагаются различные варианты использования терминов «независимость» и «процессуальная самостоятельность». В специализированной научно-исследовательской литературе эти термины часто интерпретируются по-разному: некоторые авторы рассматривают их как синонимы, тогда как другие отвергают возможность использования термина «независимость» для следователя, так как он всегда подчинен руководству на объективной основе.

Некоторые научные исследователи рекомендуют использовать эти термины в зависимости от области деятельности специалиста.

Ранее в данной работе уже было представлено, что УПК РФ в первую очередь фиксирует именно процессуальную самостоятельность, относящуюся непосредственно к следователю. Однако на начальном этапе работы изучаемый субъект крайне существенно ограничен в принятии решений и организации работы ведомства в целом. Хотя на основании действующих

нормативных документов он обладает статусом независимого участника в рамках рассмотрения структуры уголовного процесса по отношению к другим ее субъектам, например, к прокурору. За счет присутствия выявленного в процессе изучения нормативных документов противоречия, отметить исключительную автономность и независимость по отношению к персональную руководящему составу не представляется возможным. На основании этого можно отметить, что в первую очередь процессуальная самостоятельность базируется именно на взаимоотношении с иными участниками системы уголовного процесса [8, с. 126].

Существующая категория самостоятельности анализируемого субъекта уголовного процесса состоит в первую очередь в том, чтобы следователь наиболее тактично и гармонично реализовывал собственное функциональное предназначение в системе управления деятельностью государства в целом [2, с. 7]. Исходя из этой трактовки наделенную самостоятельность рекомендуется определять в первую очередь как возможность для реализации имеющихся обязанностей следователя в процессе расследования преступного деяния. Все нормы составлены таким образом, чтобы следователь подчинялся в первую очередь тем категориям норм, которые содержатся в положениях УПК РФ.

Особое внимание следует уделять еще и определению наиболее значимых векторов деятельности следователя, включая анализ и разработку наиболее оптимальных коммуникационных взаимодействий со всеми другими участниками уголовного процесса.

Одной из наиболее значимых направленностей работы рассматриваемого субъекта представлена категориями различных действий, которые следователь определяется на индивидуальной основе. В данном случае важно подчеркнуть, что в определенных случаях для их выполнения необходимо получить санкцию от уполномоченного органа, в основном это суд или же прокуратура.

В рамках данной сферы деятельности следователь выполняет ряд задач и работ, которые не требуют согласования с другими участниками. Однако важно отметить, что выполнение этих действий подразумевает соблюдение указаний, выданных вышестоящим руководством. Таким образом, хотя следователь обладает определенной процессуальной самостоятельностью, ее полный объем все же ограничен. Главным образом, такие полномочия принадлежат руководителям конкретных служб следственных органов, и их содержание регулируется статьей 39 УПК РФ.

Литература:

1. Булатов Б. Б. Уголовный процесс / Б. Б. Булатов. — Омск: Издательство Юрайт, 2021. — 555с.
2. Власов А. А. Полномочия следователя в советском уголовном процессе. — М.: Юнити-Дана, 2019. — 21 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. — М., 2022. — 2716 с.
4. Корнакова С. В., Чубыкин А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 200 с.
5. Лубин А. Ф. Криминалистические основы деятельности по расследованию преступлений: курс лекций. — Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2019. — 201 с.
6. Мазюк Р. В. Процессуальный интерес следователя по взглядам профессора В. И. Шиканова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — N2 (8). — С. 46–56.

Еще одно значимое направление реализуется непосредственно благодаря наличию действующей ст. 38 УПК РФ, на основе содержания которой анализируемый субъект осуществляет определенный перечень действий на самостоятельной основе и при этом он наделен правом остаться при своем мнении, даже в тех ситуациях, когда имеются определенные расхождения со стороны руководителя.

Считается, что чрезмерно существенный уровень контроля в полной мере сокращает уровень процессуальной самостоятельности следователя, что определенно отражается на степени качества осуществляемой им деятельности. Одной из практических рекомендаций является передача всех существенных полномочий в ведение органов прокуратуры — это позволит не только снизить надзор, исходящий со стороны руководителя следственного органа, но и в значительной степени расширить имеющийся уровень самостоятельности анализируемого субъекта уголовного процесса — следователя.

Рост уровня процессуальной самостоятельности, принадлежащей следователю — это ключевое условие для реализации законного и, самое главное, своевременного выполнения производства по уголовному делу. При этом условия его функционирования должны характеризоваться исключительно существованием абсолютной процессуальной самостоятельности [14, с. 52; 15, с. 81]. Руководствуясь данной практической рекомендацией, следует упомянуть еще и о том, что реформирование структуры уголовно-процессуального законодательства должно сопровождаться сокращением тех решений следователя, которые требуют определенного согласования.

Формулируя завершения данного научного материала, следует отметить, что в настоящее время имеется ряд значительных проблем и расхождений в части функционирования процессуальной самостоятельности следователя, образованных в первую очередь присутствием существенного уровня надзора, возникающего не только со стороны должностных лиц, но и со стороны определенных государственных органов. Следовательно, для успешного решения данной проблемы необходимо приложить усилия по внесению изменений в действующее законодательство и установлению жестких ограничений на полномочия отдельных участников системы уголовного процесса. Такое мероприятие позволит добиться реальных результатов в кратчайшие сроки, а главной целью его осуществления является непосредственное улучшение качества работы следователей и повышение профессионального уровня всех сотрудников, что существенно влияет на эффективность их деятельности.

7. Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2021. — №4 (18). — С. 76–84.
8. Мкртчян В.Г. Процессуальная самостоятельность следователя // Право: история, теория, практика, материалы III Международной научной конференции. — СПб.: Свое издательство, 2020. — С. 126–129
9. Семенцов В.А. Процессуальная самостоятельность следователя и процессуальное руководство // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Института повышения квалификации Следственного комитета России. — М.: Буки-Веди, 2022. — С. 360–364.

Система источников правового регулирования института разрешения административных споров

Шарова Анастасия Алексеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья направлена на изучение системы источников правового регулирования института разрешения административных споров: устройство системы источников правового регулирования данного института административного процесса, рассмотрение уровней этой системы, определение значения исследования каждого элемента правового регулирования и его роль в целостной многоуровневой структуре.

Основные результаты. В статье приведены в иерархической последовательности элементы системы источников правового регулирования института разрешения административных споров, рассмотрен каждый элемент в отдельности. Отмечено значение появления новых нормативно-правовых актов в системе источников правового регулирования административно-правовых споров и их особенности.

Ключевые слова: институт разрешения административных споров, система источников правового регулирования, уровни системы правового регулирования, элементы системы правового регулирования

Цель исследования — комплексное изучение системы источников правового регулирования института разрешения административных споров в России.

Методы, использованные при исследовании: изучение, теоретический анализ литературы, сравнительно-правовой, формально-логический, наблюдение, конкретизация, анализ и синтез.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере правового регулирования института разрешения административных споров в России.

Предметом исследования выступает структура, а также каждый элемент системы источников правового регулирования института разрешения административных споров.

Актуальность исследования темы.

Правовая система государства не является статичным явлением, а находится в постоянном преобразовании и совершенствовании, в связи с реформами общественно-государственной и политической жизни, техническим прогрессом и внедрением его элементов во все сферы жизни общества и государства. В этой связи в некоторые нормативные акты вносятся изменения, какие-то документы утрачивают силу и появляются новые, именно поэтому вопрос актуальности правового регулирования института разрешения административных споров требует своего изучения и сейчас, и в дальнейшем.

Правовое регулирование института разрешения административных споров осуществляется различными нормативно-правовыми актами, в совокупности составляющими иерар-

хическую и многоуровневую систему. Рассмотрим все уровни этой системы более подробно.

Первый уровень правового регулирования. Вершину системы источников правового регулирования института разрешения административных споров составляет Конституция РФ. Ведь именно она является базой текущего законодательства, определяет его характер, сущность и содержание. Вместе с тем, положения Конституции РФ нередко предписывают принятие специальных нормативных актов, детализирующих и дополняющих ее положения.

Поскольку институт разрешения административных споров — это, прежде всего, судебный процессуальный институт, к основам его правового регулирования относятся нормы Конституции о судебной системе в России, ее структуре и основных принципах осуществления деятельности судов, относящиеся к любой отрасли права (единство судебной системы, презумпция невиновности, осуществления правосудия только судом и др.). Конституционную основу судебной защиты физических лиц и организаций в административном процессе составляет комплекс взаимосвязанных конституционных норм, закрепленных в ст. 18, 46, 118 Конституции РФ. Основным законом государства является основой административного права, поскольку в нем закрепляются основные права и свободы личности, реализуемые также и в сфере государственного управления, формирование и деятельность органов исполнительной власти, разграничение функций органов исполнительной власти РФ и субъектов РФ.

Анализируя нормы Конституции РФ о судебной защите лиц в административном процессе посредством административного судопроизводства, в том числе учитывая специфику юридических дел, разрешаемых судом в порядке конституционного, уголовного и гражданского судопроизводства, в литературе справедливо подчеркивается, что правосудие, обеспечивающее реализацию права частных лиц на судебную защиту в административном процессе, может осуществляться исключительно в форме административного судопроизводства [1].

Таким образом, проведенный системный анализ выделенных конституционных норм позволяет сделать обобщающий вывод о том, что действующая Конституция РФ предоставляет частным лицам (в том числе физическим лицам и организациям) право судебной защиты в административном процессе посредством административного судопроизводства [2].

Второй уровень правового регулирования. После Конституции РФ, источником правового регулирования института разрешения административных споров, выступают общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации.

Часть 2 ст. 2 КАС РФ содержит положение, в точности аналогичное положению ч. 2 ст. 1 ГПК РФ о том, что в случае, когда международным договором РФ установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора. В точности аналогичное положение установлено и в ч. 3 ст. 3 АПК РФ. Рассматриваемое положение основано на норме ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Третий уровень нормативного регулирования. На третьем уровне находятся федеральные законы, в том числе кодифицированные. Это самая обширная по величине ступень правового регулирования рассматриваемого института и самая детализованная, — именно на ней находятся нормы, подробно регламентирующие понятие, особенности, виды и порядок разрешения административных споров.

На первом месте по значимости находится КАС РФ, — поскольку этот нормативно-правовой акт был введен в действие относительно недавно и является новым для российской правовой системы, следует остановиться на нем более подробно.

Президент РФ 8 марта 2015 г. подписал Федеральный закон «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» (далее — КАС РФ), который вступил в силу 15 сентября 2015 г. [3]

Этому предшествовали длительные дискуссии, непримиримые споры, но самой простой констатацией, которая постоянно находилась в центре обсуждения проблем создания административного судопроизводства в России, была необходимость практической реализации конституционно-правовой нормы, устанавливающей административное судопроизводство как специальную форму реализации судебной власти в стране наряду с конституционным, гражданским и уголовным судопроизводством.

Еще не успев вступить в силу, КАС РФ вызвал вопросы у юристов и подвергся критике. Правда, сама идея обособления норм, регулирующих порядок рассмотрения судами административных дел, в кодифицированный акт в целом сомнениям не подвергалась.

Поэтому следует согласиться с мнением Громошиной Н. А.: «Кодекс административного судопроизводства РФ рожден в условиях острой дискуссии, которая не стихает до сих пор, между сторонниками идеи о необходимости КАС РФ и его противниками» [4].

Справедливым следует считать утверждение Ю. Н. Старилова, который считает, что принятие КАС является важнейшим этапом судебной реформы и модернизацией административно-процессуального законодательства, поскольку с его принятием «состоялось выполнение требований Конституции РФ по практическому осуществлению правового положения относительно правосудия по административным делам» [5], а Т. В. Пешкова подчеркивает, что КАС — это «важнейший, фундаментальный и основополагающий правовой акт, устанавливающий основы защиты прав, свобод и интересов граждан от незаконных действий (бездействия) и решений органов публичной власти» [6].

Поскольку в правоприменительной практике возникают ситуации, когда дела с тождественным предметом судебного разбирательства в одних случаях квалифицируются в качестве гражданских, а в других — в качестве административных дел, нормы Гражданского процессуального кодекса РФ [7] также являются источником правового регулирования института разрешения административных споров для разграничения предмета ведения.

При этом, отмечают юристы, до сих пор не выработан единый подход судебных инстанций, согласно которым дела с тождественным предметом судебного разбирательства в одних рассматриваются по правилам ГПК РФ, а в других — в соответствии с КАС РФ. Поэтому определение критериев частноправовых и публично-правовых правоотношений, а соответственно, применения КАС либо ГПК (норм различных видов производств АПК) в том или ином случае выступает важнейшей проблемой при регулировании схожих отношений.

Порядок осуществления административного судопроизводства определяется также Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года N1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [8], Федеральным конституционным законом от 23 июня 1999 года N1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» [9], Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 года N1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [10] и др.

Кроме кодифицированных нормативно-правовых актов, к источникам правового регулирования рассматриваемого института относятся все федеральные законы, предметом ведения которых выступают отношения, возникающие в ходе разрешения административно-правовых споров. Приведем пример.

Общество импортирует через таможенную границу РФ промышленное оборудование, которое закупает напрямую от производителя по международному договору купли-продажи. Для целей уплаты таможенных платежей Общество заявляет в декларации стоимость товара, определенную по первому методу — цене сделки с ввозимыми товарами (ст.ст. 18 Закона РФ «О таможенном тарифе» [11]).

В обоснование заявленной стоимости таможенной орган обязывает Общество представить подтверждающие доку-

менты, непосредственно не относящиеся к его деятельности — в частности, документы производителя о себестоимости оборудования, стоимости сырья для его производства. Однако после предоставления таких документов таможенный орган по-прежнему не соглашается с заявленной стоимостью.

Общество обращается в суд с заявлением о признании незаконными действий таможенного органа по корректировке таможенной стоимости, указывая, что оборудование закуплено по прямому договору с производителем. Таможенный орган опровергает доводы Общества, указывая, что заявленная Обществом таможенная стоимость не подтверждена документально, в том числе затребованными документами производителя.

Суд соглашается с позицией Общества и признает действия таможенного органа по корректировке таможенной стоимости противоречащими ст.ст. 18, 19 Закона РФ «О таможенном тарифе».

Четвертый уровень правового регулирования. К данному уровню правового регулирования относятся подзаконные акты: Указы Президента, Постановления Правительства по отдельным вопросам нормативного регулирования института разрешения административных споров.

Пятый уровень регулирования рассматриваемого института составляют ведомственные документы — это различные Приказы, Положения и разъяснения министерств и ведомств.

Несмотря на то, что судебная практика не является источником права в российской правовой системе, руководящие разъяснения Пленума ВС РФ выступают в качестве базы правового регулирования некоторых вопросов разрешения административных споров.

Литература:

1. Стахов А. И. Судебная защита частных лиц в административном процессе посредством административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2021. №6. С. 34–41.
2. Там же.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N21-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, N10, ст. 1391.
4. Громошина Н. А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. N4. С. 96–112.
5. Стариков Ю. Н. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации — важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства. Режим доступа [https://cyberleninka.ru/article/n/prinyatie-kodeksa-administrativnogo-sudoproizvodstva-rossiyskoy-federatsii-vazhneyshiy-etap-sudebnoy-reformy-i-modernizatsii].
6. Пешкова Т. В. Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ: значение, проблемы, дальнейшие перспективы // Российский судья. 2015. N9. С. 14–16.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N46, ст. 4532.
8. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета, N3, 06.01.1997.
9. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 N1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.06.1999, N26, ст. 3170.
10. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета, N29, 11.02.2011.
11. Закон РФ от 21.05.1993 N5003-1 (ред. от 28.06.2022) «О таможенном тарифе» // Российская газета, N107, 05.06.1993.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета, N222, 03.10.2016.

Так, например, до 15 сентября 2015 года обжаловать акты, решения или действия органов власти можно было в гражданском судопроизводстве, но в особом порядке — согласно гл. 24 и 25 ГПК РФ. Теперь практически все подобные иски попадают под действие КАС РФ. В то же время, по правилам гражданского судопроизводства, суд оценивает те акты, из которых возникают гражданские права и обязанности — например, когда лицо получает право на какое-либо имущество. Такие разъяснения даны в п. 1 Постановления Пленума Верховного суда от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами КАС РФ» [12].

Таким образом, еще раз подчеркнем. Административно-правовой спор может вытекать из различных видов административных правоотношений, именно поэтому нормативно-правовая база данного института достаточно обширна, — кроме КАС РФ и федеральных законов, регулирующих порядок и особенности разрешения административных споров, отдельные его положения регламентируются иными федеральными законами и ведомственными правовыми актами.

Правовое регулирование института разрешения административных споров образует сложную иерархическую систему нормативных правовых актов.

О целостности системы источников правового регулирования института разрешения административных споров свидетельствует тот факт, что все элементы этой системы имеют один предмет правового регулирования — споры между гражданами и публичным элементом по поводу субъективных прав и обязанностей, относительно которых в связи с принятым административным актом возникли разногласия, а также вопрос о законности самого административного акта.

Реализация конституционного права граждан на достойный уровень жизни в контексте реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду

Янаев Василий Валерьевич, студент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье рассматривается реализация конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, анализ действующего законодательства в области охраны окружающей среды и эффективность применения законодательства. Рассматриваются основные подходы к ее анализу с позиции законодательства в области охраны окружающей среды и благополучия граждан, и судебной практики по защите конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

Ключевые слова: конституция, права граждан, окружающая среда, реализация права, защита прав человека.

Implementation of the constitutional right of citizens to a decent standard of living in the context of the implementation of the constitutional right to a favorable environment

Yanaev Vasily Valeryevich, student
Russian State Social University (Moscow)

The article examines the implementation of the constitutional right of citizens to a favorable environment, the analysis of current legislation in the field of environmental protection and the effectiveness of the application of legislation. The main approaches to its analysis are considered from the perspective of legislation in the field of environmental protection and the well-being of citizens, and judicial practice to protect the constitutional right of citizens to a favorable environment.

Keywords: constitution, citizens' rights, environment, implementation of law, protection of human rights.

Российская Федерация в качестве государства — продолжателя Союза ССР является участником Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [1] (ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 3 января 1976 г.).

Статьей 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [1] установлено, что участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни. Государства-участники примут надлежащие меры к обеспечению осуществления этого права, признавая важное значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии.

Согласно декларации ООН [2] (1970), достойный уровень жизни — это минимальный уровень жизни, отвечающий человеческому достоинству, это уровень, соответствующий концепции — достойной жизни, которая базируется на неизменных международных стандартах.

Конституцией Российской Федерации [3] (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), как высший нормативный правовой акт Российской Федерации, обладает высшей юридической силой, закрепляющей основы конституционного строя России, государственного устройства, образование органов исполнительной власти и систему местного самоуправления, права и свободы гражданина, устанавливает вектор развития Российской Федерации.

Российская Федерация, как установлено в статье 7 Конституции Российской Федерации является социальным государством, и в связи с этим у Российской Федерации имеется перечень обязанностей перед гражданами, в том числе и обязанность государства для обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду.

Статьей 42 Конституции Российской Федерации установлено, что каждый гражданин Российской Федерации имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Благоприятная окружающая среда является необходимой для нормальной жизнедеятельности человека и реализации права на достойный уровень жизни.

Реализация конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, имеет тесную связь с реализацией конституционного права на достойный уровень жизни.

Полагаю, что вопрос экологии и сохранения окружающей среды является очень важным и в аспекте реализации конституционного права граждан является крайне важным.

Сохранение природы и его многообразие экологических компонентов природной среды является, по моему мнению, одним из важных задач человечества.

Во всем своем многообразии компонентов окружающей среды, каждый компонент природной среды несет огромную нагрузку, которая определена понятием антропогенная нагрузка.

В широком понимании антропогенная нагрузка — это воздействие на окружающую среду в результате деятельности человека.

Российская Федерация очень богата природными ресурсами, следовательно, в результате использования природных ресурсов, непосредственно «вторгаются» в сформированную экологическую среду.

Использование природных компонентов окружающей среды, таких как: почва, воздух, вода и другие компоненты окружающей среда законодательством Российской Федерации направлены на ее рациональное использование и что не мало важно, использование природных компонентов окружающей среды несет платность ее использования и возмещение ущерба причиненного природной среде

Платность использования природных компонентов окружающей среды заложена законодателем во многих правовых актах, в том числе и основном правовом акте, отражающий принципы охраны окружающей среды и ее рациональное использование — Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7 — ФЗ «Об охране окружающей среды» [4] (статья 3).

Вышеуказанный правовой акт в результате системного анализа показал, что принципы, заложенные в статье 42 Конституции Российской Федерации в полной мере раскрыты в нем и несут принципы охраны и использования природным компонентов окружающей среды, направленные на рациональное использование природным ресурсом, что в целом направлено на обеспечение прав человека на благоприятную окружающую среду и благоприятные условия жизнедеятельности.

Законодатель, основываясь на гарантированными Конституцией Российской Федерации и правовыми актами нормами, ведет правильную политику в области охраны окружающей среды, тем самым сводя к минимуму антропогенные воздействия на окружающую среду путем регулирования как способа и методов использования компонентов окружающей среды.

Одним их ярких примеров является лимиты, установленные на добычу охотничьих ресурсов (Приказ Минприроды России от 17.05.2010 № 164 «Об утверждении перечня видов охотничьих ресурсов, добыча которых осуществляется в соответствии с лимитами их добычи» [5]).

Данный приказ, наглядно демонстрирует, что законодательством в целях рационального использования охотничьих ресурсов, вводятся лимиты на добычу охотничьих ресурсов, что свою очередь, является отличным способом ограничения и сохранения компонентов окружающей среды — объектов животного мира.

Хотелось бы раскрыть в данной статье, антропогенное воздействие в результате использования полезного ископаемого как нефть.

Нефтяная отрасль как отрасль экономики имеет важное значение в Российской Федерации.

Несмотря на значимость осуществления добычи, переработки нефти, осуществление вышеуказанной деятельности несет огромную антропогенную нагрузку на окружающую среду.

Согласно приказу Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 1 октября 2020 г. № 726-ст Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 51858–2020т «НЕФТЬ. ОБЩИЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ» [6] установлено, что нефть содержит легкоиспаряющиеся вещества, опасные для здоровья и жизни человека и для окружающей среды.

По смыслу вышеуказанного ГОСТа, деятельность по добыче и переработке нефти по определению несет угрозу окружающей среде.

Законодателем в целях охраны и рационального использования природных ресурсов изданы соответствующие нормативные акты.

В части использования природного ресурса как нефть, регламентировано Законом Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах» [7].

Нормы, содержащиеся в вышеуказанном законе, являются обязательными при осуществлении пользования природными ископаемыми, в том числе и природного ископаемого как нефть.

Основным методом регулирования пользования недрами лежит императивный метод, который проявляется в получении лицам, которые изъявили намерение осуществлять пользование недрами специального государственного разрешения — лицензии.

Настоящая лицензия на пользования недрами определяется в границах горного отвода и представляют в виде геометризованного блока недр.

Для лучшего понимания, это участок земли, у которого определены границы использования, не только на поверхности суши, но и определены объемы полезных ископаемых «под землей», которые определены путем проведения геофизических работ.

Стоит отметить, что принцип — лицензирования участков недр, является верным, что позволяет осуществлять надлежащий учет участков недр, который в свою очередь четко разграничен на границы пользования недрами и объемами добычи полезных ископаемых.

Несмотря на высокую ценность природного ресурса — нефти, добыча и ее обработка очень дорогостоящий процесс, который сплошь состоит из рисков, который включает не только экономическую составляющую процесса, но и экологические потери.

В виду того, что деятельность по добыче нефти де-факто носит потенциальную угрозу окружающей среде, законодателем предусмотрена классификация производственных объектов по уровню потенциальной опасности причинения вреда не только окружающей среде, но и жизни и здоровью граждан.

Законодателем в связи с вышеизложенным, с целью классификации объектов, осуществляющих добычу, транспортировку и др. действия с указанием класса опасности, которые регламентированы Федеральным законом от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [8].

Статьей 2 Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [8] установлены понятия и классификация опасных производственных объектов.

Данный класс опасности производственного объекта, как указано выше определяет характер причинения вреда окружающей среде в результате действий, связанных с поступлением по тем или иным причинам, в окружающую среду опасного для человека вещества.

Классификация производственных объектов, установленных в Федеральном законе от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» дает четкое понимание о характеристике того или иного объекта, которое упорядочивает, учет опасных производственных объектов.

Как показывает практика основными причинами, когда на опасном производственном объекте (пример — объект добычи и эксплуатации нефтяной отрасли) происходят аварии и другие инциденты, в результате которого происходит загрязнение окружающей среды, можно выделить два фактора:

1. Человеческий фактор;
2. Изношенность объектов нефтяной инфраструктуры.

Законодателем, в целях контроля объектов нефтяной инфраструктуры предусмотрены со стороны государственных органов соответствующие органы контроля и надзора.

В области добычи нефти данным контролирующим органом является Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору «РОСТЕХНАДЗОР» (далее — Ростехнадзор).

Законодателем с целью контроля за деятельностью лиц осуществляющие эксплуатацию опасных производственных объектов и не только, предусмотрены механизмы, посредством осуществления контрольных (надзорных) мероприятий, установленный Федеральным законом «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ⁹.

Вышеуказанный Федеральный закон, является по мнению законодателя упорядоченным инструментом, для осуществления контрольных (надзорных) мероприятий, содержащий помимо видов, сроков и др. обжалование результатов контрольных (надзорных) мероприятий.

На протяжении всей статьи проводится упоминание о том, что опасные производственные объекты потенциально несет угрозу окружающей среде, а также особо опасные производственные объекты подразделяются классы опасности.

Полагаю, что замысел законодателя и кроется в том, что если производственный объект относится к опасным производственным объектам и относится к тому или иному классу опасности, то контрольно-надзорные мероприятия будь то плановые или внеплановые проверки, в соответствии с нормами, указанными в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ, проводятся с той или иной периодичностью.

Вышеуказанный принцип осуществления контрольных (надзорных) мероприятий называется риск-ориентированный подход, который напрямую зависит риска причинения вреда лицами осуществляющие деятельность, в том числе причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

Понятие принципа риск-ориентированного подхода к осуществлению контрольных (надзорных) мероприятий применяется с 2015 года.

В период 2022–2023 гг., законодателем внесены изменения в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»

от 31.07.2020 № 248-ФЗ, главным изменением которого «мораторий на проверки», который в 2023 году продлен до 2030 года (Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 10.03.2023) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [10].).

Все вышеуказанные изменения полагаю, связано с переходным периодом внедрения новой более усовершенствованной вертикалью осуществления контрольных (надзорных) мероприятий, которые в свою очередь направлены на прозрачность контролирующих органов при осуществлении контрольных (надзорных) мероприятий, а также уменьшения риска причинения вреда в контролируемые лицами и самое важное, стимулирование контролируемых лиц, к соблюдению законодательства Российской Федерации при осуществлении деятельности, что в целом, приведет к уменьшению причинения вреда окружающей среде.

Стоит также отметить, что в несмотря на продление моратория на проверки до 2030 года, опасные производственные объекты по прежнему являются объектом пристального внимания контролирующих органов, в виду того, что в отношении данных объектов (I и II классов опасности), коими и являются объекты нефтяной инфраструктуры, плановые и внеплановые контрольные мероприятия проводятся, в соответствии с требованиями установленными Федеральным закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ.

Стоит также отметить, что производственные объекты, не относящие к I и II классам опасности производственных объектов, вероятность проведения в отношении них плановых и внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий приближается к нулю.

Законодатель, полагаю заложил в законодательстве о государственном контроле (надзоре), большее внимание уделять посредством проведения внеплановых и плановых контрольных (надзорных) мероприятий в отношении лиц относящиеся в опасным производственным объектам, что правильно и основано на принципе, что на данном объекте может произойти аварии, которые могут привести к необратимым последствиям.

Также, полагаю, что законодатель, в законодательстве о государственном контроле (надзоре) большое внимание уделено, проведению профилактических мероприятий, путем проведения профилактических визитов, объявление предостережений и др., что в свою очередь, направлено на стимулирование контролируемых лиц на недопущение причинения ущерба.

Стоит также отметить, что в целях оценки осуществления государственными органами вида контрольного надзорного мероприятия, является изготовление ежегодных докладов по итогам деятельности осуществляется оценка его эффективного.

Одним из индикаторов, подтверждающих эффективность работы законодательства в области охраны окружающей среды и работы контролирующих органов, является снижение количества лиц, привлеченных к административной, уголовной ответственности и уменьшение размера причинения вреда.

В Российской Федерации, экологические правонарушения в общем от других правонарушений занимают лишь 1% от общего, которые рассматриваются судами в Российской Федерации, все же имеет место для обсуждения и уменьшения его количества.

В связи с вышеизложенным, в целях улучшения эффективности осуществления государственного контроля (надзора) и уменьшения количества экологических нарушений необходимо:

1. Увеличить штат сотрудников контрольных (надзорных) органов, с целью большего обхвата производственных объектов контролируемых лиц и качества проведения надзорных мероприятий;

2. В связи с мораторием на проверки, который продлен до 2030 года, считаю необходимым пересмотреть данное решение, с целью разграничения о допустимости проведения контрольных (надзорных) мероприятий по видам контроля.

Литература:

1. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 3 января 1976 г.);
2. Декларация ООН (1970);
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
4. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7 — ФЗ «Об охране окружающей среды»;
5. Приказ Минприроды России от 17.05.2010 № 164 «Об утверждении перечня видов охотничьих ресурсов, добыча которых осуществляется в соответствии с лимитами их добычи»;
6. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 1 октября 2020 г. № 726-ст Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 51858–2020т «Нефть. Общие технические условия»;
7. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах»;
8. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»;
9. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ;
10. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 10.03.2023) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля».

Реализация конституционного права граждан на достойный уровень жизни в контексте реализации конституционного права на бесплатное дошкольное образование

Янаев Василий Валерьевич, студент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье рассматривается реализация конституционного права граждан на бесплатное дошкольное образование, анализ действующего законодательства в данной сфере и эффективность применения законодательства. Рассматриваются основные подходы к ее анализу с позиции законодательства в области бесплатного дошкольного образования и благополучия граждан, и судебной практики по защите конституционного права граждан на получение бесплатного дошкольного образования.

Ключевые слова: конституция, права граждан, окружающая среда, реализация права, защита прав человека.

Implementation of the constitutional right of citizens to a decent standard of living in the context of the implementation of the constitutional right to free preschool education

Yanaev Vasily Valeryevich, student
Russian State Social University (Moscow)

The article examines the implementation of the constitutional right of citizens to free preschool education, an analysis of the current legislation in this area and the effectiveness of the application of legislation. The main approaches to its analysis are considered from the perspective of legislation in the field of free preschool education and the well-being of citizens, and judicial practice to protect the constitutional right of citizens to receive free preschool education.

Keywords: constitution, citizens rights, environment, implementation of law, protection of human rights.

Российская Федерация в качестве государства — продолжателя Союза ССР является участником Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [1] (ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 3 января 1976 г.).

Статьей 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [1] установлено, что участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на образование. Они соглашаются, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Они далее соглашаются в том, что образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами и содействовать работе Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

Частью 2 пунктом «а» статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах¹ установлено, что участвующие в настоящем Пакте государства признают, что для полного осуществления этого права начальное образование должно быть обязательным и бесплатным для всех.

Согласно декларации ООН² (1970), достойный уровень жизни — это минимальный уровень жизни, отвечающий человеческому достоинству, это уровень, соответствующий концепции — достойной жизни, которая базируется на неизменных международных стандартах.

Конституцией Российской Федерации [3] (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), как высший нормативный правовой акт Российской Федерации, обладает высшей юридической силой, закрепляющей основы конституционного строя России, государственного устройства, образование органов исполнительной власти и систему местного самоуправления, права и свободы гражданина, устанавливает вектор развития Российской Федерации.

Российская Федерация, как установлено в статье 7 Конституции Российской Федерации³ является социальным государством, и в связи с этим у Российской Федерации имеется перечень обязанностей перед гражданами, в том числе и обязанность государства для обеспечения права граждан на бесплатное дошкольное образование.

Статьей 43 Конституции Российской Федерации [3] установлено, что в Российской Федерации гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Реализация конституционного права граждан на бесплатное дошкольное образование, имеет тесную связь с реализацией конституционного права на достойный уровень жизни.

Получение бесплатного дошкольного образования является первоочередной ступенькой обучения и получения общего образования.

В аспекте данной статьи будет проведен анализ реализации конституционного права на достойный уровень жизни на бесплатное дошкольное образование.

Общественные отношения, возникающие в сфере образования в связи с реализацией права на образование, обеспечением государственных гарантий прав и свобод человека в сфере образования и созданием условий для реализации права на образование (статья 1 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4].

Понятие дошкольного образования отражено в статье 64 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4] (далее — Закон РФ об образовании).

Законодателем основополагающие догматы, установленные Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах [1]; декларации ООН [2]; Конституции Российской Федерации [3] указаны в Законе РФ об образовании.

В силу реализации государственного управления, органам местного самоуправления переданы полномочия по реализации прав на получение бесплатного дошкольного образования, которые в силу своих полномочий осуществляют реализацию права на бесплатное дошкольное образование (статья 8 Закона РФ об образовании [4], статья 6 Федерального закона от 06.10.2003 № 131 — ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5]).

В силу вышеуказанных требований по реализации конституционного права возложенных на органы местного самоуправления и начинают возникать вопросы, о чем свидетельствует обширная судебная практика, где граждане Российской Федерации обращались в органы судебной власти с целью защиты данного конституционного права, а именно получение бесплатного дошкольного образования.

Статьей 3 Конвенции о правах ребенка [6] (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 года) установлено, что во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

В некоторых ситуациях, вышеуказанные международные нормы, направленные на защиту интересов прав ребенка и гарантированного права Конституцией Российской Федерации³, исполняются не в полном объеме органами местного самоуправления, что и приводит граждан Российской Федерации с целью установления справедливости и реализации гарантированных прав в органах судебной власти.

Считаю, что гарантированные государством конституционные права обязаны реализовываться неукоснительно

и органы, которым переданы полномочия по их реализации, обязаны предоставить все условия реализации гражданам конституционных прав.

При систематическом анализе судебной практики хотелось бы выделить основные причины обращения граждан с целью реализации конституционного права, права на бесплатное дошкольное образование:

1. Отсутствие мест в дошкольном образовательном учреждении и образованием очередей;

2. Удаленность предоставления места в дошкольном образовательном учреждении от места проживания несовершеннолетнего;

3. Подмена понятия получения дошкольного образования и посещения группы по присмотру и уходу.

1. Начнем, пожалуй, в самого неординарного вопроса, а именно отсутствие мест в дошкольном образовательном учреждении и образованием очередей.

Как указано выше, на органы местного самоуправления возложены обязанности по предоставлению места в дошкольных образовательных учреждениях.

В свою очередь, граждане (родители, опекуны) обращаются в соответствующий орган местного самоуправления или через портал «Госуслуги» с заявлением о предоставлении несовершеннолетнему ребенку места в выбранном дошкольном учреждении.

Бывают на практике случаи, когда в ответе на заявление приходит ответ с отрицательным ответом на предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении, а также с указанием очередности места получения места в учреждении.

Разгневанные родители, не найдя справедливости в обратившийся орган, обращаются с иском в порядке установленном Кодексом административного производства Российской Федерации с иском в признании бездействием органа местного самоуправления в предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении.

Несмотря на установленные Конституцией Российской Федерации [3], Закона РФ об образовании [4], гарантированное право на бесплатное дошкольное образование, не может быть реализовано по причине недостаточности мест в дошкольных образовательных учреждениях и не принятии мер органами местного самоуправления по обеспечению данных мест несовершеннолетним детям.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2006 года № 5-П [7] даны строго установленные разъяснения: «Государство и муниципальные образования обязаны сохранять достаточное количество детских садов и при необходимости открывать новые, а если денег на местах недостаточно — их перечисляют из бюджета».

Конституционный суд в своем решении, прямо указывает на то, что органы местного самоуправления должны предвидеть о предполагаемом количестве несовершеннолетних детей, которые в скором времени обратятся в органы местного самоуправления с целью получения места в дошкольном образовательном учреждении и реализации конституционного права на бесплатное дошкольное образование.

В виду отказа родителям, опекунам несовершеннолетних детей в предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении, также информируют о том, что их несовершеннолетний ребенок стоит в «очереди».

Термин «очередь» в предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении является незаконно применяемым термином, в аспекте реализации конституционного права на бесплатное дошкольное образование и по своей природе является ничтожной.

Как указано в решении Анапского районного суда Краснодарского края от 10 января 2020 года по делу № 2А-104/20208, решение Мытищинского районного суда Московской области по делу № 2А-539/2022 [8] следующее:

«В соответствии с Письмом Министерства образования и Науки РФ от 08.08.2013 № 08-1063 — под очередностью в ДОО понимается список детей, поставленных на учет для предоставления места в дошкольном учреждении в текущем учебном году, но таким местом не обеспеченных на дату начала учебного года (1 сентября текущего учебного года). Показатели очередности — это численность детей, входящих в указанный список.

Соответственно, очередность — это не система, в которой ребенок находится в очереди за другими детьми, а учет детей, нуждающихся в предоставлении места в дошкольном учреждении на текущий год. Администрация муниципального образования г-к Анапа, Управление образование должны обеспечить всех детей, которые нуждаются в предоставлении места.

Таким образом, только нормативно — правовыми актами РФ регламентируется доступность дошкольного образования, а не автоматизированными системами учета» [8].

Исходя из вышеизложенного, судом даны четкие разъяснения касаясь «очередности» предоставления места в дошкольном образовательном учреждении, но как показывает практика, вышеуказанные нарушения встречаются очень часто.

В связи с этим необходимо органам местного самоуправления давать подробные разъяснения гражданам и не допускать наличия отказов в предоставлении места в дошкольных образовательных учреждениях.

Предпринять надлежащие меры органами местного самоуправления по увеличению количества мест в дошкольных образовательных учреждениях, с целью недопущения нарушения гарантированных статьей 43 Конституции Российской Федерации [3] прав на получение бесплатного дошкольного образования.

2. Удаленность предоставления места в дошкольном образовательном учреждении от места проживания несовершеннолетнего.

Вышеуказанная фраза встречается в основном в ответе на заявление о предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении от органов местного самоуправления.

На практике оказывается следующим образом, после обращения в орган местного самоуправления с заявлением о предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении, орган местного самоуправления начинает поиск места в выбранных дошкольных образованиях и при отсутствии места

предлагает место в другом дошкольном образовательном учреждении, которое находится на большом отдалении от места проживания несовершеннолетнего ребенка.

К примеру: проживаете Вы в районе Сокольники г. Москвы и Вам предлагают место в районе Западное Дегунино г. Москвы.

Казалось бы, никого нарушения прав несовершеннолетних нету, отнюдь это одно из грубейших нарушений права несовершеннолетнего.

Требования о предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении в непосредственной близости от места жительства несовершеннолетнего ребенка отражено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2006 года № 5-П [7]:

Требование территориальной доступности образовательных учреждений обусловлено интересами охраны здоровья детей и на федеральном уровне в виде пешеходной доступности образовательных учреждений предусмотрено пунктом 2.4 Постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 189 «Об утверждении СанПиН 2.4.2.2821–10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях», где указано, что при строительстве дошкольных организаций следует учитывать радиус их пешеходной доступности в данном случае не более 300 м.

11. Все указанные выше нормативные акты поддержал 05 июля 2017 года Конституционный суд РФ в своем Постановлении 18-П, указав, что образовательное учреждение должно находиться в пешеходной доступности от места жительства [9] (<https://pravo.ru/story/209719/>) [9].

Вышеуказанные выводы Суда четко регламентируют порядок подбора места в дошкольном образовательном учреждении, где расстояние от места жительства до сада занимало бы наименьшее расстояние.

К сожалению, органы местного пренебрегают данными разъяснениями суда и иногда в надежде устроить несовершеннолетнего в дошкольное образовательное учреждение допускают нарушение его прав, которое в свою очередь недопустимо.

3. Подмена понятия получения дошкольного образования и посещения группы по присмотру и уходу.

В практике часто встречаются случаи, когда орган местного самоуправления в случае отсутствия места в дошкольном образовательном учреждении предлагают родителям, опекунам несовершеннолетнего ребенка, место в дошкольном образовательном учреждении в группе по присмотру и уходу.

В связи с этим возникает вопрос, является ли предоставление места в дошкольном образовательном учреждении в группе по присмотру и уходу гарантированным Конституцией Российской Федерации³ право на бесплатное дошкольное образование?

Считаю, что место в дошкольном образовательном учреждении в группе по присмотру и уходу не является гарантированным Конституцией Российской Федерации [3] правом на бесплатное дошкольное образование.

С целью понимания сущности понятия группы по присмотру и уходу обратимся к Приказу Министерства просве-

щения Российской Федерации от 31 июля 2020 года № 373 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам — образовательным программам дошкольного образования» [10] (далее — Приказ о порядке организации дошкольного образования).

Статьей 13 Приказа о порядке организации дошкольного образования [10] установлено, что образовательные программы дошкольного образования в образовательной организации осуществляется в группах.

В образовательной организации могут также быть организованы также группы по присмотру и уходу.

Группы по присмотру и уходу без реализации образовательной программы дошкольного образования для воспитанников в возрасте от 2 месяцев до прекращения образовательных отношений. В группах по присмотру и уходу обеспечивается комплекс мер по организации питания и хозяйственно-бытового обслуживания детей, обеспечению соблюдения ими личной гигиены и режима дня (статья 13 Приказа о порядке организации дошкольного образования [10]).

При дословном толковании определения «группы по присмотру и уходу» можно сделать вывод о том, что в данной группе образовательная деятельность не осуществляется.

Однако в судебной практике случаются ошибки при вынесении решения, как в примере решения Мытищинского районного суда Московской области по делу № 2А-539/2022 [11].

Основанием для отказа в удовлетворении исковых требований (признании бездействием органа местного самоуправления и предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении несовершеннолетнему ребенку) явились действия направленные на предоставлении места в дошкольном образовательном учреждении в группе по присмотру и уходу.

Судьей Мытищинского городского суда Московской области незаконно отказано в удовлетворении исковых требований, которые выразились в неправильном толковании норм материального права [11].

По мнению судьи Мытищинского городского суда Московской области, предоставление места в группе по присмотру и уходу в дошкольном образовательном учреждении является достаточным условием для удовлетворения гарантированных Конституцией Российской Федерации [3] прав на бесплатное дошкольное образование [11].

В свою очередь апелляционным определением Московского областного суда решение по делу № 2А-539/20228 отменено и признано незаконным, по итогу исковые требований удовлетворены в полном объеме.

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что органами местного самоуправления необходимо усилить работу:

1. В учете нуждающихся лиц в реализации конституционного права на бесплатное дошкольное образование;
2. Увеличивать ежегодно количество мест в дошкольных образовательных учреждениях, с целью обеспечения мест всем обратившимся в органы местного самоуправления;
3. Усилить работу с личным составом органов местного самоуправления в проведении профессиональных семинаров в аспекте действующего законодательства и судебной практики.

Литература:

1. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 3 января 1976 г.);
2. Декларация ООН (1970);
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;
5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 — ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
6. Конвенция о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 года);
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2006 года № 5-П;
8. Решение Анапского районного суда Краснодарского края от 10 января 2020 года по делу № 2А-104/2020;
9. Постановление Конституционного суда РФ 18-П и <https://pravo.ru/story/209719/>;
10. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 июля 2020 года № 373 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам — образовательным программам дошкольного образования».
11. Решение Мытищинского районного суда Московской области по делу № 2А-539/2022

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 39 (486) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 11.10.2023. Дата выхода в свет: 18.10.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.